

К. СЕЛИХОВ

Песнь о плетках Боцман

КИМ СЕЛИХОВ

Ким Николаевич Селихов родился в 1929 году в г. Орле. В 1952 г. окончил литературный факультет Орловского государственного педагогического института, а в 1962 году редакторское отделение Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Работал секретарем комитета ВЛКСМ пединститута, секретарем Орловского обкома ВЛКСМ, первым секретарем Орловского ГК ВЛКСМ, главным редактором журнала «Комсомольская жизнь».

Литературной деятельностью Ким Селихов начал заниматься с середины пятидесятих годов. Им написан ряд очерков, рассказов, публицистических статей, напечатанных в различных изданиях, а также книги «Всегда в строю» и «Это случилось у моря».

Писатель часто выезжает в творческие командировки как по нашей стране, так и за рубеж. За последние годы он неоднократно бывал в Демократической Республике Афганистан. Результатом этих поездок стала повесть «Необъявленная война».

Ким Селихов член правления общества советско-афганской дружбы, первый заместитель секретаря правления Союза писателей СССР.

КИМ СЕЛИХОВ

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА

Записки афганского разведчика

*Светлой памяти всех героев, отдавших
жизнь за победу Апрельской революции
в Афганистане, посвящаю*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Почему, спроси, подруга, голова моя бела?
Потому, что благосклонной не всегда судьба была!
Только хуже ль белый сокол черных воронов десятка?
Сотня черных крыл не стоит соколиного крыла!

Адиб Сабир Тирмизи

Нескончаемы твои черные пепла, древний Гинду-
куш. Они не расстанутся с нашим самолетом, тянут-
ся далеко с юга на север. Ослепительно, до боли в
глазах, синевой отливают на солнце могучие глыбы
ледников, серебристыми лентами кажутся буйные

реки, малыми зелеными островами — горные долины.
Это моя родина, которую я давно не видел. Хмурым
утром покидал ее пределы. А сейчас над всем простором
дорогого сердцу моему края чистое, безоблачное
небо.

— Уважаемые дамы и господа! — отрывает меня
от иллюминатора мягкий голос. — Рейс самолета
авиакомпания «Ариана» подходит к концу. Через не-
сколько минут мы совершим посадку в аэропорту
столицы Демократической Республики Афганистан —
Кабуле. Температура за бортом самолета минус со-
рок градусов, в нашем гостеприимном городе плюс
сорок!

— Смотрите, смотрите, — толкает меня локтем со-

сед. — Это же Пули-Чархи! Я узнал... Серые кубики на серой земле... Прямо игрушечные домики! Да, да, та самая афганская Бастилия!

Он очень любезен, мой юный сосед по креслу. Всю дорогу, как опытный гид новичку-туристу, рассказывает о достопримечательностях Кабула и Герата, Джелалабада и Бадахшана. Словоохотливый парень оказался учителем истории. За время полета я убедился, что он неплохо владеет своим предметом... Вот и сейчас просит взглянуть на серые кубики, а потом он расскажет очередную историю...

— Да вы только взгляните! — просит он меня.

А я не могу, отвернулся от соседа, чувствую, как кровь ударила в виски, запеклись, пересохли губы. Так бывает теперь со мной, когда начинаю волноваться. Это пройдет, только скорее от этого проклятого места. Нет, не игрушечные домики под крылом самолета. Пять четырехэтажных барачных за высоким бетонным забором... Сторожевые вышки с прожекторами и пулеметами, огромные чугунные ворота... Пули-Чархи... Я не хочу ее видеть ни с воздуха, ни на земле. Забыть все, что было. Но что поделаешь с памятью, она жива, пока жив я. Память о страшных днях, проведенных в застенках, сложенных из крепкого камня, где вместо окон узкие щели. Память о первых шагах в большую жизнь через тюремный порог Пули-Чархи...

Рано утром через щель под потолком воровато заглядывает луч солнца. Оглядытся, осмелеет и прыг на холодный пол. Пройдется по давно не бритым щекам, разбудит, попляшет в ладонях, осветит на миг сердце надеждой и прочь, скорее на волю. А мы остаемся здесь, в своем каменном мешке. Рваные одеяла, глиняный кувшин с ржавой водой, вонючая параша в углу. Пять шагов в длину, два в ширину — таково жизненное пространство камеры особого режима тюрьмы Пули-Чархи. Поначалу нас было здесь только трое. Преступники особой государственной важности, лишённые прав свидания с родными и близкими, передач белья и питания, глотка свежего воздуха, слова с часовым у камеры. Подробности наших преступлений хранятся в канцелярских папках допросов. Каждая из них имеет свой порядковый номер, четко выведенный старательной рукой служивого человека.

Номер 523. Вытянув руки вперед, делает сейчас под собственную команду утреннюю гимнастику.

— Раз, два, три! Раз, два, три!

От усердия выступил пот на широком лбу, впалые щеки покрылись румянцем.

Худой, длинный как жердь, он то опускается на колючки то тычется к потолку. В больших черных глазах под стеклами очков в толстой роговой оправе — выражение серьезности и сосредоточенности. Это профессор Кабульского университета — Нажмуддин Зяран.

Впрочем, в тюремной канцелярии хранится не одна, а сразу три папки с описанием ужасных злодеяний профессора. Одна была заведена при короле Мухаммаде Захир-шахе, другая — при Мухаммеде Дауде, а папка за номером 523 — при Хафизулле Амине.

Власти меняются, а Нажмуддин остается по-прежнему политически опасным человеком для всех режимов, какие только ни существовали за последние годы в Афганистане.

Номер 804. Он встает ни свет ни заря. В темноте плеснет себе из кувшина воды на руки и ноги, станет на колени и начнет отбивать земные поклоны. Губы беззвучно шепчут молитву. Ее слова знакомы мне с раннего детства. «Во имя аллаха милостивого, милосердного! Хвала аллаху, господа миров милостивому, милосердному, царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помощи!» Это первая сура священного корана. Слова мольбы обреченных узников Пули-Чархи... Один аллах знает, сколько их здесь за мертвыми, глухими стенами тюрьмы. Руки к небу, молится истово, самозабвенно: «Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых ты облагодетельствовал, не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших».

По пять раз в день разговаривает один на один с аллахом почтенный мулла из Бадахшана. Мы с профессором не мешаем, сидим молча, чтобы не осквернить религиозный обряд. Но, видно, велики грехи у нашего Хабибулы Джумы. Не доходит его молитва до неба. Сидит с нами уже не один месяц в ожидании своего приговора.

— Не страшитесь суда земного, — важно, как проповедник в мечети, говорит он нам. — А страшитесь кары всевышнего... Суд аллаха — праведный суд и для палача, и для его жертвы. Да свершится он скорее над нашими головами!

Послушаешь муллу — сама честность и справедливость, всего себя человек посвятил служению аллаху... А тоже, как и мы, числится в списках опасных врагов для своего государства.

На моем личном деле стоит цифра 513...

Били молча и остервенело. Кулаком, кованными носками ботинок, свинцовой линейкой по голове и спине. Били, пока я не потерял сознание. Стало легким, как гусиное перо, мое тело. На смену дикой, опоясывающей все тело боли пришло блаженство. Наконец-то я ушел от этого жестокого, так и не понятого мною, мира. И вдруг почувствовал, как дернулась моя голова, за пустоту начали цепляться пальцы. И снова боль, невыносимая, мучительная...

— Слава аллаху! Он приходит в себя!.. — услышал я чей-то радостный голос.

— Не суетитесь, почтенный Хабибула. Смочили платок? Вот так, помогите повыше приподнять его голову! — командует кто-то другой над самым моим ухом. Жизнь, оказывается, не захотела расстаться со мною... Из груди вырвался надрывный, глухой стон. С трудом приоткрываются тяжелые веки, и я вижу перед собой восковое лицо незнакомого человека.

— Вы меня слышите?..

— Слышу... — почему-то шепотом отвечаю я.

— Однако отделали они вас изрядно. Очень больно? — спрашивает бледнолицый.

— Больно... Очень больно... — с трудом приподнимаю голову и неожиданно для себя кричу громко, истерично:

— За что они меня?! За что?! Я — не враг! Я — свой! Свой, свой!

Обессилел, упала голова, зашелся кашлем...

— Лежите спокойно, вам нельзя волноваться! — говорит мне все тот же незнакомец...

— Кто вы?

— Товарищи по несчастью, — услышал я в ответ...

...Затянулись кровавые рубцы на моем теле. День сменялся ночью, но ничто не менялось в жизни нашей камеры. Нас словно забыли, никому больше мы не нужны на этом свете. Тяжелая дверь открывалась для жидкой похлебки и куска сухой лепешки. Часовые были как немые. Им строго-настрого запрещалось общаться с нами. Никакой связи с внешним миром, полная изоляция. Будущее было тревожным и неизвестным... Днем не хотелось думать, терзать свою душу... Жили воспоминаниями о прошлом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Если есть у тебя для жилья закуток —
В наше подлое время — и хлеба кусок,
Если ты никому не слуга, не хозяин —
Счастлив ты и воистину духом высок!

Омар Хайям

Каждый город по-своему прекрасен. Но я влюблен в Кабул. Здесь прошло мое детство, здесь началась юность. Рано просыпается древний город. Его будят голоса муэдзинов. Усиленные радиодинамиками, они призывают с высоких башен мечети правоверных мусульман к утреннему намазу. Начинается новый день Кабула. Открываются двери магазинов, бесчисленных лавок и лавочек, по площадям и переулкам поплыл аяпетитный запах афганских шашлыков и лепешек. Слomia голову несет поток автобусов, легковых и грузовых машин. У водителей явно не в почете правила уличного движения. Разворачиваются где только их душе угодно, обгоняют друг друга, ругаются с велосипедистами, сигналият и грозят кулаками длинноухим ослам, которые не спеша, с тяжелой поклажей пересекают улицы. Лихой народ кабульские водители. Лихой и дружный. Никогда не оставят товарища в беде, поделятся бензином, подтолкнут, вытащат на руках из кювета, разделят на всех лепешку в дороге. Каждого пассажира встречают как брата родного. Память у них цепкая, знают все и про всех. А уж о дядюшке Фатехе и говорить нечего. Каждый укажет, где его мастерская стоит... Как доктор нужен человеку, так и жестянщик Фатех попавшим в беду машинам. А я у него в подмастерьях... Мастерская наша небольшая, но с вывеской. Придумал сам, вроде рекламы: «Лучшие мастера-жестянщики Кабула Фатех и Салех. Ремонт машин с гарантией!!!»

Вывеска есть, а вот работа не каждый день бывает. И вдруг пришла удача, машина за машинной. Какая своим ходом приползет к мастерской, какую волокут на буксире. Все битые, у водителей лица пасмурные, как небо перед дождем. А дядя веселый; принимает попавших в аварию людей с распростертыми объятиями...

— Добро пожаловать. Не желаете ли чашечку чая... Эй, Салех! Поддай дорогому гостю пиалу!

Но неудачливому человеку не до чая. Торопится узнать, можно ли восстановить машину, какой срок ремонта, а самое главное — по карману ли цена.

— Не спеши, почтенный! — говорит дядя. — Сейчас посмотрим, определим, с какого боку лучше к ней подступиться...

Пятницу рожденья

Долго осматривает машину дядя, вздохнет, наморщит лоб, прикинет что-то про себя, а уж только потом свою цену назовет. Торговаться с ним бесполезно, все об этом знают.

— Не подходит цена, иши, почтенный, другого мастера, — заявляет он. — А я спешу... Чай остыл!

А если сговорились, спину не разогнешь за весь день.

— Шевелись, шевелись, племянничек! — подгоняет меня дядя. — Смотри веселее, Салех! А ну, пошли-поехали!

И заплесал умеючи в его руках молоток, выбивает по металлу ритм, как на барабане... Ни одного лишнего движения, глаза точные, работает играючи и весь лицом светится. Стучит, пока рубашка на спине не взмокнет. Потянул глоток воды из чайника, передохнул немного, и снова ходит дерево по металлу... Так было несколько дней подряд на одной неделе. Заказ за заказом. Трудились даже в джему¹. Вроде заработали прилично, а у Фатехи сомнения.

— Пропусти еще раз через свои пальцы наши афгани, — просит он меня. — Кажется, ты ошибся, Салех. По моим подсчетам, должно быть больше этих гладких бумажек, будь они прокляты! — ругается старый мастер.

Уж и не знаю, как дядя вел подсчет. У него золотые руки мастера. А вот читать и писать, заниматься делением и умножением Фатех не умел с детства.

— Нет, я точно знаю, что больше мы заработали с тобой афгани, Салех, — твердит он упрямо.

Еще раз перебираю деньги, сомнения быть не может. Сумма все та же, копейка с копейкой сошлась. Дядя вздыхает, чешет затылок и начинает вспоминать неуплаченные долги:

— Пятсот афгани — налог за аренду мастерской. Тысячу афгани — за питание. Еще за дрова, не замерзать же было зимой...

Разложил все по полочкам, да так, что от нашего заработка одни воспоминания остались. С утра надо снова браться за работу, но где ее взять? Прошла везучая неделя, мы снова на мели. Пронесются мимо мастерской машины, сигналият в свое удовольствие, обгоняют друг друга. Они на ходу, грех им желать аварии, будет заработок у трудяг водителей... А вот мы сегодня с дядей и на лепешку не зарабатываем. Он было взялся за уборку мастерской, провел метлой по земляному полу, поднял пыль, плюнул с досады.

— Пойду разомну ноги на базаре... А ты посиди, авось повезет, клиент объявится.

Собственно, идти дядюшке некуда... Только переступи порог мастерской — и вот он, знаменитый ка-

¹ Д ж е м а — пятница, нерабочий день у мусульман.

бульский базар. Настоящее людское море, пестрое, шумное. Никто не молчит, говорят все разом, друг друга перебивают, каждый толкует о своем, торгуются, ругаются на чем свет стоит, умоляют, зазывают к себе в лавку. Женщин здесь не услышишь. Не их дело вести серьезные сделки, шататься по базарам. А вот мальчуганов — грязных, сопливых, ноги в цыпках, на теле лохмотья — много. С чайниками и кувшинами предлагают за один афгани кружку холодной воды. Вертятся юлой в толпе с лотками на шее, где сигареты и спички, подставляют тощие, костлявые спины под тяжелые мешки, лишь бы заработать на хлеб... Базар кишит, живет, движется. Каждый торгует как может и где место найдет. Многие прямо на земле раскладывают свой товар. Ржавые замки и японские транзисторы, глиняные тарелки и портативные счетные машинки, цепочки и бусы, иголки и холодильники... Отдельно тянутся ряды с фруктами и овощами, мясом и молоком. В дуكانах специализация на определенные товары, торговля по профилю дубленками и каракулевыми шапочками пирожком, мануфактурой и готовым платьем, обувью и стиральными порошками, ювелирными изделиями и швейными машинками. Это оседлый вид торговли. Торгуют и на ходу, предлагая свои товары с рук. Обычно это бойкие ребята, прицепятся к тебе, как репейники, ухватятся за полу халата и в нос суют всякую рухлядь, возьми ради аллаха, поддержи бедного человека. Продавцов много, а покупателей нет... Больше шупают руками, пробуют на зуб или язык, меряют по длине рук, ширине собственных плеч, качают отрицательно головой. Если сразу, не торгуясь, вынимаешь кошелек, от тебя отвернутся как от человека, который не внушает доверия. Поспешного покупателя боятся, ему не верят.

— Не успел по душам поговорить, а уже к товару руку тянет. Не нужны твои деньги, иди своей дорогой. Ничего не продам несерьезному человеку! — категорически заявляет торговец.

Покупок на нашем кабульском базаре без длительной торговли почти не бывает. Долго ходит по рядам афганец, присматривается, принимает. А если решился, начинается веселый спектакль.

Дядюшка Фатех любит посмотреть со стороны, как люди торгуются. Начинают издали, справятся о здоровье друг друга, поговорят о погоде, посетуют на тяготы суетливой жизни. И как бы невзначай, мимоходом:

— Вот халат смотрю...

— Хвала аллаху! Привел он тебя точно по адресу! — радостно улыбается торговец. — Здесь самые лучшие, самые нарядные халаты. Ты только посмотри, примерь, ты пошупай!

— Кажется, маловат, да и расцветка неяркая, нитки гнилые, наденешь — весь расползется по швам, — куражится покупатель.

И не потому, что товар не нравится. Просто так принято. Поначалу надо обязательно товар очернить, заставить торговца крутиться юлой вокруг тебя, хвалить на все лады каждый шов халата, заискивать, улыбаться.

— Нет... Не подходит... Пойду к другому... Мне не денег жалко, а красоты в твоём товаре нет...

В одно мгновение исчезает с лица торговца улыбка. Он подпрыгивает, как змеей ужаленный. И пошла отборная брань, проклятия не только в адрес покупателя, но всего его рода и племени. Лаутся долго, пока не разойдутся. Немного успокоятся, поостынут, и снова все сначала.

— Вот... Халат смотрю...

Торговец опять улыбается, приветлив, ссоры не помнит, беседует как со старым знакомым.

— Весь базар обойдешь, нигде халата лучше не встретишь.

— А сколько за него просишь, почтенный?

И снова скандал разгорается, крик, шум, гам... Это уже спор из-за цены.

— Побойся кары всевышнего. Такой цены и в помине нет! Это же не халат, а дерьмо с рукавами!

— Да отсохнет твой язык за слова непристойные! Бери, так и быть, из уважения к тебе сбавлю два афгани.

— Ты что, меня за ишака принимаешь?

— Нет, за верблюда, слюны много пускаешь, а настоящей цены не называешь.

Вспотеют, охрипнут, пока не сговорятся, ударят крепко по рукам. Торгаш доволен, в душе ликование — выгодно продал залежавшийся товар. Покупатель радуется — почти задарма купил нарядный халат, оставил с носом глупого дукашкика. И дядя Фатех усы разглаживает, получил удовольствие от настоящей восточной торговли.

Дядя может себе позволить уйти из мастерской, когда только пожелает. Он хозяин, ему все позволено. А я ни на шаг отлучиться не могу. Надо сидеть и терпеливо ждать клиента. От нечего делать взялся за книгу. Купил давно, а вот прочесть все недосуг, так она в мастерской на верстаке и валяется. Уселся у входа в мастерскую на пустом ящике, открыл было первую страницу, а тут и клиент объявился. Бело-снежный спортивный «Ягуар» тормозит у нашего порога. На левом крыле, вижу, краска содрана, вмятина от удара, где-то ударился красавец о чужой борт.

— Эй, парены! Иди сюда! — слышу я повелительный голос. — Ты что, глухой?

Со слухом у меня все в порядке, просто чудно как-то, впервые вижу девушку за рулем в Кабуле. Да еще такую красивую. Глаза большие, смотрят, как дразнят, широкий лоб, губы пухлые, родинка над сочной губой. Сидит в машине гордо, спиной сиденья не касается.

— Да открой же дверцу машины! — требует она.

Дело ясное, прибыла госпожа избалованная. Еще левчонка, а уже приказывает, требует к себе особого внимания.

— Значит, так, надо крыло выправить, закрасить. — распоряжается по-хозяйски. — Говорят люди, ты мастер хороший, я не ошиблась?

Она измерила меня с ног до головы недоверчи-

вым взглядом. Увидела в руках книгу, заинтересовалась.

— Грамотный? А ну покажи, что читаешь?

Я протянул девушке книгу, а сам к машине, нагнулся, крыло битое рукой ощупываю и уже прикидываю, сколько за работу запросить следует.

— А ты знаешь, что книга твоя крамольная?! — неожиданно спрашивает молодая госпожа.

Я поднял голову, смотрю на нее с интересом, что дальше она скажет.

— Да, да... Книга русского писателя Максима Горького «Мать» запрещена в афганском государстве. Я это точно знаю. Так что у тебя, мастер, могут быть неприятности с полицией.

— Госпожа собирается донести на меня? Может, показать ей, где ближайший полицейский участок?

— А ты, однако, колючий парень, — улыбается девушка. Захлопнула книжку, пристально посмотрела на меня и строго, как учитель, сказала:

— Такие книги на людях не держат. Без надобности рисковать никогда не стоит... Плохой вы конспиратор, рафик мастер жестяных дел.

Я растерялся, стою, моргаю глазами, не знаю, что сказать ей в ответ. Хозяйка роскошного «Ягуара», девушка в модных джинсах, серьги в ушах бриллиантовой слезой переливаются, золотые браслеты на запястьях рук — и вдруг разговор о конспирации, рафик мастер.... Что бы это все значило?

— Скажите, много ли времени нужно вам для ремонта? — прерывает она мои размышления.

— Да, пожалуй, полдня уйдет, не меньше...

Она посмотрела на свои часы, о чем-то задумалась и снова с вопросом:

— А вы, случайно, не водите машину?

— Имею водительские права, — не без гордости отвечаю я девушке.

— Вот и отлично! — обрадовалась она. — Я, понимаете, очень спешу, а вы, когда работу окончите, подгоните «Ягуар» к моему дому. Там я с вами и рассчитаюсь. Ключи в машине, а это мой адрес, — и вручает визитную карточку. Я еще и ответить ей не успел, а она подняла руку, остановила такси, кивнула мне на прощание и умчалась неизвестно куда. Взглянул на визитную карточку. Красивые арабские буквы на глянце бумаги сообщали: «Джамиля Рза» — и дальше следовал ее адрес... Я и без этой бумажки хорошо знал, где находится этот дом. Спроси каждого кабульца, рукой укажет, как к нему пройти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Горьким словам и упрекам внимать доколе?
Муку растить, чтоб терзаться опять, доколе?
Ходить насилье, а верность топтать доколе?
Сеять добро, но лишь зло пожинать доколе?

Катран ибн Мансур

В джему к вечеру, когда аллах убавлял фитиль у солнечной лампы, мы спешили к Ахмаду.

В условленный час собиралась вся группа. Старались идти разными дорогами, как учил Ахмад. Петляли, оглядывались, нет ли хвоста за спиной. Дом

Ахмада был у подножия выжженной, мрачной вершины. С его плоской крыши хорошо, как на ладони, был виден Кабул. Вот гордость города широкий проспект Майван, площадь Спинзар, утопающие в зелени особняки богатых людей, здания посольств и министерств.

А здесь был другой мир, другая жизнь. Один к одному лепились глиняные дома... Да и можно ли их домами называть... Скорее гнезда, где ютилась многогосемейная кабульская беднота. Рядом с гнездами — норы... Самые обыкновенные, выдолбленные в горе киркой и лопатой норы, где тоже жили люди, вместе со скорпионами, блохами и змеями. Грязь, нищета, зловоние. Никакой канализации, никакого водопровода, электрическая лампочка — неслыханная роскошь, которую не каждый хозяин может себе позволить.

— Смотрите и запоминайте, как живут простые люди труда в Афганистане, — говорит Ахмад.

Он — старший в нашей группе, и по годам, и по уму... Работает механиком на аэродроме, окончил специальную школу авиатехников. Роста он небольшого, кряжистый, весь из мускулов состоит. Улыбается редко, лицо всегда чем-то озабочено. Кажется злым и неприветливым. А на самом деле Ахмад очень добрый человек, мастер на все руки. За что ни возьмется, все у него ладится, все получается. Часы ли починить, мотор в машине отладить, с радиоприемниками разобратся. А нас, молодых ребят, Ахмад привлек другим. Стал учить, как драться надо настоящему. Любому без ножа давать сдачи.

— Условие одно — никогда не опаздывать на занятие, — предупредил он нас, ошалелых от радости парней. — Согласны?

Еще бы не согласиться, задаром человек изъявил желание заниматься заветным для мужчины видом спорта. Поначалу была группа в десять человек, а осталось нас четверо... Остальные как-то остыли, не всем по вкусу пришлось строгая дисциплина, которую ввел во время занятий Ахмад. Он никого не держивал, не отговаривал.

— Не нравится, уходи, пожалуйста, — без всякой обиды говорил Ахмад. — Мне нужны бойцы верные, которые в спорт по-настоящему влюблены.

Нашлись такие. Это Махаммад с мебельной фабрики, Султан — ученик скорняка, Рахнавар — монтер с электростанции и я. Но не о спорте начал с нами разговор Ахмад, когда остались одни. Станный и не совсем понятный для нас разговор.

— Приемами для одной борьбы вы овладели. Но есть другая, более жестокая, смертельная борьба. Хотите силы свои испытать? Ребята вы надежные, из рабочих... Приходите в следующую джему ко мне в гости. Потолкуем по душам.

Он был откровенным с нами, когда мы встретились у него дома за чашкой чая.

— Я — член Народно-демократической партии Афганистана... Борюсь за то, чтобы всем людям хорошо жилось в нашей стране, особенно рабочим.

— А разве так бывает, чтобы всем — хорошо? — усомнился я.

— Бывает! — утверждает Ахмад. — Бывает, когда

трудоу народ берет власть в свои руки. Пора проснуться нам, афганцам, от страшного сна. Людям других стран трудно поверить, что мы живем еще в век феодализма. Мрак, голод, нищета. Девяносто пять процентов населения страны не умеют читать и писать. На 15 миллионов населения нас, технических специалистов, и тысячи человек не наберется... А врачей в каждой провинции меньше, чем пальцев на руке.

Ахмад не делал для нас никаких открытий. Рассказывал о вещах знакомых и больших для каждого из нас. Что верно, то верно. Трудовой день начинается на заре, а заканчивается в поздние сумерки. За весь многочасовой рабочий день — ничтожная плата. Нелегко живется в городе рабочему человеку, но еще труднее дехканину на селе.

Не со стороны, а по-настоящему, глубоко знал Ахмад нашу нелегкую жизнь. Разговорились, каждый о своем, что ближе к сердцу. Задел Ахмад за живое, захотелось высказать все, что мучило, не давало покоя. До самой поздней ночи засиделись мы тогда в гостях у Ахмада. Тихими и задумчивыми стали мои товарищи, когда расходились по домам.

...Вскоре Ахмад сообщил своему подпольному райкому партии о создании группы сочувствующих НДПА из числа рабочей молодежи... Теперь к занятию спортом добавились и другие. Военную и техническую подготовку группы Ахмад взял на себя. В глухом ущелье, далеко от города, мы тренировались в стрельбе из единственного карабина. На своем стареньком, выдавшем виды «фиате» Ахмад обучал нас шоферскому мастерству.

— Все пригодится в грядущей революции! — говорил он нам.

А вот политзанятия проводили разные пропагандисты, которых присылал к нам райком партии.

...От неожиданности я даже попятился к порогу. За столом на конспиративной квартире у Ахмада, наклонившись над блокнотом, торопливо писала что-то Джамиля. Та самая хозяйка «Ягуара», который после ремонта я доставил к железным воротам богатой виллы.

— Кто это? — спрашиваю я у Ахмада.

— Наш новый пропагандист, рафик Джамиля, — отвечает.

— Ты что, с ума сошел, какая же она рафик... Это же дочь известного господина Рза, владельца нескольких хлопкоочистительных заводов.

— Ну и что? — улыбается Ахмад.

— А ничего. С дочкой капиталиста не хочу иметь дела. Я пошел!

— Не дури! — берет меня за плечи Ахмад. — Джамиля — член нашей партии... Опытный пропагандист! Да ты проходи в комнату, нечего у двери торчать! — И легонько в спину подталкивает.

Джамиля между тем кончила свои записи, блокнот в сторону, увидела меня, заулыбалась.

— А я так и думала, что ты с нами... Как увидела в руках книгу «Мать», ну, думаю, этот мастер жестяных дел наш брат, революционер. Только вот имени ты своего не назвал.

— Салехом его зовут, — за меня поспешил с ответом Ахмад и тут же добавил: — Все в сборе, пора начинать занятия.

— Ну что же, я готова! — говорит Джамиля, откинув упавшую на лоб прядь длинных волос. — Мне поручено ознакомить вас с историей афганского народа, с его героической борьбой за свободу и независимость своей страны. У некоторых из вас может возникнуть вопрос: а зачем нам эта седая древность?

— Да, действительно, зачем? — незамедлительно подает свой голос нетерпеливый Султан. — Мы же не ученики в лицее, а революционеры, борцы, так сказать, за светлое будущее.

— Не по цветам на ветке, а по корням в земле судят о силе дерева, — отвечает ему Джамиля. — Нельзя познать будущее родины, не зная ее прошлого... Но прежде чем начать этот большой разговор, взгляните сюда, мои друзья!

Я только сейчас заметил за ее спиной белое покрывало на голой саманной стене. Джамиля тянет к нему свою руку, слетает легкая ткань и ложится к ногам девушки. А перед нами во весь рост предстает босая женщина, идущая по острым, как пики, камням в гору. Лицо ее до самых глаз закрывает черный платок. Встречный ветер раздувает полы длинного платья, обтягивает, делает по-девичьи стройную фигуру... Женщина не просто ступала на камни, а отталкивалась с силой, спешила за лучом солнца, что пряталось от нее за горной вершиной.

— Это наша мать-родина! — тихо сказала Джамиля. — Босая женщина — символ нашего отечества, — продолжала девушка. — Вы видите, нелегкой дорогой она идет за лучом солнца, за лучом свободы. Но как ни трудно ей, она не останавливается, идет в гору! Надеюсь, всем понятен замысел художника?

— Что же тут не понять? — пожимает широкими плечами Султан. — Бедная, нищая женщина — вот какая она — наша родина! Я правильно говорю, рафик Джамиля?

— Правильно, правильно! — радостно подтверждает девушка. — Именно с такими мыслями и приступал к своей работе художник.

— Я. признаться, в этих картинках ни черта не соображаю, — говорит Махаммад. — Но здесь... вот эта женщина... очень похожа на мою мать... и руки натруженные, и в глазах мольба о лучшем дне...

— А кто написал эту картину? — интересуется Ахмад.

— Имя этого художника остается пока неизвестным. Он скрывается от полиции. Картина была выставлена на кабульской выставке в прошлом году, — рассказывает Джамиля. — Приехал туда Дауд, как глянул на эту картину, так злостью налился. Велел автора немедленно в тюрьму посадить. Хватились искать, кто таков, где художник, а его не оказалось. Картина на выставке была безымянного мастера.

— А что же с ней дальше произошло? — спрашиваю у своего пропагандиста.

— Дауд приказал это полотно выкинуть на свалку!

— Его самого пора на свалку! — замечает Султан и неожиданно резко, с обидой: — И вообще, когда мы действовать будем, возьмемся за оружие, чтобы башку открутить этому дьяволу? Что там думает ваш райком, пора приступать к революции...

— Не надо горячиться, Султан, — останавливает его девушка. — Всеу свое время... Вернемся к истории нашей многострадальной родины.

И начался рассказ пропагандиста. Из глубины веков вставали перед нами образы мужественных предков, которые не раз с оружием в руках поднимались на защиту своего отечества от иноземных захватчиков. В 1838 году английские колонизаторы вторглись на территорию нашей страны. Начинается первая англо-афганская война. Плохо вооруженное народное ополчение громит первоклассные по тем временам войска англичан. Терпят захватчики поражение и во вторую англо-афганскую войну в 1878—1880 годы.

Джамиля подробно останавливается на знаменитой битве при Майване.

— 27 июля 1880 года гордые и смелые афганцы доказали всему миру, что невозможно победить тот народ, который защищает свою честь и независимость!

Незаметно для себя девушка увлеклась, стала говорить громко, темпераментно. Уже сумерки заглянули со двора в приземистое оконце. Ахмад украдкой взглянул на свои часы. Пора было кончать занятия и расходиться по домам. А я боялся пошевелиться. Смотрел как завороченный на Джамилю. Страстную, красивую... Черная крапинка родинки мешала мне сосредоточиться, понять то, что она говорила. Странное, незнакомое чувство овладело мной. Стыдно сознаться, но в это мгновение я был далеко от проблемы истории своего народа. Грешные мысли блуждали в моей безрассудной голове.

Расходились по одному. Если бы Ахмад мне даже не поручал, я бы всё равно пошел провожать Джамилю.

— Вот я и дома, — сказала она, когда мы остановились у железного забора сложенной из красного кирпича виллы. — Спасибо, что помогли донести мою картину.

— Так это вы... и есть безымянный художник?! — осенило меня.

— Вы угадали! — смеется Джамиля. — Я автор картины. И пусть эту тайну знают двое: я и ты, Салех! — сказала она уже как старому другу и протянула руку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тяжесть в сердце моем, в нем чего только нет!
Ум скорбит об одном, в нем чего только нет!
«Что случилось с тобой?» — вопрошают меня.
«Я грущу о былом, — в нем чего только нет!»

Хагани Афзаладдин Ибрахим

...В апреле зачастили дожди, и дядя Фатех окончательно убедился, что крыша его мастерской — обыкновенное решето.

— Нет, так больше продолжаться не может! —

решиительно заявил дядя. — У жестянщиков, и крыша дырявая! Позор моей седой бороде. Чего стоишь, неси лестницу, берись за дело! — подает команду дядя.

Город только просыпался, и мы уже стучали молотками на крыше. Дядя решил непременно управиться с работой до обеда. Конечно, если клиент появится — крыша подождет, никуда не денется. А пока стучим по жести, сшиваем швы, латаем дыры. И вдруг сигнал автомашины, протяжный, басовитый. Замолк и снова зовет.

— Доброе начало. Счастливого сегодня утро! — обрадовался дядя. — А ну, племянничек, посмотри, кого нам аллах на радость послал!

— Эгей, Салех! Давай скорее вниз! — слышу я знакомый голос. Свесил голову с крыши, сомнений нет. Это Джамиля на своем «Ягуаре».

— Что случилось?

— Случилось! Случилось! Ахмад послал за тобой, тревога! — кричит она, высунув голову из кабины. Сама веселая, ворот темной кофточки нараспашку, шея оголенная.

— Вай, вай, что за бесстыдница такая? — спрашивает за моей спиной дядя.

Оказывается, молоток он отложил в сторону, осуждающе качает головой, а сам глаз с девушки не сводит. Ай да дядя. Кряхтит, в пояснице ломота, умирать собирается, а вот на молодую орлом посматривает, белую бороду ласково гладит.

— Добрый день, почтенный дядюшка Фатех! — озорно приветствует его Джамиля. — Как ваше дорогое здоровье?

— Смотри... она даже меня знает. Здоровьем интересуется, — удивился дядя. — Кто такая?

— Да это же та самая госпожа, что щедро заплатила нам за ремонт, — объясняю я дяде. — Вот ее машина. Крыло, как новенькое, горит.

— Эй, Салех! Ты скоро? Ждать тебя или не ждать?

— Иду!

— Постой, постой, ты куда, Салех?.. А крыша?.. Крыша как же?.. — кричит мне вдогонку дядюшка Фатех.

— Дочиним после революции! — вместо меня со смехом отвечает ему Джамиля, отпуская сцепление.

...Было обычное трудовое утро Кабула. Толкали впереди себя тяжелые, груженные тележки хазарейцы, прибивали пыль водой из чайников около своих мастерских портные и сапожники, раскладывал цирюльник свои нехитрые инструменты на циновке, замачивали ковры в мутной реке женщины, надежно укрытые от мира сего паранджой.

— Ты что, пошутила насчет революции? — спрашиваю Джамилю.

— Нет, Салех, сейчас не до шуток... Райком вышел из подполья, сегодня решающий день. Собираем все силы партийной организации по тревоге, сейчас...

Она не договорила. Неожиданно из переулка выскочил тяжелый бронетранспортер. Джамиля инстинктивно закрыла глаза, уцепилась крепко за руль и, забыв о тормозах, не сбавляя скорости, летит на ар-

мейскую машину. Спасла моя реакция шофера. Я буквально вырвал руль из рук Джамили, резко, со всей силой крутанул в сторону, ушел от удара. Разминулись. Бронетранспортер оставил после себя облако синего дыма и помчался к центру города. Мы облегченно вздохнули.

— Спасибо тебе, Салех. Ты мой спаситель... — сказала она не то серьезно, не то шутя. — Интересно, с нами эти ребята, что в бронетранспортере, или против нас? Как ты думаешь, Салех?

— Я думаю, что нам надо спешить!

— Ты прав. Только, пожалуйста, садись за руль. У меня, признаться, руки трясутся.

...Это был первый день, когда настуж стояла открытой калитка райкома партии. Сюда, в маленький домик на окраине столицы, шли рабочие и студенты, офицеры и ремесленники. У кого автомат в руках, у кого винтовка еще с английской войны, пистолет или кинжал на поясе. Райком НДПА, адрес которого еще вчера знал узкий круг товарищей, похож был на расстроенный улей. Получив приказ, расходились притихшие, озабоченные. Джамила помахала мне рукой, умчалась на машине выполнять свое задание, а нашу группу пока никуда не посылают, сидим во дворе под старой чинарой. Ахмад с новеньким бельгийским автоматом, тупорылый ствол трет тряпкой, снимает густую смазку. Чувствуется, что доволен. А нам выдал по иранской однозарядной винтовке.

— Скажите и за это спасибо, — оправдывается он. — Другим ничего не досталось, пошли с голыми руками.

Вышел к нам секретарь райкома. Кроме Ахмада, все мы видели его первый раз. Густая, жесткая борода, глаза как в лихорадке, щека дергается, руки за спиной держит. В Пули-Чархи его пытали током, сломали суставы в пальцах рук. Бежал, за голову рафика Нарзулы власти установили премию в пятьсот тысяч афгани.

— Ну, Ахмад, принимай райком под свое начало, — говорит Нарзула. — Революция начинается! Нам всем пора по своим отрядам, а вашему приказываю охранять райком, держать связь по телефону с партийными ячейками, принимать и записывать боевые донесения. Это очень ответственное партийное поручение, райком надеется на вас, друзья! — сказал и заспешил к калитке, где его ждала машина. Вот и повоевала наша пятерка, готовилась, готовилась к революции, а как она началась, сиди, охраняй глинобитную развалюху.

Махаммад еще пытается шутить:

— Когда-нибудь в этом доме откроют музей. Золотые буквы на мемориальной доске поведают людям о наших подвигах: «Здесь был штаб революции, который защищали мужественные солдаты рафика Ахмада».

— Я с вами сидеть не намерен! — заявляет Султан, вскидывая винтовку за плечо. — Пойду на улицу, к ним, в отряды, где будет бой!

— Ты что, дисциплину забыл?! Анархии не допущу, встать всем в строй! — приказывает Ахмад. — Тебе, Султан, что, особое приглашение нужно?!

Неуклюжий монтер потоптался в нерешительности на месте, посмотрел на строгое лицо командира, и к нам, в строй.

— Прошу запомнить, — сказал Ахмад, когда мы вытянулись перед ним по-военному. — С этой минуты вы не спортивная группа, а отряд, солдаты революции. Для каждого из нас существует один приказ — приказ партии! Будем делать то, что нам поручено. Султану и Махаммаду — вести наблюдение вдоль дувала, я — у калитки, Салех — на телефон, держать связь, записывать донесения.

— Но у меня почерк плохой, может, Махаммад, — начал было я.

— Отставить разговоры! Делать, что приказываю! — жестко требует Ахмад. Его не переспоришь, иду в дом, к телефону...

* * *

Я сохранил эти скупые записи в школьной тетради. Писал так, как докладывали связные из разных мест событий памятного дня 7 саура 1357 года (27 апреля 1978 года).

Сообщение первое.

«В 9 часов утра состоялся митинг в танковой бригаде, дислоцированной в Пули-Чархи. Выступил перед танкистами рафик Аслан Ватанджар, объявил о начале революции! Его сообщение встречено солдатами и офицерами с ликованием.

— Да здравствует революция! Да здравствует НДПА! — громко выкрикивали военные. Здесь же, на митинге, было решено послать несколько танков в столицу».

Сообщение второе.

«Время — 9 ч. 30 м. Сейчас вывели из строя линию телефонной связи между министерством обороны и танковой бригадой. Готовимся к походу на Кабул».

Сообщение третье.

«Время — 11 ч. 30 м. Первый танк с революционным экипажем уже на окраине города! Его восторженно приветствует народ!»

Сообщение четвертое.

«Время — 12 ч. 00 м. Министерство обороны подверглось интенсивному танковому и артиллерийскому обстрелу. В частях гарнизона начинается массовый переход солдат и офицеров на сторону восставшего народа. Дорога на «Хаваш Раваш» — наша!»

Сообщение пятое.

«Время — 13 ч. 10 м. После разъяснительной работы, проведенной в частях и подразделениях членами НДПА, восьмая дивизия встала под знамя революции. Имею сведения, что летчики аэродромов «Хаваш Раваш» и «Баграм» готовы выполнять приказы революционного командования. Штаб ВВС и ПВО находится в руках восставших».

Сообщение шестое.

«Время — 14 ч. 40 м. С нами весь личный состав зенитных батарей, расположенных в Кабуле и вокруг него. Зенитчики блокировали седьмую и восьмую дивизии. После артобстрела из штаба восьмой дивизии сообщили о том, что солдаты и офицеры переходят на сторону революции».

Сообщение седьмое.

«Время — 15 ч. 00 м. «Радио Афганистан» больше не передает сообщений даудовских властей, в эфире — музыкальные передачи. Другая музыка в воздухе: *Над Кабулом кружатся самолеты и вертолеты*».

Сообщение восьмое.

«Время — 16 ч. 00 м. Только что революционные летчики подвергли мощному удару с воздуха президентский дворец. Спротивляются еще 7-я пехотная дивизия и 88-я артиллерийская бригада. Направляем туда своих агитаторов».

Сообщение девятое.

«Время — 18 ч. 00 м. Восставшими взят президентский дворец. Дауд пытался оказать отчаянное сопротивление. Он тяжело ранил нашего офицера Имамудина, который предложил Дауду сдаться в плен. Разгневанные революционные солдаты расстреляли врага народа Мухаммеда Дауда».

Сообщение десятое.

«Время — 19 ч. 00 м. Ура! «Радио Афганистан» сообщает своему народу, всему миру о победе революции! Текст сообщения на пушту читает Аслан Ватанджар, на дари — Абдул Кадыр! Ребята во дворе не жалеют патронов, салютуют великой победе».

Сообщение одиннадцатое.

«Время — 20 ч. 40 м. В результате боев за президентский дворец смертью храбрых погиб танкист рафик Омар... Среди раненых Джамиля... Проклятие! Ахмад разрешил бежать в госпиталь. Сдаю дежурство Махаммаду!»

* * *

Меня не то что в палату, на порог госпиталя не пустили.

— Не положено! Час поздний! Покой нужен больным!

Просил по-хорошему — не помогает, стал было ругаться, санитар спину показал.

— Да не уходи ты, парень, будь человеком! — взмолился я. — Девушка моя тут раненая у вас лежит... Ну, прошу тебя, как брата,пусти к ней.

Повернулся здоровый детина, смачно высморкался, нос рукавом халата утер.

— Девушка твоя, говоришь? Это та сорвиголова, что первая через забор президентского дворца полезла? Джамиля, кажется, зовут?

— Да, да, Джамиля! Как она? Что с ней?!

— Да ничего... Царапина на руке. Врачи смотрели — кость цела, пуля навывлет. До свадьбы заживет!

Хочешь, чтобы она скорее поправилась, плати калым, женись на ней, парень!

И заржал, как застоявшийся жеребец, показывая свои прокуренные, гнилые зубы.

— Слушай, нупусти к ней, хоть на минутку!

— Завтра, завтра приходи! Палата номер пять, второй этаж!

Оттолкнул, захлопнул дверь и закрыл на задвижку. Делать было нечего, к Джамиле ночью не пробиться, надо уходить, а мне не хочется... На втором этаже в окнах еще свет. Где-то ты там, Джамиля, сорвиголова, как называл тебя детина-санитар. Напугала ты нас с ребятами, а больше была мила. Этот парень говорит, что у тебя царапина. А тебе больно, очень больно, Джамиля. Я чувствую, я знаю, и не качай там, в своей палате, головой, не улыбайся через силу. Лучше поплачь, не стесняйся слез, легче станет, боль поостынет. Я никуда не уйду от тебя... Сяду вот здесь, на лавочке. Давно зажглись звезды на небе, но город и не думает отходить ко сну... Возбужденный событиями необычного дня, он продолжает свои митинги, поет, танцует, радуется. А ты должна спать, Джамиля, обязательно спать. Твои тревоги позади. Я здесь, я рядом, у твоего окна.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ежели ты примириться с шипами готов,
Встретишь ты множество роз и цветущих садов,
Терний страшиться не надо. Неделя промчится:
Вместо колючек увидишь ты сто лепестков.

Фарьяби Захираддин Тахир ибн Мухаммад

Уже вплетался желтый лист осени в запыленную зелень деревьев. Спала жара, в Кабул не спеша приходила осень. Я и не заметил, как быстро пролетело время. Попал в водоворот событий — закружила, завертела волна революции.

Распалась наша дружная четверка. Султан вернулся на свою электростанцию... Он там стал большим начальником — заместителем директора. Махаммад работает инструктором в Центральном совете профсоюзов, а мы с Ахмадом — в народной милиции. Хожу теперь в красивой форме, фуражка с высокой тульей, пистолет в кобуре. В первый же день не вытерпел, пошел сфотографировался на память при всем, как говорится, параде. Начал было улыбаться перед объективом, фотограф недоволен.

— Вы — власти! Лицо официальное. Никаких легкомысленных улыбок! В глазах — металл! Внимание! Снимаю!

И вышел на карточке молодец с грозной физиономией.

Ахмад посмотрел — и давай надо мной смеяться.

— Надо на базаре твой портрет вывесить! Нагнал бы страх на правоверных! Не фотография, а карающий меч революции!

А вот дядюшке Фатеху она очень понравилась, приколот ее кнопками на дверь мастерской. Кто ни придет, всем на меня показывает. Просил его снять фотографию, не ставить меня в неудобное положение. А он и слышать не хочет.

— Пусть все знают, что мой племянник в почете у новой власти, в самой милиции работает!

Бедный дядюшка Фатех — один за двоих стучит деревянным молотком в своей мастерской. Тревожные сны обо мне видит тетушка Анахита. Несет меня куда-то прямо к пропасти дикая лошадь, грива огненная, пасть волчья.

— Ох, не к добру все это, ох, что-то будет. Сердце мое жуевствует! — причитает она, пока дядюшка не прикрикнет:

— Замолчи, старая, беду накличешь на голову парня!

Редко я теперь бываю дома. Ночую где придется, кажется, только сейчас глаза сомкнул, а тебя уже тормошит Ахмад:

— Пойдем! Срочный вызов!

Зевая, мчимся на машине по темным улицам города. Надрывно лают, перекликаются растревоженные собаки. Мы спешим, куда зовут люди, куда нагрянула беда. Не всем пришлась по вкусу Апрельская революция. С помощью агентов из-за рубежа создается контрреволюционное подполье, начали орудовать вооруженные банды грабителей. С темнотой раздаются взрывы, стрельба, участились случаи ограблений и убийств. Работаем день и ночь. Командир наш Ахмад осунулся, глаза красные от бессонницы, домой носа не показывает и нас, подчиненных, увольнениями не балует.

— Классовая борьба началась! Понимать надо!

Эти слова Ахмад повторяет часто, иногда к месту, а чаще так, по привычке. Но когда я к Джамиле в госпиталь попросился, не отказал, заулыбался.

— Это хорошо, это правильно. Надо провести нашего раненого пропагандиста.

— Есть провести нашего раненого пропагандиста! — отвечаю, как заправский солдат, и кругом, к выходу...

— Постой, постой, а цветы! Да разве ходят в госпиталь без цветов, да еще к девушке? Нет уж, не позорь народную милицию, не позволю!

— А удобно ли с цветами... что люди подумают... — усомнился я.

— Удобно, удобно, — отвечает Ахмад. — И знаешь что, постой минуту, я сейчас, мигом обернусь!

Бросился к оперативной машине, рванул с места так, что часовой в испуге от проходной отскочил. Вернулся быстро, довольный, с большой охапкой белых роз.

— Вот держи! Передай ей привет. Скажи, ждем, скушаем и все такое... Хорошее. — Почему-то смутился, вспомнил о каком-то неотложном деле, стал торопиться и уже на ходу, по-командирски: — Да смотри, не рассиживайся там! В ночь идем на операцию, подготовиться надо хорошенько!

Меня, признаться, Ахмад удивил с цветами, а Джамилу растрогал до слез.

— Спасибо вам, друзья! Это мои самые любимые! Белые розы — символ чистоты и добра на земле... Ну как вы там живете, что делаете?

Я смотрю на ее забинтованную руку, бледное, как простыня, лицо и ничего путного сказать не могу.

— Да так... боремся с врагами революции... Ходим патрулями, ловим жуликов и душманов. В общем, интересно живем...

— Счастливые, — говорит Джамиле. — А я вот воюю на госпитальной койке. Ну и порядки здесь. Кстати, как тебя пропустили, да еще в женское отделение?

— Пропустили!.. Сказал, что иду для допроса к известной преступнице, которая фальшивые афгани делает.

— Поверили?!

— Как видишь, я здесь!

— Это что за безобразие?! Кто пустил?! Вон, сейчас же вон!

Надо же такому случиться, сам главный врач пожаловал к Джамиле. Я не стал дожидаться, пока он позовет детину-санитара. Кстати, этот парень сегодня оказался сговорчивым, провел через кочегарку в палату. Деньги давал, не взял. Но неожиданно дьявол принес толстого и злого человека в белом халате. Приходится уходить, а так хотелось побыть рядом с девушкой, сказать главное, сокровенное, что чувствую, чем живу. Но что поделаешь, до следующей встречи...

Всю неделю мы занимались ликвидацией одной крупной банды. Брали ее с боем, потеряли двух товарищей... Предстояла новая операция. Ахмад начал было инструктировать нашу группу захвата, а я руку тяну, прошу слова.

— Разреши сбегать на базар, цветы купить для Джамилы.

— Не нужны ей больше твои цветы, — зло отвечает Ахмад.

— Это почему же? — удивляюсь я. — Да объясни ты толком, что случилось?

— Случилось... Джамиле удрали из госпиталя... Теперь уже в провинции. Уполномоченная от партии по ликбезу среди женщин.

Вот так Джамиле! Не успела рана затянуться, а она уже в строю. Из госпиталя бежала, боялась, что революция без нее кончится, работы не достанется. Уехала поспешно, ни с кем не простилась. А, собственно, почему она должна прощаться? Правда, я надеялся, я думал... Но ее, видимо, мало интересует, что я думал и чувствовал, когда увидел в госпитале без единой кровинки дорогое мне лицо и улыбку. Грустную и мягкую.

— Так что к Джамиле спешить не надо... А вот домой после инструктажа отпущу. Заслужил, гуляй до самого утра!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Спросил я: «Почему я плачу, тобою дорожа?»

Ответила: «Я улыбаюсь, как роза хороша».

Спросил я: «Почему печален всегда я без тебя?»

Ответила: «Ты только тело, а я — твоя душа».

Унсури Абулькасим

От радости я плохо понимаю, что говорит дальше мне Ахмад. Главное — лечу к Джамиле! Интересно, какой она будет, эта встреча, решит ли что-нибудь в моей судьбе?

— Рафик Салех! Повторите мое приказание! — требует он.

Это я отчетливо понял, а вот повторить приказание Ахмада не могу. Командир явно недоволен, брови нахмурил сердито.

— Ну что мне с тобой делать, Салех? — говорит он уже по-дружески. — Посылаю в ответственную поездку, а он ворон ловит, уши ватой заткнул.

— Извини, Ахмад, я так... ничего... Джамилю вспомнил, — честно признаюсь я командиру. — А о задании не беспокойся, сделаю все, как сказал... Только повтори, пожалуйста, свой приказ.

— Взять полный боекомплект патронов, автомат, две гранаты!

— Это еще зачем?

— Не твоего ума дело! — резко обрывает меня Ахмад и снова переходит на командирский тон: — Вы поступаете в полное распоряжение особоуполномоченного ЦК НДПА рафика Хафизуллы Барыка, за безопасность которого отвечаете головой! Надеюсь, теперь все ясно?

— Так точно, рафик Ахмад! — отчеканил я.

Он смягчился, руку протягивает, говорит на прощание:

— Джамиле привет передай... Вижу, доволен, что к ней едешь. Весь радостью светишься... Ну, будь!

Немного осталось на белом свете таких стран, как Афганистан. На исходе XX век. Мир достиг ошеломляющего прогресса в науке и технике. Космические корабли летают к другим планетам, а у нас темнота средневековая. Афганистан — страна сплошной неграмотности. Моим соотечественникам неизвестно, что на голубом глобусе Земли помимо высоких гор Гиндукуша есть еще широкие степи и бескрайние леса, моря и океаны. Далеко ушли караваны других народов, а наш остался на месте у потухшего костра среди дьявольских ущелий и изнывающей от жажды пустыни Регистан. Что-то случилось с нашими часами. Время остановилось в прошлых столетиях. Но вот пришла Апрельская революция, и заторопились стрелки часов, спеша наверстать упущенное. Революция вселила надежду народу, надо только собраться в путь, перешагнуть через хребет времени, из века феодального выйти в современный мир. Но движению вперед мешает неграмотность. С первых дней своего существования Революционный совет принимает экстренные меры, чтобы все дети страны бесплатно обучались в школе. Значительная часть государственного бюджета дается министерству просвещения. В народе рождается добрый почин — сбор средств для издания учебников и закупки школьного оборудования. Тысячи молодых парней и девушек, выпускников школ и лицеев, вчерашних безграмотных, добровольцами едут работать учителями в сельскую местность.

Решено было в кратчайший срок покончить с неграмотностью взрослого населения, особенно среди женщин. В одной из дальних провинций за эту нелегкую работу взялась Джамилия.

С большим трудом решалась проблема ликбеза среди женщин в ее провинции... Джамилия возглавила отряд учителей-добровольцев. Для себя выбрала са-

мый дальний кишлак. Надо бы пример своим товарищам показать, а вот, как на грех, ничего не получается. Ни одна женщина кишлака не села за букварь. Джамиле оказалось не под силу сломить вековой закон, нарушить старые обычаи. Как она ни старалась, сколько раз ни беседовала с муллой и стариками, все напрасно. Они не бранили¹ ее; не возмущались, что с ними разговаривает женщина «открытым лицом». Слушали уважительно, как гостья подобает беседовать с представителем власти. В знак одобрения кивали черными чалмами, когда Джамилия рассказывала о программе революционного правительства. В кишлаке, затерянном среди скалистых гор, проживали шииты¹. Они охотно принимали все декреты нового правительства. Но стоило только Джамиле повести разговор о ликвидации неграмотности среди женщин, словно немели. Ни да ни нет! Вдруг один из стариков вспомнил, что дувал у него завалился, надо кизяк собирать, глину месить ногами. Кому-то позарез потребовалось сходить в горы за дровами, пора огонь разводить, лепешки печь к обеду. У всех сразу находились дела неотложные, спешные, ковыляли к своим убогим жилищам.

— Не выдержала я как-то раз, — рассказывает она нам с Барыком. — Разревелась при стариках от досады. «Для вас же, — говорю, — стараюсь! Через книгу женщина радость жизни познает!»

За всех Джамиле отвечал мулла, глаза раскосые, в разные стороны смотрят, не поймешь, на кого глядят.

— Зря убиваешься, ваша светлость! Плачь не плачь, а обычаев своих не нарушим. Слышанное ли дело, чтобы жена книжки читала. А кто за нее работать в поле будет, коров доить, навоз выгребать, детей нянчить? Нет, одна радость у нее — муж! Верно я говорю, почтенные?

Старики одобрительно шумели, на все лады расхваливали мудрость служителя аллаха. А когда ночь приходила в кишлак, другие речи заводил мулла. Осторожно, огородами пробирался на огонек лампы в школе.

— Вы же понимаете, не могу я по-другому говорить при народе... Люди дикие... А я поддерживаю законы новой власти... Прошу сообщить об этом кому следует. Конечно, надо бороться с невежеством, учить грамоте.

Но как это сделать, чтобы люди сами изъявили желание учиться, мулла не знает. Просит только коран не осквернять, не нарушать неразумными действиями святое писание. Постарается еще раз поговорить с правоверными, может, скала сдвинется с места, хотя лично он не верит.

Через несколько дней пришел к Джамиле радостный, руки к небу возносит.

— Слава аллаху! Договорился, наконец! Будут у вас ученики! Вы уж там, в Кабуле, скажите, что мулла Ахмад вам помогал. Завтра к вечеру придут учиться взрослые сыновья со своими отцами...

¹ Шииты — одна из сект мусульманской религии.

— А как же женщины!

— О них забудьте, ваша светлость! Выбросьте из головы! У нас вера твердая, так порешили старейшие... Другому решению не бывать!

— Нет, будет! Наше революционное решение! — это уже голос Хафизуллы Барыка. Не выдержал, прервал рассказ девушки. Лицо покрылось красными пятнами от гнева, глаза бешеные стали.

Строгий у меня начальник, в школу вошел, не ответил на приветствие учителей. С Джамилей сух и официален. Потребовал немедленного от нее объяснения по поводу провала с выполнением решения партии по ликбезу. Сказал, будто припаял, слова высокие и страшные. Она растерялась понизу, удивленно смотрит на меня, а я ей ничего путного сказать не могу.

Не сразу можно было узнать в полинялой солдатской форме Джамилю... Похудела, иссушило ее здесь жаркое, обжигающее солнце. Под глазами чернота легла подковой, голос чужой, с надрывом. Досталось, как видно, бедняжке в этом кишлаке. Сказать бы ей ласковое слово, ободрить, улыбнуться по-товарищески. А он набросился на Джамилю, как пес из подворотни.

— Безобразие! Распустила здесь слюни, сидишь сложа руки! А еще член партии! — И пошел и поехал мой начальник ругать и отчитывать Джамилю.

— Ты идешь на поводу у отсталых элементов! Слушаешь всяких мулл! Не хотят учиться добровольно, силой заставим! Революцию не делают в белых перчатках! — ораторствует, как на митинге, Хафизулла.

Джамиля слушала, не перебивала, прислонясь спиной к стене. Но вот глаза у нее сузились, ноздри раздулись, пальцы в кулаки сошлись.

Сказала тихо, но жестко:

— Заткни свою пасть, плешивая собака!

У Хафизуллы от этих слов челюсть отвисла, глаза полезли на лоб. А я не выдержал, рассмеялся. Она как-то нехорошо посмотрела на меня, не спеша, гордо, голову кверху, пошла из комнаты.

— Ай да Джамиля! — невольно вырвалось у меня. — Отбила вас, рафик начальник, по всем правилам! Вот так девушка, вот так характер!

— Я ей покажу, у кого какой характер! Поплачет у меня горькими слезами! — наконец обрел дар речи Барык. И тут же приказывает мне:

— Собрать джиргу¹, всех стариков! И этого хитрого пса — муллу Ахмада. Я сам с ними поговорю как надо!

— А может, повременим пока, рафик Барык. Гнев поостынет, голова соображать будет лучше!

— Что? Меня поучать?! Молчать! Слушать мою команду! — кричит как недорезанный мой начальник. — Собрать всех! Не пойдут по-хорошему, гони прикладом в зад! Я за все отвечаю! Я не баба, мужик тертый! Умру, но директиву партии выполню!

...Они послушно собрались у школы. Слушали стоя, что говорил им этот большой начальник из Кабула.

¹ Джирга — совет.

— Я прилетел к вам по поручению самого рафика Амина! Говорить долгие речи — не дело мужчины. Завтра утром вы пришлете ваших взрослых дочерей, снох, жен, и они будут учиться. Это приказ революции, мой приказ!

Грудь выпятил вперед, на носки подымается, что бо ростом казаться повыше. Говорит, а рука все боко ошупывает, где под рубашкой пистолет за поясом. Делает это нарочно, чтобы все видели, понимали, с кем имеют дело.

— Вопросы есть? — спрашивает он.

За хребет рыжей, без единой травинки горы собралось прятаться солнце. Заблели на разный лад овцы. Их гнали на водопой, погоняя длинными, стреляющими, как хлопушка, плетками. В кустах акации, у школы, без умолку тараторили цикады. А старики молчали. Кто, согнув спину, опирался руками на кизилковый посох, кто, переминаясь с ноги на ногу, вздыхал тяжело. Но ни один не смотрел в глаза моему начальнику, никто не просил слова.

— Молчите? Саботировать вздумали! Не подчиняетесь революционной власти! — вспыхнул, как порох от огня, Хафизулла. — Да я вас, старых хрычей, в бараний рог согну! А с тобой, мулла, у меня особый счет. Выдеру твою козлиную бороденку, будешь знать, как народ мутить! Эй, Салех! Арестовать злого врага революции! — приказывает Барык.

А я не знаю, что делать. Автомат с плеча снял, щелкнул затвором, но ноги не идут. В голове тревожные мысли:

«Выполнять или не выполнять приказ? Прав Хафизулла или палку перегибает? Но приказ есть приказ, я присягу давал. Надо выполнять». И вдруг новая команда за моей спиной:

— Отставить! Убери свой автомат, Салех! Нельзя выполнять приказы безумного человека!

Это была Джамиля... В лучах уходящего солнца суровым и красивым было ее лицо. Сошлись густые брови, в глазах решительность и дерзость.

— Не слушайте, почтенные люди, этого плохого человека! Не бойтесь за ваших женщин! Никто под дулом автомата насильно их учить не станет! Только добровольно! Только с вашего благословения! Так говорит наша партия! И мы никому не позволим искажать ее линию!

— Кто это мы, позвольте вас спросить? — подал свой голос Хафизулла. — Кто это мы, я вас спрашиваю? — и на нее с наглой физиономией наступает.

Я преградил ему дорогу, закрыл своей грудью Джамилю, ответил за нее:

— Я не позволю издеваться над народом!

— Ах так! И ты вместе с ними, предатель! — кричит Хафизулла и пистолет выхватывает из-под рубашки. — Застрелю на месте! Именем революции!

Хотел поднять на меня руку, да не смог. Я только слегка дотронулся до Барыка. Он скорчился, застонал от боли, змеей извивается у моих ног. Я наполнил один из уроков Ахмада — обезоружил нападающего противника.

— Без нужды оружием не размахивай! — сказал один из стариков Барыку.

Другой добавил, покашливая:

— Не гневи аллаха, начальник! Уходи подброду своей дорогой! Чужой ты нам человек!

Я вынул обойму с патронами, пустой пистолет протянул Хафизулле.

— Бери и уходи! Не испытывай наше терпение! Послушался, зло посмотрел на нас с Джамилей и побрел, как поджавший хвост затравленный шакал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Чудо-рыбой в синем море надо быть.

Сильным львом в степном просторе надо быть.

Мужем справедливым и отважным,

Чтоб не жить всю жизнь в позоре, надо быть.

Сана'и Абулмалжд Махмуд ибн Адам

Нелегко тюремщикам Пули-Чархи было справиться с майором Нуром. На допросе вел себя гордо, держал, главу государства Амина поносил самыми последними словами. Был он физически крепким, дрался профессионально, раскидывал, как котят, наседавших на него с дубинками тюремщиков... Ухитрился давать сдачи даже тогда, когда заковали в кандалы руки и ноги. Пытали его долго и мучительно, пропуская через тело ток высокого напряжения. Бросили в одиночную камеру, думали — конец, подох неугомонный майор, глаза закатил, ни рукой, ни ногой не шевелит. А он ночью очнулся на холодном цементном полу, подполз к тяжелой двери и давай алюминиевой кружкой по ней барабанить. Надоед, видать, охранникам, избил снова до бесчувствия и к нам, в камеру особого режима, бросили. Пришел он в себя на третий день. Открыл глаза, увидел профессора, попытался ему улыбнуться, а вместо улыбки рот скривился набок, задержалась голова, испарина выступила на лбу. Мы с Хабибулой невольно попятнулись назад.

— Не бойтесь, друзья мои,— говорит нам Нажмуддин. — Это все от пыток палачей! Нур — мой старый товарищ.

Оказывается, они хорошо друг друга знали. Росли в бедном районе столицы Картан Сахи. Давно собирались поговорить по душам, не наспех, как случайные знакомые — здравствуй и прощай. Надо бы сесть поудобнее в укромной чайхане, отведать тающего во рту кабульскаго шашлычка, вспомнить за чашкой ароматного чая все, что было в нелегком прошлом. Да недосуг, завертела, закружила новая жизнь после Апреля бурным водоворотом. И уж никак не думали, не гадали друзья детства встретиться здесь, в нашей тесной камере тюрьмы Пули-Чархи. У профессора Нажмуддина и майора Нура теперь много свободного времени, можно наговориться досыта.

— А помнишь, как нас вместе принимали в партию? Какую с тобой давали клятву? — говорит профессор, помогая Нуру поудобнее прислониться к стене больной спиной.

Майор кивает головой, он старается говорить как можно меньше, от каждого слова нестерпимая боль в груди.

— А листовки как писали? А как шли на первомайскую демонстрацию? Мы тогда с тобой транспарант несли: «Свободу трудовому народу Афганистана!» На нас еще полицейские набросились, а ты им как дашь по-боксерски, как дашь... А потом за решетку в одну камеру.

Им есть что вспомнить, старым друзьям, из своей боевой юности. Они были одними из первых, кто вступил в Народно-демократическую партию Афганистана. Не ради славы и чинов, не в поисках легкой жизни... Один вел политическую работу среди студентов и преподавателей в Кабульском университете, другой — в летном полку в Баграме. Высокообразованные, незаурядного дарования, честные и преданные революции, они пользовались большим авторитетом в партии. К их слову прислушивались, им верили, за ними шли сотни людей.

...Ты верил партии, готов был за нее отдать жизнь, а она тебя за решетку, как последнего убийцу с большой дороги?! И ничего невозможно сделать, некому пожаловаться на свою страшную судьбу. Крепко сложены стены камеры, невольные молчаливые свидетели наших мук и страданий. И ты не первая жертва неслыханной несправедливости в этих стенах. Еще до тебя исписали их сверху донизу мелом и фломастером, корявой булавкой и ржавым гвоздем: «Умираю за свободу нашей родины!», «Покарай, аллах, палачей, да падут на их головы мои страдания!», «Мухаммад! Не забудь о моих детях, расскажи им, когда они вырастут, что погиб я за счастье народа, за дело НДПА!», «Партия! В наших рядах провокаторы! Будьте бдительны, товарищи! Иду на расстрел!» Да что это такое, можно ли верить в такое неслыханное коварство?

У меня холодеют руки и ноги, кажется, сейчас разорвется на части в груди сердце, и я кричу громко, надрывно на всю тюрьму:

— Да будь ты проклята, такая партия, которая губит честных людей!

— Замолчи, шенок! — перекрыл мои слова другой голос, сильный, командирский. — Замолчи, шенок! — повторил уже потише Нур, облизывая засохшие, все в трещинах губы... — Ты можешь обижаться на одного, двух, сотню людей, именующих себя революционерами, но не на всю партию. Она не виновата в наших несчастьях. Она верит нам, мы — партии! Иначе нельзя, иначе это будет предательством, Салех!

Силы покинули майора, и он медленно, дергаясь всем телом, как в лихорадке, стал валиться на руки своего друга,

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Не верь, что страшат нас оковы и меч страшит, И то, что нам голову могут отсечь, — страшит. Мы столько печали вдохнули из пасти ада, Неужто молва нас и злобная речь страшит?

Фарьяби Захираддин Тахир ибн Мухаммад

Едва заглянул рассвет в нашу камеру, заскрипела, подалась назад железная дверь. В глаза ударил луч яркого света, обрывая крепкий под утро сон за-

ключенных. Тюремную тишину резанул звонкий, как у молодого петуха, голос:

— Профессор Нажмуддин Зяран!

— Да... Это я Зяран,— близоруко щурясь, отвечает профессор, поспешно подымаясь с пола.

— Майор Нур!

— Ну, майор Нур... Только не надо так кричать, лейтенант, здесь не глухие, и убери ты к дьяволу свой пржектор! — недовольный, что его потревожили, ругается бывший командир эскадрильи. — Я спрашиваю, в чем дело, лейтенант? Кому понадобились наши персоны в такой ранний час?

— Извините, майор, но у меня приказ: профессор Нажмуддин Зяран и вы — срочно на выход!

— На выход? — удивленно переспрашивает майор и тут же сбрасывает с себя одеяло.

— На выход! Наконец-то разобрались, рассеялось недоразумение! Я верил, я знал, свобода, свобода! — радостно кричит профессор и прыгает что цапля на одной ноге, натягивая штанину брюк на голую ногу.

— Скорее, скорее! — торопит лейтенант. Он стоит посередине камеры, широко расставив ноги, новая, с иголочки, офицерская шинель стянута широким ремнем, расстегнутая кобура пистолета сдвинута на живот. Лейтенант хмурится, хочет выглядеть перед нами солидным и строгим, а у самого голос детский, писклявый, глаза пугливые, моргают без остановки. У раскрытой двери застыли, ждут команды два дюжих парня с автоматами на изготовку. Нур молча надевает свой мундир, а профессор суетится, ищет по карманам очки.

— Вот же несчастье! Очки! Хочу запомнить ваше лицо, молодой человек! В глаза посмотреть благородные, пожать руку своего освободителя. Но где же они пропали? Где мои очки?

Лейтенант опустил голову, на профессора не глядит.

— Вы не так меня поняли, профессор... Выходить надо без вещей. Очки вам больше не потребуются.

— Да... да... Надо спешить... Понимаю, понимаю вас, юноша. У меня дома есть запасные... Я готов.

Радость захлестнула Нажмуддина, и до него не сразу доходит истинный смысл слов, только что сказанных лейтенантом. А майор понял все. Лицом стал сер, как стены нашей камеры, подошел вплотную к офицеру, сказал шепотом:

— Когда?

— Сейчас! — в тон ему ответил лейтенант и медленно поднял голову. Встретились их глаза, смотрели друг на друга долго и пристально...

Он выдержал его взгляд, этот младший и по возрасту, и по званию офицер. Это было страшно, но Нур улыбнулся ему, как старому доброму товарищу. Привычно одернул мундир, чтобы не моршил, сидел ладно на широких плечах майора, сказал буднично, как на прогулку собрался, чтоб подышать свежим воздухом:

— Идемте, лейтенант, я полностью в вашем рас-

поряжении,— и, повернувшись к Нажмуддину, не то в шутку, не то всерьез: — У нас собирается отличная компания... Надеюсь, вы не откажетесь, уважаемый профессор, совершить вместе со мной это небольшое, но увлекательное путешествие.

— Да... да... только очки. Я... знаете, спотыкаться не люблю, даже перед смертью.

Теперь он знал, куда его зовут. Сразу сгорбил, погасла в нем радость, пришло безразличие и неестественное спокойствие. Я нашел его очки под ветхим тюремным одеялом, протянул Нажмуддину. Он взял их, не спеша подышал на стекла, протер их краем рубашки, осторожно посадил на переносицу, взглянул на лейтенанта.

— А лицо красивое... Глаза честные... Трудно поверить, что вы наш палач... Загадка остается неразгаданной. Свой убивает своего. Вы не сердитесь, лейтенант. Да... да... Я вас больше не задержу. Прощайте, товарищи!

Махнул нам рукой и поспешил к майору. Встал рядом плечо к плечу, как и положено в строю настоящему солдату.

* * *

Майор военно-воздушных сил народной армии Махаммад Нур и профессор Кабульского университета Нажмуддин Зяран, члены НДПА с момента ее основания, были расстреляны при восходе солнца морозным утром на плацу тюрьмы Пули-Чархи. А через несколько часов после их смерти пришла свобода. 29 декабря 1979 года с обращением к народу выступил товарищ Бабрак Кармаль.

— От имени Центрального комитета Народно-демократической партии Афганистана, Революционного совета, государства и правительства ДРА по случаю свержения режима Х. Амина, этого кровожадного шпиона американского империализма, притеснителя и диктатора, приветствую вас, многострадальные соотечественники, достойные мусульмане Афганистана, сунниты и шииты, улемы¹ и духовные лица, солдаты и офицеры героической армии родины, национальные торговцы и предприниматели, патриотические землевладельцы, трудолюбивые ремесленники, племена Афганистана, покой которых был нарушен, пастухи и кочевники нашей родины, государственные служащие, интеллигенция и передовая молодежь, рабочие и крестьяне, отцы и матери, братья и сестры, которые до сих пор находились под игом палача и убийцы, шарлатана истории Х. Амина и его приспешников, приветствую и поздравляю вас.

Я заявляю всему миру, что звено в цепи деспотизма — режим Х. Амина и его приспешников — уничтожено в сердце Азии. Единоличный и кровавый режим этого предателя народа и родины пал под грузом своих преступлений, подведена черта под его зверскими авантюрами.

...Прошло еще несколько дней томительного ожидания, и вот, наконец, летит ко всем чертям тяжелый

¹ Улемы — ученые-богословы.

замок с двери нашей камеры особого режима. Я и мулла Хабибула остались в живых и вряд ли понимали, что происходит сейчас во дворе тюрьмы. Нас было тысячи заключенных — мужчин, женщин и даже детей. «Узники несправедливости, жертвы трагических ошибок» — так называли нас те добрые люди, что сейчас страстно выступают на импровизированном митинге. Я ничего не понимаю. В голову вошло и застряло одно слово: «Свобода!» Я ничего не вижу... Даже тогда, когда распахнулись литые, нелегкие ворота тюрьмы и ринулся сломя голову обезумевший от счастья поток заключенных. Тысячи рук тянулись к нам навстречу. Я искал одни, руки своей Джамили,

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пусть дом осветится огнем, и снова будет жизнь.
И всё мы сызнова начнем, и снова будет жизнь.
А если сбудутся мечты и я увижусь с ней,—
Мы счастье снова обретем, и снова будет жизнь!

Али Имададдин Факих Кирмани

Я уже был далеко от Кабула, когда город чифал это сообщение. Оно появилось вместе с рассветом на всех людных местах столицы.

«Министерство внутренних дел разыскивает Салеха Тарзи, совершившего тяжкие преступления против Демократической Республики Афганистан. Лиц, знающих местопребывание названного преступника, просим сообщить властям. При задержании следует быть осторожным: преступник вооружен. Министерство внутренних дел уверено, что при всенародной помощи очередной злейший враг Апрельской революции будет пойман и обезоружен».

Ниже был помещен мой портрет с описанием внешних характерных примет преступника. Не знаю, кто и когда меня фотографировал, но, честное слово, фотография моя вовсе не похожа была на злодея с большой дороги. С портрета смотрел веселый озорной парень, подмигивающий одним глазом прохожим. Да и приметы несколько не соответствовали действительности. Не такой уж длинный мой нос, как его разукрасило министерство внутренних дел. А вот относительно моих тяжких преступлений в сообщении сказано почти достоверно. Представляю себе, как огорчится этому сообщению мой дядюшка Фатех. Ведь он был так горд за меня. Еще бы, его племянник настоящий революционер, страдал за народное дело, при злодее Амине сидел в Пули-Чархи. Зарыдает тетушка Анахита, отвернутся, проходя мимо, соседи от нашего дома,

* * *

...Но прежде чем отправиться за кордон, я долго готовился к этой опасной дороге. Моим учителем был старый друг Ахмад. Я и раньше знал, что человек он требовательный и пунктуальный, но не до такой степени, как на занятиях со мной.

Кажется, все учел в своем рассказе, что он советовал... Так нет же, еще нашел какую-то неувязку,

лоб морщит, требует повторить все сначала. Вздыхаю и в какой раз начинаю излагать надоевшую мне до чертиков свою собственную биографию.

— Все правильно, все хорошо,— поддакивает мой друг Ахмад. — Но следует еще уточнить детали, особенно после тюремного периода, когда ты вернулся домой. Надо говорить правду и только правду!

А она заключалась в том, что после камеры особого режима у меня пропало всякое желание заниматься революционной работой. Вернулся к молотку и железу, с упоением трудился до поздних вечеров в мастерской своего дядюшки. Смотрит старый Фатех на меня, никак не понимает, улыбается своим личи- щинками.

— Ай да молодец, Салех! Работа в руках спорится, не забыл наше ремесло, добрым мастером скоро станешь,— говорит дядюшка Фатех.

И стал бы, честное слово, не появившись тогда на пороге мастерской Ахмад.

— Помахал молотком... Отвел душу, погостил дома, и пора за настоящее дело браться. Собирайся, Салех,— командует, как и прежде, мой друг.

Он встретил меня у ворот тюрьмы, привез на своей машине домой и исчез на целый месяц. И вот снова появился, все такой же худой, энергичный, усы торчком, как жесткая сапожная щетка...

— У него есть уже настоящее дело,— за меня отвечает дядюшка Фатех. — Видишь, как ловко он кует. Удары точные, зря силы не тратит. Он на своей тропе... А ты опять его, сынок, опять в пропасть тянешь? Нет, из этого ничего не выйдет.

Однако вышло. Всю ночь напролет мы проговорили тогда с Ахмадом... Через несколько дней после этой встречи я стал курсантом ускоренных офицерских курсов народной армии.

— А вот здесь следует рассказать подробнее о начале сближения курсанта Салеха с подполковником Сарваром... Не ленись, вспоминай, дружище,— подбадривает меня Ахмад.

С некоторых пор я ощущаю своим затылком пристальный, изучающий взгляд черных глаз. На стрельбищах, в казарме, во время игры в баскетбол — везде и всюду кто-то измерял мой рост с ног до головы, взвешивал тяжесть тела, следил за каждым шагом, куда бы я ни пошел. Но стоит оглянуться назад — одна неуклюжая собственная тень. Возможно, это кто-нибудь из ребят по своей инициативе установил за мной неотступное наблюдение... Было бы просто обидно. Впрочем, обижаться в таких случаях не стоит. Все логично, все правильно. Командованию курсов стало известно, что курсант первой роты Салех начал неодобрительно отзываться о некоторых военных чинах армии, правительства и даже членах Политбюро НДПА. При неожиданной проверке личных вещей курсантов в казарме у меня была обнаружена антиправительственная листовка, призывающая к свержению существующего строя как власти безбожников и сатаны. Меня должны были принимать кандидатом в члены партии, но мое заявление даже не стали рассматривать на заседании партийного бюро. Три человека, которые рекомендовали меня в пар-

тию, поспешно отобрали у меня рекомендации. От начальника курсов получил строгое предупреждение, что если я буду продолжать поддерживать контрреволюционные настроения, немедленно отчислит с курсов и отдаст под трибунал... Пришлось на время притихнуть, затаиться и ждать... ждать встречи с тем, кто ходит по моим пятам.

— Он обязательно должен тебя найти, обязательно! — говорит Ахмад. — Надо ждать, заставить его поверить, доказать, что ты не играешь, не заманиваешь в капкан, а идешь к нему навстречу по идейным соображениям, как враг существующего строя.

...В ту ночь я стоял часовым на посту у продовольственного склада. Была она беззвездная, темная, хоть глаз коли — ничего не видно. И тишина такая, что как ни бодрись, а в сон клонит, начинаешь клевать носом.

Вдруг где-то, кажется, ветка хрустнула. Насторожился, слышу, кто-то крадется вдоль кустов акации. Скидываю автомат, кричу громко и строго:

— Стой! Кто идет?

— Свои, свои, Салех! — доносится в ответ из темноты.

— Пароль! Не подходи, стрелять буду!

— Да это я... Подполковник Сарвар!

Знаю, что подполковник сегодня старший дежурный по курсам. А что, если это душман к складу пробирается?

Действую, как и положено: даю предупредительный выстрел вверх, командуя:

— Ложись!

— Вы что, с ума сошли? Прекратите безобразия!

Теперь сомнений нет, это голос действительно подполковника Сарвара. Но почему он не называет пароля? Решил проверить меня, как часового? Ну ладно. Сейчас покажу, как я службу знаю, по всем пунктам караульного устава.

— Ложись! — еще громче кричу в темноту. — Ложись! А не то из тебя решето сделаю!

И для убедительности своих слов пускаю длинную очередь в небо. Подполковник не то что лег, а со всего размаху зарылся носом в землю...

На выстрелы примчался начальник караула с двумя курсантами. Осветил подполковника лучом карманного фонаря, помог ему встать на ноги и ну давай меня ругать самыми последними словами.

— Отставить! — остановил Сарвар карнача. — Я проводил проверку. Курсант Салех действовал по уставу! Как старший дежурный по курсам объявляю ему благодарность!

Подполковнику Сарвару едва перевалило за сорок. Окончил военное училище в Лондоне, служил в афганской армии при короле и Дауде. На наших офицерских курсах он читал лекции и проводил практические занятия по тактике. Свое дело подполковник знал мастерски. Даже самый, казалось, сухой материал умел преподнести интересно, иллюстрируя примерами из истории войн разных стран и разных времен. На практических занятиях учил думать и действовать самостоятельно, без подсказок и ожидания

указаний «сверху». При этом не забывал упомянуть любимое изречение:

— Не высокая фуражка, а ум делает честь офицеру!

Меня на занятиях хвалили, нравились командирские решения учебного боя.

— Из вас, Салех, толк выйдет. Есть офицерская хватка!

К утру, когда я сменился с караула, подполковник пригласил меня в дежурную офицерскую комнату пить чай за компанию... Это был неслыханный демократизм с его стороны, первое сближение с человеком, который и решил всю мою дальнейшую судьбу...

Через несколько месяцев там, за рубежом родины, на стол руководителя разведцентра ляжет очередная шифровка из Кабула.

«...Пешавар... Срочно... Раджабу... После тщательного изучения остановился на кандидатуре курсанта Салеха, бывшего узника Пули-Чархи, происхождением из бедных крестьян, жадного к деньгам и чинам. Первые встречи и беседы прошли успешно. Начиная испытание кровью... Седой».

— Следует заметить, что с первым заданием кандидат в будущие агенты одной из империалистических держав справился не совсем точно, — вносит свои коррективы в мой рассказ Ахмад.

Хорошо ему рассуждать, что точно, что не точно. А у меня тогда не было времени на осмысление. Нет, это не приказ, а страшная изуверская пытка своей жертвы, загнанной в умело расставленные силки. Я должен был ликвидировать одного из руководителей контрразведки нашей армии. Помолчав немного и глядя мне в глаза, Седой назвал его имя и фамилию.

— Так это же мой лучший друг! — невольно вырвалось у меня.

Подполковник не удивился, только вздохнул и тут же пояснил с откровенным цинизмом:

— Мы учли это обстоятельство, Салех. Именно на этом и построен план операции. Он ваш старый друг по подпольной работе и участию в революции. Вы встретитесь запросто, без всяких формальностей. Следовательно, вам же легче и выполнить задание центра, — разъяснял, как на занятиях, подполковник Сарвар. Для него, видимо, подобное убийство — дело привычное. Центр приказал — значит, надо действовать, убивать всех, кто по другую сторону перевала. Убивать, если таковым окажется даже близкий тебе человек.

— Ничего не поделаешь... Одним словом, борьба, — говорит Сарвар.

Он дьявольски спокоен, а я чувствую, как прилипла рубашка к спине, испарина выступает на лбу. Сарвар заметил мое состояние, ехидно улыбается.

— Господину Салеху не по душе наше боевое задание? Нервы сдают?

Нагнулся к самому моему лицу, сверлит своими

хитрыми глазами. Ему очень хочется до конца понять, с кем он имеет дело.

— Ну так как, согласны?

Умом я понимаю, что надо соглашаться. Иначе нельзя, иначе не имею права.

— А если я откажусь, что тогда?

— Все просто... Тогда вас ликвидируют другие... и немедленно... Свои ошибки я привык исправлять сам.

И неожиданно я почувствовал, как в мой живот уперся жесткий ствол его пистолета. Мы были одни на пустом полигоне. Смеркалось, с гор потянул спасительный свежий ветерок. Я смахнул пот с лица и **сказал негромко, но твердо:**

— Согласен!

...Я стрелял с близкого расстояния в своего друга в глухом переулочке в конце Грязного базара. Видел своими глазами, что он упал. Не мешкая, помчался прочь, подальше от своей жертвы. За углом меня ждало спасительное такси.

— Ты и здесь допустил ошибку, — критикует мои действия Ахмад. — Не надо было так подробно все рассказывать Седому. Он из окна чайханы все видел как на ладони. Сам по достоинству оценил твою дерзость и хладнокровие... А ты краски сгустил, приврал, наговорил того, чего не было. Выдумал о погоне, стрельбе за спиной. И Седому пришлось, не оставалось ничего делать, как устроить будущему агенту новое испытание. Была проверка кровью, а теперь огнем.

...Прежде чем уйти за кордон, мне предстояло организовать взрыв гарнизонного склада боеприпасов.

Я дождался, когда в небо взметнулась огненная лава, заходила под ногами земля, как при землетрясении, ахнул и поднял на ноги грозовой раскат весь сонный Кабул. Задание подполковника Сарвара по кличке Седой было выполнено...

«Срочно... Центр... Салех успешно организовал взрыв гарнизонного склада боеприпасов. Повторные проверки, участие в боевых операциях полностью подтверждают преданность нашему делу нового агента. Согласно указанию Салех направляется в ваше распоряжение. Седой».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я словно тот, кто на лихом коне
Несется вскачь по золотой стерне.
Как птица, выпорхнувшая из клетки,
Летят скакун. Куда? К какой стране?

Джигалаладдин Руми

Он очень добр и внимателен ко мне, наш караван-баши.

— Ну как, не устал, Салех? Может, сядешь на моего коня?

— Нет, Мамат, есть еще силенка в ногах... Засиделся в городе, надо хорошенько размяться...

— Смотри, как знаешь... Привал сделаем только к вечеру, когда поглубже втянемся в ущелье. Так оно надежней будет по нынешним временам, — говорит Мамат и легко пятками подгоняет низкорослую лошаденку. Поначалу я подумал, что караван-баши лет за шестьдесят. Седая борода, лицо в глубоких морщинах, прокопченное с детства лучами солнца. Сказал ему об этом, а он смеется:

— Я недавно женился, аялах успел пока только трех детей подарить, а ты в старики записываешь.

Оказалось, Мамату едва перевалило за сорок. Старики, как самому опытному, доверили ему быть караван-баши. Невелико хозяйство Мамата, всего несколько семей, перегоняющих свои скот с зимних пастбищ на летние. Впереди отары овец, трясая жидкими бородачками, вожак — смолистые, рогатые козлы. За ними, то отставая, то давя друг друга, подгоняемые строгими окриками и палками кочевников, бредут овцы. Грязные, с впалыми боками, шумные и бестолковые. Чуть приотстав, чтобы не глотать пыль от отары, босоногая девчушка ведет на поводу верблюда. Шкура облезла, но голова поднята высоко, горделиво. За его хвост привязан другой, потом третий. Верблюжьим шеям повязаны плетеными разноцветными лентами, на которых позвякивают медные колокольчики. Под их аккомпанемент медленно и величественно переставляют длинные ноги умные и выносливые животные. На их горбчатых спинах разместилось все нехитрое хозяйство кочевников. Здесь шерстяные пологи и каркасы для шатров, кругляки кизяка и вязанки хвороста для костра. Котлы, чайники, мешки с рисом и мукой. А поверх этого походного скарба, как корабли на троне, восседают полусонные, благочестивые в белых чалмах бабан. За их спинами женщины с детьми. В пестрых широких балахонах, с блестящими украшениями из металла и цветных камней. Лица не прячут, смотрят строго, но весело, особенно одна, которую солнце бережет, лицом блее, не так черна, как другие.

— Смотри, Гульпача, шею себе свернешь! — строго выговаривает Мамат с седла, пропуская вперед вереницу верблюдов.

— Она у меня что колесо на оси... Куда хочу, туда и верчу, — к моему удивлению, смело отвечает девушка.

— Ну, ну... — только и нашелся что сказать Мамат.

На верблюжьих горбах, забыв о нужном почтении к караван-баши, кто-то звонко рассмеялся.

— А вот я вас сейчас плеткой! Будете у меня знать, как зубы скалить, бесстыжие! Глаза бы мои на вас не глядели, — не на шутку разошелся Мамат. Он наверняка привел бы свою угрозу в исполнение — огрел плеткой развеселившихся не в меру молодых женщин, да тут подал свой голос один из ослов. Из ущелья ему ответило громкое эхо.

— Этого нам еще не доставало... Накличет беду, безмозглый ишак, сын сатаны, лопоухая тварь... А вы что рот раскрыли? — Это он уже набросился на погонщиков. — Заткните ему глотку, потяните за хвост!

Я не видел, что сделали с бедным ишаком, только он еще раз икнул и засеменил покорно за своими собратьями, нагруженными так же под завязку, как и верблюды... По обе стороны каравана плелись на вид сонные, ко всему, кажется, безразличные собаки с обрубленными хвостами и ушами. Но стоит только появиться кому чужому, как было со мной, в один миг шерсть дыбом, глаза кровью налились, очертились пасти. С трудом отогнал их караван-баши, а то бы загрызли на месте. Настоящие породистые волкодавы. Никак со мной дружить не желают. Какую смачную кость им ни подкидывай, рычат, к себе не подпускают. Вот так-то, Салех! В один день стал ты чужим и для собак, и для добрых людей.

Кое-как уgomонились овцы, сбившись тесной кучей у шатров. Опустились на землю, вытянув свои длинные ноги, верблюды. Лениво шевелят ушами сонные ишаки. Стихают людские голоса под войлочными крышами кочевников. Уставшие за день, быстро засыпают на пыльных комах взрослые и дети.

Мы с караван-баши сидим у чуть тлеющего костра.

— Надо бы огонь развести пожарче, да нельзя... Хворосту и кизяка в обрез, — жалуется Мамат.

Ловко выхватил уголек из костра, подбросил его на ладони, поднес к трубке-коротышке и задымил в свое удовольствие. Рядом с хозяином сторожевые псы с высунутыми набок языками. Тут же, на всякий случай, английская винтовка с полным набором патронов в магазине.

Любим мы, афганцы, оружие. В семье нередко и гроша на хлеб не бывает, а вот для покупки хорошей винтовки деньги всегда найдутся. Продаст хозяин последний халат на базаре, выпросит в долг у соседа, но на саманной стенке его убогого жилища обязательно будет висеть винтовка... Любовно ухоженная, с прочищенным стволом, со смазанными оружейным маслом затвором и курком, готовая в любую минуту на зверя, а если надо, и для защиты от дурного человека. Владеть оружием учат сызмальства и мальчишек и девчонок. Помню, с каким волнением я впервые держал в своих руках тяжелый, в мой рост, карабин... Мне еще и восьми лет не было от роду, но я уже принимал участие в соревновании по стрельбе между подростками. Это был настоящий праздник для всех жителей кишлака. За околицей собиралась большая толпа народу, которая шумно реагировала на каждый выстрел детей. Мишенью служили разри-сованные углем усатые человечки на большом валуне. В руках белобородого старосты победителя ожидала щедрая награда — цветной пакетик с леденцами. И как же я горько плакал, когда промахнулся и желанный пакетик с липкими конфетами достался другому мальчугану.

— А что, только одна винтовка на весь караван? — полюбопытствовал я у Мамата...

— Мы не из бедных, в каждой семье по нескольку стволов... винтовки и автоматы... Кочуем, без оружия нам нельзя... Особенно в такое смутное время, — говорит караван-баши.

Звездная ночь приносит в ущелье сырость и холод. Мамат плотнее закидывает полу замусоленно-

го, видавшего виды халата, норовит поближе боком пристроиться к костру.

— Значит, это мой последний привал? — уточняю я у него.

— Граница рядом... Пришли, я свое дело сделал. Расходятся наши пути-дороги. Тебе в Пакистан, а мне на родной земле пасти. К утру придут за тобой, — говорит караван-баши, попыхивая трубочкой.

— Да кто придет? — интересуюсь у Мамата.

— Кому надо, тот и придет... — уклончиво отвечает он. Подбросил кизяка в костер,хватило яркое пламя, сказал, зевая: — Шел бы ты, парень, в мой шатер. Поспал бы часок, другой... Сил набрался... А я разбуду, когда придут.

— Да я вроде и спать не хочу...

— Поспи, поспи, наберись силенок, неизвестно еще, что ждет тебя на чужбине...

...Это только казалось, что спать не хочу. Не успела голова к теплой кошме прикоснуться, как глаза сами закрылись. Тело стало легким, как пух... Стоило чуть пошевелиться, и вот я уже в воздухе парю над белыми облаками, лечу, куда не знаю сам. Неожиданно мелькнула тень, тревогой отозвалось сердце. Тень все ближе и ближе. Вдруг явственно вижу перед собой родное лицо. Грустное, со слезами на глазах. Гибкие, мягкие руки звали к себе. Это были руки моей Джамили... Я так верил, что встретят, обнимут меня за воротами Пули-Чархи...

— Не смотри понапрасну по сторонам, дружине, — сказал мне Ахмад... — Джамили не придет на встречу... Она пропала неизвестно где...

И чтобы как-то рассеять мою печаль, подбодрить друга, сказал уверенно и громко:

— Не тужи, Салех. Ты обязательно встретишься с ней. Мы найдем Джамилю...

А зачем ее искать, когда она здесь, рядом, протяни только руки... Но вместо того чтобы плыть к ней навстречу, я удаляюсь назад. Кто-то крепко ухватил меня за ноги и тянет в неизвестность. Джамили пропала, растаяла вместе с облаками, и слышу сквозь сон приглушенный, недобрый голос:

— Да проснись ты, наконец, парень... Скоро солнце встанет, а он дрыхнет без задних ног...

Я открываю глаза и вижу нависшие надо мной черные, нахмуренные брови, пухлые, цвета переспелого граната, губы.

— Наконец-то! Сонзволнил проснуться... А не подкажете ли, уважаемый, какая нынче цена на лазурит в Кабуле?

Услышав эти слова, я окончательно проснулся. Смотрю на злые, как у дикой кошки, глаза, отвечаю, как и положено в таких случаях:

— Революция не повлияла на цену лазурита. Вы имеете желание приобрести этот чудесный камень?

— Да, имею... Я люблю все красивое.

Сомнений не было, мы обменялись словами паролем. За мной пришел человек с той, чужой, стороны. Кого угодно я мог представить в этой роли, но только не караванную красавицу — не Гульпачу.

Выжала мягко сцепление, джип, набирая скорость, покати по гладкой дороге. Парень остался на шос-

се, широко расставив ноги. Лениво так, на всякий случай, если обернется Гульпача, помахивал рукой на прощание.

Гульпача наслаждается быстрой ездой... Лихо развеваются на ветру ее длинные волосы, она словно слилась с баранкой, напевает вполголоса какую-то веселую песенку. Я вытянул поудобнее ноги, подставил лицо теплему солнцу. Гладкая дорога быстро убаюкала, и я заснул хорошим, крепким сном.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем снова открыл глаза. Джи́п, к моему удивлению, стоял на обочине дороги с выключенным мотором.

— Что случилось? Почему мы стоим? — спросил я у Гульпачи.

— Протри глаза, не видишь, похороны, — зло ответила девушка. — Наших с тобой соотечественников на кладбище несут.

Я вышел из машины. Мимо меня торопливо двигалась похоронная процессия. Одни мужчины, как и положено по мусульманскому закону. Белые чалмы покрывали головы живых, белые саваны спеленали мертвых. Я насчитал десять покойников, которых несли на руках, опустив глаза, погруженные в свои печальные думы далеко уже не молодые люди. В конце процессии шел бабай, опираясь на посох, то останавливаясь, чтобы передохнуть, то снова семена слабыми ногами.

— Кого хороните, уважаемый бабай?

Он вздрогнул от неожиданности, услышав родную речь. Остановился, с удивлением посмотрел на меня.

— Хороните, спрашиваю, кого? — еще громче переспросил я старика.

— Сыновей своих. Привезли с гор... Бой там был большой. Самый младший здесь мой Джамиль. Остальные соседи по палаткам, мы из лагеря афганских беженцев.

Он остановился, чтобы передохнуть. Сгорбленный летами и болезнями, дышит тяжело, с хрипотой.

— А сколько у вас детей, уважаемый?

— Десять дал аллах, и все мальчики. Трое здесь, у повстанцев, остальные там, у Бабрака. Старший — мой, Махаммад, большой начальник на родине, капитан, — не без гордости говорит словоохотливый бабай... Помолчал, подумал и уже с печалью в голосе:

— Может, Махаммад убил Джамиле? Разбрелись в этой заварушке. Кто родной, а кто нет... Карает нас, афганцев, аллах за грехи тяжкие. Слыханное ли дело, брат на брата руку поднял.

Чуть замедлил свой шаг похоронный кортеж. Сменились люди, приняли на свои руки тела погибших, двинулись гуськом по серому бетону. Опираясь на палку, заспешил и старик к своему сыну. А вокруг буйствовала весна, расстилалась зеленым ковром ранних всходов с дурманящими запахами миндаля и акаций. Ослепительно блестят вдали снежные вершины молчаливых гор, над головой ясное, ключевой синевы безоблачное небо. Но мертвых не разбудит солнце. Земля, которая рождает жизнь, уступила смерти, она готовится принять в свои объятия погибших неизвестно за что молодых афганцев. Жестокая несправедливость оборвала песню на полуслове.

— Пора ехать, Салех! — услышал я за своей спиной. Еще раз посмотрел вслед удаляющейся процессии и послушно пошел к машине. Надоело играть в молчанку, спрашиваю Гульпачу:

— Послушай, будь другом, куда все же мы едем, что ждет меня впереди?

Она взглянула на меня через боковое зеркальце, усмехнулась.

— Какой нетерпеливый... Узнаешь все в свое время.

— Но где я жить буду? Это, надеюсь, не тайна?

— Не бойся, в лагерь беженцев тебя не поселят. Найдутся более комфортабельные условия. Не всем, кто с родины бежит, живется плохо в чужих краях. Ты будешь жить богато, — продолжает она, не снимая рук с руля машины. — Если, конечно, дураком не окажешься. Деньги, что дождь, твою голову осыпать могут. Надо только постараться. Ты слышишь меня, Салех!

— Бисер хуп! — отвечаю я, закуривая новую сигарету.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Может, все ночи в единый слились монолит?
Может, все звезды пьяны, а вселенная спит?
Утро, явь! Иль тебя удушили в дороге?
Небо, возвращайся! Неужто твой обод разбит?

Джамаладдин Исфাহани

«Пешавар. Угрюмому. Беспokoимся здоровьем Хирурга. Анис».

«Кабул. Анису. Проверка прошла нормально. Разведданные, переданные Хирургом для ЦРУ, не вызвали подозрений. Хирург получил передышку. Угрюмый».

Не так давно завтракал в отеле, а вот мимо аппетитного, щекочущего ноздри запаха из раскрытых дверей кебаба пройти не могу. Не то время раннее, не то кебаб не пользовался достаточной популярностью, но посетителей здесь почти что не было. А мне он пришелся по душе. Чисто, опущены шторы от палящего солнца, бесшумный пропеллер на потолке нежит тело приятной прохладой. Не успел я за столик сесть — с гладко выбритыми до синевы щеками, весь отутюженный, накрахмаленный, с нижайшим поклоном, сам кебабщик.

— Добро пожаловать! Спасибо, что в гости зашли! — соловьем разливается он, осторожно кладя передо мной меню.

Я заказал люля-кебаб, салат, кружку пива. Подошел к музыкальному автомату, выбрал пластинку, опустил монету. И вот я слышу знакомый голос. Он пел о девушке, которую больше не увидит. Ей цвести розой в своем тенистом саду, ему умирать в пыли на чужой дороге. Злые люди разлучили любимых. Не верь, что по утрам на лепестках розы роса. Это мои слезы, прикоснись к ним губами, почувствуешь соль, горечь моих страданий. Пел Ахмад Захир. Я хорошо помню его, крепко сбитого, грудь нараспашку, бархатные волосы до самых плеч и улыбка... Она могла растопить снежные цепи Гиндукуша. Открытая, зову-

шая, радостная улыбка жизни. Его нашли на дороге в пыли, залитого кровью. Он очень любил людей. Был их радостью и совестью. Амин людей не любил, совестью его аллах обделил в день рождения. По его личному высочайшему приказу утром на рассвете был убит Ахмад Захир.

Пластика замерла, остановилась на месте, а песня, как эхо, отзывалась в моей груди. Я боялся пошевелиться, чтобы не оборвать ее на полуслове, слушал, думая о своей розе, о своей неразделенной любви. И вдруг чье-то дыхание над самым ухом. Повернулся и невольно попятился назад. Передо мной стоял человек с лицом, словно печеное яблоко. Он был одет в грязную, пропитанную потом и пылью длинную рубашку, поверх вязаный жилет, котомка за плечами, мятая чалма и стоптанные, облезшие сандалии на босу ногу. В руках увесистый, с его рост, кизилевый посох.

— Что, не узнаешь меня, Салех? — попытался улынуться он, отчего лицо его стало еще безобразнее.

— Эй, кто пустил это страшилище в мой кебаб? — закричал хозяин, возвращаясь с кухни. — А ну убирайся скорее, пока я тебе ребра не переломал!

Выташил откуда-то из-за стойки бара резиновый жгут и коршуном подлетел к несчастному. Я остановил его повелительным жестом, спросил незнакомца на дари:

— Кто ты, страшный человек, откуда знакомо тебе мое имя?

— Я твой товарищ... Товарищ по Пули-Чархи... Хабибула. Теперь меня трудно узнать, Салех.

Да, это был его голос, того самого муллы из провинции Газни, с кем свела меня судьба в мрачные дни заточения в Пули-Чархи. Только лицо другое, страшное, сожженное огнем лицо Хабибулы. Я протянул к нему руки, он бросился в мои объятия. Кебабщик от удивления только рот раскрыл.

Ел Хабибула быстро и жадно, а у меня пропал аппетит, к еде даже не притронулся. Чуть отпил из бокала ледяного пива. Сажу, молчу, жду, когда можно сказать свое слово. Начисто куском лепешки вычистил Хабибула свою тарелку. Осторожно стряхнул в ладонь крошки со стола и в рот.

— Может, еще заказать что-нибудь? — спрашиваю я его.

— Благодарствую. Давно так сытно не ел. Разве что чаю пиалушку. Побаловал себя властью щедротой твоего сердца. В этом кебабе все дорого. Надо много рупий иметь.

— Э, полно тебе о деньгах беспокоиться. Есть у меня и рупии, и афгани, и доллары.

— Ты стал богатым?

— Обо мне потом. Расскажи лучше о себе. Как поживаешь, куда путь держишь, дружище?

— В Мекку! Совершаю хадж!

Умолк, пока чайники и пиалы расставлял на нашем столике кебабщик. Продолжил с глубоким вздохом:

— Иду к святому храму Кааба. Нелегким путем, через огонь дьявола.

И тесный склеп — последний кров — рыдает надо мной,
И этот прах на сто ладов рыдает надо мной.
На камне высечь вас прошу, как горько мне сейчас,
Услышит камень — и без слов заплачет надо мной.

Аухади Мараги

Еще солнце не успело проснуться за черным пи-ком горы, а Хабибула был уже в дороге. Шел легко, с радостным сердцем, вдыхая аромат травостоя, наслаждаясь утренней прохладой... Чтобы выйти на проезжую дорогу, надо было оседлать не один перевал, попеть вместе с тропой день-другой, с ночевками на жестких колючих камнях. Спешить ему было некуда. Шел, не забывая сотворять намаз на привалах... В пути никого не встретил, только орлы парили над головой. Ночью слышал, как выли шакалы, а может, и волки где-то рядом с его костром. Пугали, мешали спать, но к огню подойти не осмеливались. Скоро должна быть первая встреча с людьми. Хабибула хорошо знал эту дорогу, до кишлака Кизилсу оставался день перехода. Пошел спуск, альпийские травы с большими пучеглазыми ромашками, диким луком, васильками и незабудками сменяются зарослями алычи и кизила. Все чаще попадаются чудом пробиившие себе жизнь в расщелинах скал миндалевые и тутовые деревья.

Снял обувь, поплескал из фляги на ноги, потом на руки и на колени. Пора было помолиться. Странное дело, ему что-то мерещится, вроде тень какая-то промелькнула, но от молитвы не отвлекся. Стерпел, не осквернился, пока не воздал должную славу всевышнему. Собрался голову повернуть, почувствовал на шее холод металла. Резкий, каркающий, как у вороны, голос:

— Руки вверх! Сидеть, ни с места, не шевелиться! Липкие и скорые ладони ошупали бока, забрались под рубашку, нашли то, что искали.

— А кошелечек пузатенький! Овечка попалась нам жирная. Сосчитаем сначала капитал или кокнем благочестивого? — спрашивает все тот же голос. — Как ты считаешь, Назар?

— Давай кокнем! — без долгого раздумья решает невидимый Назар. — Тащи его к обрыву.

Язык, который присох от испуга в первое мгновение, вдруг заработал у Хабибулы, как пулемет:

— Не позволю! Не имеете права! Я — мулла! Иду в Мекку! Аллах накажет! Тяжкое наказание вам будет! Я — мулла! Душманы вы несчастные!

— Да заткни ты ему глотку, Муса! — слышит он в ответ. — Ишь как разошелся, на нас, своих освободителей, партизан, лает!

— Вы не партизаны, а грабители! Я всю жизнь деньги копил... для дороги в Мекку... Не имеете права! — кричит уже мулла, а сам ногами упирается, не дает себя тащить сильным рукам.

— Бери его, Муса, крепче, бери за хребет! — командует Назар, детина огромного роста, лицо повязано клетчатым платком, одни глаза видны. В чалме, длинная рубашка перехвачена ремнем, с автоматом в руках.

Муса помельче, но жилистый, сильный, лица не прячет, весь оброс щетиной. Сдавил муллу, как клещами, рывком потянул на себя.

— Вот так-то его! — одобрил Назар. — А то раскричался, думает, мы испугаемся. Нам деньги тоже для святого дела нужны.

— Нельзя... чужое брать... Коран... — все еще пытался говорить мулла.

— Нет, он явно мне действует на нервы. А ну дай я его сейчас здесь же и порешу на месте.

Муса швырнул муллу, как мешок с отрубями. Назар вскинул автомат. Но выстрелить не успел. Чужая пуля срезала ветку у самого уха детины. Назар от неожиданности присел на корточки, и хорошо сделал... Вторая пуля была предназначена для его беспешанной головы, впиалась со стоном в ствол тутового дерева, только шенки полетели.

— Бежим! Засада! — закричал Муса, выхватил пистолет, пальнул через плечо — и в кусты.

Назар и без Мусы знал, что делать, когда стреляют над ухом. Плюхнулся со всего размаху на землю и пополз, извиваясь, как спугнутая змея, быстро-быстро. Уже из зарослей опомнился, дал длинную автоматную очередь. И незамедлительно в ответ прошлись по кустам веером пули. Потом все стихло. Хабибула лежит, не шелохнется, сам не знает, жив он или нет. И вдруг как милость с неба:

— Вставайте, почтенный! Вы — вне опасности! Душманы удрали!

Муллу а раньше знал, что небезопасно странствовать по Афганистану. Испокон веков на узких тропах и широких дорогах пошаливали разбойники. Они нападали на целые караваны, очищали карманы богатых купцов и чиновников, забирали на вечную память золотые кольца, колье, браслеты у иностранных туристов, выворачивали кошельки у собственных министров и вождей племен. Но чтоб муллу, который совершает паломничество в Мекку, обобрать, как белку, да еще чуть жизни не лишать, такого он себе не представлял. Он даже расплакался, когда увидел своего спасителя.

Кривоногий, худой парень в крестьянской одежде. Глаза добрые, лучистые, родинка пухлая черной меткой на подбородке. На шее боевой автомат. Один не испугался вступить в перестрелку, заставил душманов удирать, как зайцев.

— Дай тебе аллах богатырского здоровья, — прочитая, всхлипывал мулла. — Пусть сбудутся все твои желания, я вечный твой раб и должник. Назови свое имя.

— Рамз, Рамз меня зовут, — отвечает парень с автоматом. — Да будет, будет вам хныкать. Дайте лучше руку, я помогу вам на ноги подняться.

Оказалось, что Рамз был не один... из-за его спины выглядывала ко всему на свете равнодушная морда ишака.

Не в добрый час согласился мулла быть гостем своего спасителя. Можно бы отказаться, пройти стороной кишлак, но много ли кадалов сделаешь на пу-

стой желудок, без одного афгани в кармане. Рамз обещал что-нибудь придумать, помочь всем миром снарядить Хабибулу для дальней дороги в Мекку... Да и обижать нельзя нового друга, он жизнь спас, в свой дом зовет, разве можно отказываться. Ночевать им пришлось в пещере. К утру дождь прекратился, и они отправились дальше по размытой тропе. Вскоре, за поворотом, словно свитые птичьих гнезда, неведомо как прилипшие к отвесной скале, показались ханы кишлака.

— Вот мы и дома! — радостно сказал Рамз. — Люди в кишлаке добрые, последним куском хлеба поделятся. Сам убеишься. Гость — подарок аллаха, а собой в дом одну радость приносит.

Но не радость, а горе принес с собой Хабибула. Не успели они к кишлаку спуститься, попали в засаду. Рамз даже автомат вскинуть не успел... Схватили в один миг, заломили больно руки за спину, стянули намертво капроновой веревкой...

...Они не считали себя душманами. Упаси аллах сказать такое, нанесешь страшное оскорбление, и здесь же пуля в лоб.

— Мы ничего не имеем общего с теми, кто вас ограбил, почтенный мулла. Они действительно душманы, и их надо стрелять, как бешеных собак, — говорил вежливо начальник, к которому их привели на допрос.

Высокий, уже не молодой, с бегающими в разные стороны глазами, в защитной униформе без погон.

— Мы — повстанцы! Поднялись на священную борьбу во имя спасения ислама от неверных. Я — Али Шах, командир первой добровольческой дивизии! — не без гордости представился он пленникам и для большей достоверности сам себя стукнул кулаком в грудь.

Сидел Али Шах на срубленном пеньке, нога на ногу, в тени у самой стены мечети. Десяток вооруженных молодых стояли рядом, давно не бритые, грязные, оборванные. Одеты кто во что, не солдаты добровольческой дивизии, а толпа настоящих голодранцев на базаре.

— Служители аллаха — наши друзья, — продолжал между тем Али Шах. — Я дарю тебе свободу, мулла! Эй, развяжите ему руки, — приказывает он. — А ты, говоришь, подарок от правительства привез? Книгами кормить людей собрался? — зло спрашивает он Рамза. — Библиотеку открывать надумал? Правоверных мусульман с истинного пути сбивать? Нет, не жди пощады, красный шакал!

— Брось пугать, начальник, — спокойно, с усмешкой отвечает библиотекарь.

У Хабибулы от этого спокойствия похолодело все внутри.

— Брось пугать, — повторяет Рамз. — Страшнее кошки звери есты!

— Что?!

Али Шах срывается со своего места как ужаленный. Взмахнув по-звериному, бьет по лицу со всей силы, потом в живот, и снова по лицу. Пружинистые, профессиональные удары. Не удержался на ногах Рамз, обливаясь кровью, упал навзничь на землю,

ударился головой. А тот его еще тупым носком тяжелого солдатского ботинка по ребрам, в пах, по голове. Улыбаются, одобрительно кивают его люди. Выдохся Али Шах, отошел от своей жертвы, закурил и тут же с какой-то непонятной радостью:

— А ну, ребята, тащите побольше хворосту, давай-те сюда книги, подарок дьявола! Устроим огненную потеху! Представление начинается! Гони людей к мечети!

...В ярко вспыхнувший костер вместе с книгами бросили и тело несчастного библиотекаря. Аллах, видимо, сжалился над его судьбой. Он умер раньше от удара в висок, прежде чем попал в огненные объятия. Хабибула онемел от страха. Рамз на его глазах превращался в пепел. Ад с неба спустился на землю. Но еще страшнее для муллы была толпа, которая стояла вокруг костра под дулами автоматов, покорная и безмолвная. Среди них были отец и мать, братья и сестры Рамза... Мулла не успел с ними познакомиться, но знал, что они здесь, на площади у мечети... Али Шах приказал согнать всех, кто мог двигаться, на огненную потеху.

Мечет искры в толпу жаркий костер, совершается убийство мусульманина перед всем миром родного кишлака, и никто даже голоса не подаст, не заплачет навзрыд, не бросится кровь за кровь пустить. Да что других хулить, когда сам Хабибула словно прирос к одному месту. Рамз спас ему жизнь, а он предал друга. Да, да, предал своей трусостью перед этим ничтожным человеком. Да кто он такой, собственно говоря, этот Али Шах? Кто дал ему право вершить тяжкий суд от имени аллаха? И вдруг вернулись силы к Хабибуле, воздел руки к небу, попятилась толпа, автоматы к земле потянулись... И услышал притихший кишлак одну из сур священного корана:

— «И если кто убьет верующего умышленно, то воздаянием ему геенна для вечного пребывания там! И разгневался аллах на него, и проклял его, и уготовил ему великое наказание!»

Рывком выхватил горящую головешку из костра и бросился к Али Шаху... Не добежал, схватили, согнули в три погибели сильные руки, униженно поставили на колени перед главарем бандитов.

— Что ж, мулла, ты сам себе выбрал наказание. Надеюсь, надолго запомнишь Али Шаха!

Горящая головешка, которую обронил Хабибула, была в руках Али Шаха...

Последнее, что еще мог осознать и почувствовать Хабибула, — синее, ленивое пламя перед глазами и отвратительный до тошноты запах паленого человеческого мяса...

* * *

Давно остыли наши чайники на столе... За окном солнце уже перевалило за полдень, уменьшился поток машин и людей. Над городом повисла изнуряющая тело и дурманящая разум жара. А здесь было прохладно, не хотелось расставаться с уютным кебабом. Но Хабибуле нужно было куда-то идти. Спросил о времени, засуетился, стал прощаться, благодарить за угощение.

— Посидим еще, — пытался я остановить муллу.

— Не могу, меня ждут!

— А может, тебе деньги нужны? Так я дам... у меня есть...

Он не ответил, но взглянул так, словно крапивой ожег... Мне стало стыдно, хотя я и не думал его обидеть.

— Куда же, в Мекку?

— Сначала найду Али Шаха... Покараю от имени аллаха за муки свои и друга. А потом в святые места... Грехи отмаливать!

* * *

«Кабул... Анису... Хирург встретился с неизвестным мне муллой Хабибулой. Прошу сообщить на него данные. Угрюмый».

«Угрюмому... Хирург знаком с Хабибулой по Пули-Чархи. Попробуйте завязать знакомство с муллой, привлечь на нашу сторону. Анис».

ЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Не предавайся страстям, чей исток в небесах:
Волею неба то счастливы мы, то в слезах.
Ветер повеял — в саду распустились бутоны,
Снова повеял — цветы осыплются в прах.

Ашик Исфакхани Ага-Мухаммад

В Кабуле Абдула Бури был хорошо известен. Он был завербован, когда учился в Америке. Будущий адвокат хотя и был из богатой семьи, но жил на скудных студенческих харчах. Знатный купец не баловал своего сына деньгами. В письмах к нему учил быть бережливым, жить, подтянув потуже ремешок, как делал он в своей молодости. «С тощим кошельком от соблазнов дьявола будешь подальше, веру мусульманскую не осквернишь, чаще совершать намаз будешь», — поучал он сына. Но Абдула не воспринимал слова отца всерьез, знал, что вся его экономия идет от жадности... В ливневый дождь у отца капли воды не выпросишь. А вокруг была жизнь. Сюда бы старого купчишку с его капиталами. Абдула бы посмотрел, как тот сможет устоять от соблазнов дьявола. Америка умеет чистить карманы, делает это быстро и элегантно. При этом ее мало интересует, какому ты богу молишься и сколько в день лбом о землю стучишь... Хочешь иметь удовольствие, гони доллары. А где их взять бедному афганскому студенту. Разве что кольцо золотое с бриллиантовыми слезинками пустить в заклад, которое отец, кряхтя, перед отъездом снял со своей руки.

— Бери, сын. Вещица дорогая... Мне досталась от твоего прадеда... В нем честь и достоинство нашего рода. Кольцо с тобой — во всем удача. Потеряешь — несчастье настигнет, головы не сносить. Оно — заговоренное, — говорил старый Бури, искренне веря в его магическую силу.

Сын сказки не любил... С его головой ничего не случилось, когда он оставил кольцо в ломбарде под

залог. Вот здесь-то и погулял Бури! Ночные клубы, рулетка, веселая компания друзей, послушное обжигающее женское тело... Так было с неделей... И все исчезло однажды утром... Большая голова, пустой кошелек, друзей и подруг словно ветром сдуло. Сел, как говорится, в Америке Абдула Бури прочно на мель, ни одним буксиром на большую воду не стащишь. К отцу и думать нечего обращаться за помощью. Проклянет, ославит на весь мир... Взаимы никто из земляков дать не может, сами гулять умели. Положение аховое, хоть руки на себя накладывай, неоткуда ждать помощи... Но она пришла, у Абдулы нашелся ангел-спаситель, мягкий, обходительный господин, говорил с улыбкой, как старый знакомый:

— У вас некоторые финансовые затруднения? Готов оказать услугу. Могу выписать чек на кругленькую сумму.

— Чек? Кругленькая сумма? Да за что? — подивился Бури.

— За работу! — ответил четко господин. Мутные серые глаза прямо-таки впились в лицо Абдулы, смотрели долго, не мигая. Потом господин кашлянул и уточнил:

— За работу для Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки!

..В Америке Абдула Бури получил сразу две специальности. Одну, после защиты диплома в университете, — юриста. Другую, неофициальную, — профессионального шпиона, пройдя курс подготовки в учебном центре ЦРУ на безымянном острове, затерянном где-то в Атлантическом океане.

...Вскоре, после окончания подготовки в учебном центре ЦРУ, Бури выехал на родину и поступил в полное распоряжение Хафизуллы Амина.

— Приказы Амина для тебя, Абдула Бури, — приказ ЦРУ!

Это были последние напутственные слова его шефа перед отъездом в Афганистан.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мудрый судья, в мир врата отворяющий нам,
Тот, кем заложен вселенной вместительный храм,
Многим удачи не дал, ибо знал: не пристало
Счастье иным, как рога не пристали ослам.

Саади Муслихаддин

Абдула Бури был арестован на третий день после свержения Амина. В архивах ХАДа¹ в Кабуле хранится любопытный документ, который, не дожидаясь допроса, собственноручно написал арестованный Абдула Бури.

— Я сам, я сам все расскажу, что знаю про этого злодея и кровопийцу Амина. Сообщу факты его страшных преступлений... Все, все, чистосердечно и честно. Поверьте мне! — говорил он сотрудникам ХАДа, прося у них бумагу и ручку.

Писал он долго, не скупился на подробности, называл имена сподвижников Амина, раскрывал планы

готовящегося заговора против республики. Амина чернил, как только мог. О себе скуп: действительно был политическим советником у Амина, но меньше советовал, а больше его слушал, выполнял, что прикажет он, считал каждое указание Амина указанием партии. Не дожидаясь следствия, спешит раскаться и в своих личных преступлениях... Сказать, что уже предано огласке, от чего не отвертеться, за что придется отвечать по закону. Пусть лучше его считают политическим интриганом, можно даже обозвать и обидным словом — политическим провокатором, но, избавь аллах, — американским шпионом. Об этом надо забыть, выбросить из головы, отрицать при любых вскрытых фактах и документах. Он уверен, что таковых в руках ХАДа нет, не сумел наследить, был всегда осторожным.

«Виноват, что по указанию Амина распускал всякие слухи против своих товарищей, ссорил их между собой, способствовал расколу партии на два крыла», — писал Бури в своем покаянии.

...Нелегкое было это время для НДПА. В конце 1967 года партия разделилась на две группировки. Свои названия они получили от названия печатных органов партии «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Возглавил группу «Хальк» Нур Мухаммед Тараки, а «Парчам» — Бабрак Кармаль. Странное это было размежевание внутри НДПА. Обе группировки признавали требования устава партии, стояли на одной и той же идеологической платформе, нередко действовали сообща. Распространяли листовки среди населения, устраивали марши протеста, выводили сотни трудящихся на первомайские демонстрации. И все вместе, рука об руку. Вели нелегкую борьбу с жестоким режимом. Вместе — и, как ни парадоксально, врозь... Спорили до хрипоты, обвиняли друг друга неизвестно в чем, часто бездоказательно, со ссылкой «кто-то сказал», «где-то услышал». В партию пришла беда — товарищ перестал верить товарищу.

Сидя в Пули-Чархи, я как-то спросил профессора Нажмуддина о причинах разногласий в партии. Он только плечами пожал, долго думал, а потом сказал:

— Кто-то боится сильного кулака, вот и разводит наши пальцы врозь.

Теперь я знаю, что одним из тех, кто вносил разлад в единство рядов партии, был Абдула Бури. Он умело сталкивал лбами рядовых и членов ЦК партии, подбрасывал то одному, то другому всякие небывицы, а сам всегда оставался в стороне, в тени. И, как ни странно, ему везло... Вчерашние товарищи, опытные революционеры, становились заклятыми врагами. А он умел дружить и ладить со всеми, был, как говорится, свой парень в группе «Хальк» и в группе «Парчам».

В 1977 году произошло объединение разрозненных группировок, вновь стала единой Народно-демократическая партия Афганистана.

«Амин испугался этого единства», — писал Бури. — Испугался потому, что членам ЦК стали известны факты его раскольнической деятельности. Мне было

¹ ХАД — служба государственной безопасности.

приказано уехать в провинцию, заболеть, отлежаться у родственников. Он знал, что многие товарищи требуют сместить его с руководящего поста в партии, вывести из членов ЦК НДПА. Но кто-то сумел рассеять грозные тучи над его головой, отвести удар от Амина. Я вернулся из провинции сразу после Апрельской революции. Встретил он меня в наилучшем расположении духа.

— Все идет прекрасно, Абдула! — сказал Амин. — Будем сотрудничать с тобой и дальше, творить великую историю!»

Бури не пытался обелить собственную персону. Он знал о репрессивных незаконных действиях Амина. Но что он мог сделать, ведь Абдула целиком был во власти этого могучего человека. Стоило ему только загнуть палец, и Бури бы не было в живых. И еще он думал, что так надо, так необходимо в наших специфических афганских условиях. Революция без жестокостей не бывает, когда лес рубят — щепки летят. Суровая диалектика классового боя. Амин был для него вождем праведным, хотя и с недостатками. И вот какое кощунство, какой обман его лучших надежд!

В заключение он писал:

«Да, я творил зло! Но оно исходило не от моего сердца... Его излучал Амин! Амин и только Амин виноват в этой страшной трагедии, которая произошла на моей родине!»

...Я только страдал по воле Амина, но никогда не видел этого человека в глаза. А мне так нужно было найти его, рассказать, что наказала Джамиля, что просили передать жители далекого горного кишлака. Джамиля посылала меня искать у Амина справедливости и защиты, просила сообщить, как, прикрываясь его почтенным именем, от имени партии творят произвол такие авантюристы, как Барык. Она почему-то верила ему, надеялась, он-то поймет, поможет. Но дойти до Амина мне не пришлось, арестовали, не сошлись наши дороги с ним. А вот Ахмад встречался, устаивался высокой чести, держался за руку Амина, почтено здоровался и прощался. Было это на киностудии «Афганфильм», куда зачастил ездить Амин. Безопасность Амина в районе киностудии обеспечивал мой друг со своим отрядом. Перекрывал с солдатами прилегающие улицы, очищал трассу от машин и пешеходов, расставлял по ходу движения машины Амина заслон из автоматчиков, прикрывал большого человека танками и бронетранспортерами. Сюда его влекли не новые звезды голливудского экрана, не страсти итальянских детективов или индийские мелодрамы. Человек он был занятой, не было свободной минуты на просмотры фильмов из особого фонда. На киностудию Хафизулла Амин приезжал работать. Оказывается, руководитель партии и правительства Народно-демократической республики Афганистан по совместительству подрабатывал на должность киноактера. Ахмад присутствовал на всех съемках, рассказывал об этом с улыбкой:

— Как он играл! У него наверняка талант был от рождения... Это же надо так точно и натурально изображать... самого себя!

— Самого себя?! — не поверил я своим ушам.

— Вот именно! Хафизулла Амин играл в кино Хафизулла Амина! — сказал и тут же залился смехом.

...Не от хорошей жизни подался в актеры Амин. Некоторые обстоятельства заставили его позировать перед кинокамерой в этой роли. Он знал, что среди народа и членов партии особой популярностью не пользуется. Его терпят, пока имеет высокий пост. Одному ему и друзьям из-за океана известно, как он оседлал заветное кресло вождя. Но крепки ли ножки у этого кресла, надежны ли пружины под мягкой подушкой? Власть есть в его руках, а на душе у Амина беспокойно, кошки скребут, удержится ли он на этом кресле? Будущее такое тревожное и туманное. А прошлого не существует, нет той самой героической, необыкновенной биографии, которая обычно бывает у вождей... Нет, так можно выдумать, все в его руках, все подвластно в этой стране его воле... Впрочем, и выдумывать Амину ничего не следует. Ведь было же такое, и он попадал в тюрьму. Правда, всего на несколько часов перед самым Апрельским восстанием.

...Но было... И вот на экране сцена ареста. Ломается в дверь его дома на рассвете свирепые полицейские. Спокойно идет им навстречу Амин. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он слушал сообщение о своем аресте. По несколько раз ему приходится переигрывать эту «трагическую» страницу из биографии политического деятеля. Требуется от режиссера новых и новых творческих решений, сам весь потом изможден от ярких прожекторов, но не уходит с площадки, готов начать все сначала. Одет по-домашнему — длинная рубашка навывпуск, штаны пузыряются, босиком. Несколько раз встает и ложится в постель на полу. Стараются показать себя мучеником за народное дело, увековечить свое имя для потомков, занять почетное место в революционной истории Афганистана. Эти кадры до сих пор хранятся в архивных фондах киностудии «Афганфильм». Ему, пожалуй, может позавидовать и сам президент США господин Рейган. Он думал, что первый попал из кинозвезд в президенты. А не, обошел, обскакал его Хафизулла Амин. Еще в 1979 году киноактер Амин восседал на президентском кресле. Его запомнили люди не только по кадрам кинофильма. Запомнили по тем кровавым следам, которые он оставил в жизни афганского народа, запомнили и проклинали.

Через несколько дней в Кабуле начался судебный процесс над убийцами главы партии и правительства Демократической Республики Афганистан Нур Мухаммеда Тараки. Это были новые факты и свидетельства о преступлениях агента Центрального разведывательного управления Америки Хафизуллы Амина. По его личному указанию убийство Тараки совершили офицеры президентской гвардии.

Человек, который в низком поклоне целовал руки Тараки, величал его великим вождем афганского народа, своим родным отцом, стал убийцей президента. По приговору революционного трибунала Хафизулла Амин был расстрелян. Получил свое по заслугам и Абдула Бури. Он был осужден, но долго в тюрьме

не сидел, каялся, умолял простить. Поверили, дал подписку никогда не выступать против революционного правительства, и тут же через два дня он удрал за границу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Многие повстанцы прошли военную подготовку в пограничных районах Пешавара при помощи пакистанских и китайских офицеров. Присутствие ЦРУ в этих лагерях тоже чувствовалось».

Журнал «Шпигель» (ФРГ), № 3, 1980 г.

Среди ночи раздается резкий телефонный звонок з моем номере.

— Хелло! Доброй ночи, Салех! Это я, надеюсь, не забыл еще?

Машинально взглянул на часы, стрелки показывали половину второго. Самый сон, а тут телефонный налет. Послать бы ночного звоняря куда подальше, да неудобно, звонила женщина.

— Это я, Гульпача!

Могла бы и не представляться. Узнал сразу. Сама полуночица и другим глаза сомкнуть не дает. Да еще радуется неизвестно чему. Я думал, что уже не увижусь с этой странной девушкой. Привезла меня в Пешавар, простилась у отеля и умчалась неведомо куда на своем джипе. И вот я снова слышу ее голос.

...Она выполняла очередное поручение шефа, везла меня на быстроходном джипе в штаб-квартиру Бури.

— Велено доставить в целости и сохранности, как почетного гостя,— не то серьезно, не то в шутку говорила Гульпача, ловко ведя машину по темным улочкам и закоулкам. Скоро остались позади тусклые огни спящего города, машина вышла на дорожный простор и понеслась в черноту ночи,

* * *

Не знаю, случайно или нет, но встреча с Бури состоялась на поле учебного боя. Он был подготовлен по всем правилам военного дела. В долине, куда из-за белого пика горы не заглядывало солнце, окопалась, заняла оборону часть его войска. Другая таилась где-то в горах, ждала сигнала атаки... Принял меня Бури с расprostертыми объятиями на своем командном пункте. В новенькой военной форме без знаков различия, бинокль на шее, кобура пистолета на животе, защитный картуз с длинным козырьком. Командный пункт был выбран удачно, на макушке одной гряды; укрытый с воздуха маскировочной сеткой... Под рукой рация, полевые телефоны, карты, стереотруба и даже походные стульчики для начальства. Бури был окружен небольшой штабной свитой.

— Внимание, господа! Представляю вам одного из новых членов руководящего комитета нашей партии, господина Салеха!

Вот это новость! Я выхожу на большую дорогу, становлюсь одним из лидеров «Шамшари ислами». И это без всякой со мной беседы. Не дал опомниться,

прямо с дороги брал хватку, как говорится, голыми руками быка за рога. Улыбается, хитро прищурились маленькие плутоватые глазки.

Учебный бой продолжался еще несколько часов. Сognав семь потов и сотворив здесь же на поле, рядом с пулеметами и гранатометами, намаз, мятежники, повзводно, гуськом потянулись в лагерь. Разбор учения Бури отложил на утро. Пришла пора обеда.

Пошли, Салех, нам есть о чем поговорить по душам... Предстоит нелегкая работа по созданию нашей партии «Шамшари ислами».

* * *

Не успела «Шамшари ислами» на свет народиться, а уже пошел о ней трезвон в прессе. Одни газеты с одобрением отнеслись к созданию новой партии афганских мятежников. Называли ее «прогрессивной партией ислама», «активной силой в борьбе с мировым коммунизмом». Другие ругали «Шамшари ислами», предавали проклятию Бури и его шайку преступников — ревизионистов святого учения ислама, изменивших вождю нации Гульбуддину Экматиару. Кто-то умело дирижировал разногласным хором газетчиков, похвалой и бранью привлекая внимание общественности к новоявленной партии. О ней спорили, а фактически партии «Шамшари ислами» не существовало. Правда, был президент партии. На этот пост неизвестно кем был назначен Абдула Бури. Он самостоятельно подобрал и утвердил членов революционного комитета партии. Со мной их число возросло до пяти человек.

— К сожалению, не могу сейчас познакомить тебя, Салех, с политическими коллегами,— сказал Бури, когда мы остались с глазу на глаз после сытного обеда. — Они все там,— он махнул рукой в сторону гор. — Командуют моими отрядами на фронте. А я вот здесь... Выполняю нелегкую миссию лидера партии. Разрабатываю ее политическую платформу. Хочу творчески применить ислам в современной обстановке, отказаться от догм средневековья, взять на вооружение партии все, что нам подходит в борьбе против нового режима в Кабуле.

Разговор об исламе, оказывается, был любимым коньком Абдулы. Сразу же, как миновали караульную будку учебного лагеря, остановился, глаза загорелись, заговорил торопливо, словно боясь, что перебею на полуслове, оборву, не дослушаю. Он излагал свои сокровенные думы, хотелось еще и еще раз проверить себя на новом собеседнике и, конечно, услышать похвалу и восхищение своим умом и исключительностью.

Я слушал откровения Бури и удивлялся его цинизму и обнаженности по отношению к самому святому для мусульманина — исламу. Лидер новой партии задумал вытравить из этого учения ислама все, что привлекало в нем к себе народные массы Востока. Это — элемент протеста против враждебного гнета, колониализма и угнетения. Бури взялся доказать западному миру, что ислам никогда не носил и не

носит антиимпериалистического характера. Наоборот, современная политика империалистических кругов во главе с США в мусульманском мире соответствует духу и содержанию ислама. Бури явно переоценивал свои возможности. Но этого он не замечал. Вошел в раж, не говорил, а изрекал истины, сокрушая красноречием «коммунистическую угрозу», нависшую над исламом, предавал анафеме правительство Бабрака Кармаля.

— В отличие от других партий «Шамшари ислами» больше надеется не на автомат и кинжал, а на силу корана,— важно разглагольствовал Абдула, расставив широко ноги, раскачиваясь всем телом в такт своему многословию. — Здесь каждая сура наш боевой помощник в борьбе с неверными. Главное, как истолковать, как преподнести заповеди Мухаммеда безграмотному афганскому народу, заставить его мыслить и делать, как того желаем мы. И я придумал, Салех... Вот!

В руках у Бури появилась тоненькая книжонка в синей обложке. Я даже не заметил, из какого кармана он ее вытащил.

— Мой многолетний труд «Знамя ислама»! — торжественно объявил Абдула.

Врал бы, но только не мне. Абдула, видать, запамтовал, какое ведомство меня прислало к нему в помощники. Еще перед поездкой в штаб-квартиру Бури я знал, кто в действительности был автором синей брошюры. Это не один и не два человека, а целый коллектив специалистов по исламу из ЦРУ. Немало пришлось им попыхтеть, прежде чем брошюра вышла в свет. Она была создана на основе психологического анализа воздействия той или иной суры при идеологической обработке мятежников. Все ее содержание преследовало одну цель — воспитание ненависти к неверным, осмелившимся совершить революцию, поднять руку на частную собственность. Братоубийственная война осенялась знаменем ислама, объявлялась по повелению аллаха газаватом... Бури прямо-таки захлебывался от восторга, читая вслух страницу за страницей из уже знакомой мне брошюры.

Но что поделаешь, надо слушать внимательно, ахать от умиления, хвалить мудрость автора. Это лучший бальзам на грешную душу Абдулы, который читает выразительно, хорошо поставленным голосом:

— «Наша партия «Шамшари ислами» делает только то, что повелевает великий аллах... Он один наш вождь и учитель, его мудрыми указаниями руководствуемся мы в своих действиях, борясь с неверными, захватившими власть у нас на родине. Кто не верит, пусть возьмет книгу в руки и сопоставит правильность стрелки компаса партии «Шамшари ислами» по святому корану. А там написано: «...избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!» «Пусть же сражаются на пути аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую». «Не вы их убивали, но аллах убивал их...» «...Никак не считайте тех, которые убиты на пути аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего господина получают удел!»

Я слушаю, а сам невольно вспоминаю профессора...

— Наши классовые враги делают все, чтобы заставить поверить малограмотных мусульман, что революция насильственным путем отменит веру в ислам,— так говорил старый революционер в споре о религии с муллой Хабибулой в нашей тесной камере. К сожалению, его худшие опасения сбылись.

Кошунствуя, Бури завтра с утра от имени аллаха будет звать молодых парней на убийство своих соотечественников. Согласно этой брошюре все народы, населяющие Афганистан, делятся на правых и неверных.

— Кто с нами, тот правый! — торжественно изрекает Бури. — Кто с новым режимом в дружбе — неверный, продал свою душу сатане и понесет за это наказание господне.

Вот так просто разделил на два лагеря моих соотечественников Бури. Одни должны по повелению аллаха уничтожать других. А чтобы на этот счет никаких сомнений не было, снова ссылки на коран: «...Когда вы встретите тех, которые уверовали, то удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение, то укрепляйте узы».

— Ну как? — спрашивает он, закончив чтение последней странички «Знамени ислама».

— Превосходно! Написана со знанием дела, простым, образным языком! Не брошюра, а целая программа борьбы с неверными! — отвечаю я Бури.

— Вот именно, программа борьбы! — обрадовался Абдула. — Основа политической платформы партии. Она необходима для нашего движения по освобождению родины.

— Спору нет, программа нам необходима... только... — я замялся и пристально посмотрел на Бури.

— Что «только»? Договаривай, Салех, не стесняйся... Я пойму тебя правильно...

— Только, чтобы сбылись эти благородные мысли, нужно оружие, которого у нас не хватает... Я посмотрел на учения, как вооружены мятежники... Один автомат на пять человек... Есть еще даже винтовки XVIII века!

— Да, с оружием у нас дела обстоят из рук вон плохо,— соглашается Бури. — Воюем неумело, несем большие потери в людях и в вооружении. Надо снова ехать за границу на поклон к богатым хозяевам... Бить себя в грудь, клянчить, просить, если надо, и унижаться... И заняться этим нелегким делом предстоит тебе, Салех...

— Мне? — с удивлением переспросил я Бури.

Воистину получилось так, как в той поговорке: «Не проявляй инициативу, ибо она поработит тебя».

— А по плечу ли мне такое сложное дело? Боюсь, не справлюсь, да еще один за границей, без помощника... — усомнился я.

— Справишься,— уверенно сказал он. — И не спорь со мной. Вопрос был предreshен до твоего приезда ко мне в учебный центр. С друзьями согласован. Теперь я имею возможность сосредоточиться над идеологическим вооружением партии, а ты — над вооружением военным. Ну и помощника тебе дам... Че-

ловека, верного, знающего языки и в делах толкового... Да поможет вам аллах в делах праведных! — заключил Бури и воздел руки к небу.

* * *

ЭЧ

«Кабул... Анису... Через ущелье Чох в ближайшие дни ожидается переброска подкрепления из учебного лагеря Бури... Группа небольшая, в количестве 20 человек... Срочно сообщите данные на Гульпачу. Угрюмый».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Планы военной поддержки контрреволюционных наемников в Афганистане обсуждались на заседании Совета национальной безопасности США, состоявшемся в Вашингтоне 2 января 1980 года. На этом заседании было принято решение продолжать разностороннюю помощь всем афганским антиправительственным организациям и группировкам для активизации подрывной деятельности, а также провокаций против афганских и советских учреждений в различных странах».

«Аш-шааб» (Ливан), 16 января 1980 г.

* * *

...Для меня это было полной неожиданностью. Бесстрашный проводник, лихой шофер Гульпача отправляется со мной в Бельгию. Отныне она исполняет обязанности секретаря-переводчика при высоком представителе партии «Шамшари ислами» во время переговоров и деловых сделок с иностранными фирмами, торгующими оружием. Я даже не узнал ее, когда мы встретились в аэропорту Исламабада. На посадку в самолет не спеша шла совсем другая девушка, так не похожая на прежнюю Гульпачу. Строгий темно-синий костюм особенно подчеркивал статность ее фигуры, обнажая до колен стройные, длинные ноги. Всегда небрежно распущенные по плечам черные волосы тщательно расчесаны, стянуты на затылке в большой узел. Мягкая, привлекательная улыбка, перед которой никакая строгость устоять не может.

— Я, кажется, причинила господину Салеху несколько неприятных минут?

Собираясь отругать Гульпачу за опоздание, вместо этого расшаркиваюсь перед ней, как лакей перед госпожой.

— Что вы, что вы! Ничего подобного! Приятно вас видеть, рад нашему сотрудничеству... Надеюсь, мы найдем общий язык, подружимся.

Она посмотрела на меня с удивлением, глаза огромные, настороженные, и спокойно пошла к выходу. Не дело мужчине-афганцу плестись в хвосте за женщиной, а тем более такому знатному господину, каким я теперь стал. А вот поди же, стерпел, пошел следом за ней, как пес послушный за подолом хозяйки.

* * *

Для меня уже не секрет, что непосредственную военную помощь через Пакистан афганским формированиям мятежников оказывает ряд соседних государств. Но главным поставщиком оружия являются Соединенные Штаты. Этим трудным и весьма деликатным делом занимается все то же ЦРУ. Официально об этом нигде не говорится. Но что поделаешь с вездесущими газетчиками, которые, если захотят, к любому бронированному сейфу найдут свои особые ключи. Как ни охраняй, какие крепкие замки и решетки ни ставь, а тайны ЦРУ нет-нет да и просачиваются на страницы прессы. Газета «Вашингтон пост» одной из первых поведала читателям о поставках американского оружия для афганских формирований в Пакистане. «Эти тайные поставки,— писала «Вашингтон пост»,— включают оружие иностранного происхождения, что помогает замаскировать их источник... И хотя точно не известно, кто именно осуществляет эти поставки, их, вероятно, организует Центральное разведывательное управление». Более определенно по этому вопросу 8 июня высказалась другая американская газета — «Филадельфия Инкувайер». Она без лишних фраз сообщила своему читателю, что агенты ЦРУ закупают оружие на мировом рынке и переправляют поначалу в Пакистан, а затем для отрядов мятежников в Афганистан. Многие газеты пронюхали даже сумму военной помощи — 100 миллионов долларов, которые отпускают Соединенные Штаты для вооружения афганской эмиграции. Да, шила в мешке не утаишь. Тем более когда военные поставки мятежникам поставлены на конвейер, ими занимаются опытные агенты ЦРУ, крупнейшие промышленные и торговые фирмы. По рекомендации моего лидера партии мне предстояло иметь дело с фирмой «Интернэшнл арманет корпорейшн», или сокращенно на деловом языке «Интерармс».

...В Брюссель пришла весна, с нежарким солнцем и прохладными вечерами. Деревья выбросили первые зеленые листья, расцвели причудливыми узорами цветы на ухоженных клумбах. Завтра предстояла первая встреча с представителем фирмы, а сегодня мы просто гуляем с Гульпачой без всякой цели по большому городу. Глазеим на витрины, балуем себя мороженым. В тенистом парке набрали на аттракционы. Один из них — «чертовое колесо» — особенно заинтересовал Гульпачу.

— Смотри, люди в небесах плавают. Вот здорово!

— А ты не хочешь составить им компанию?

К моему удивлению, она охотно согласилась вместе со мной покружиться на этом «чертовом колесе».

Грянула бешеная мелодия джаза, и душа ушла куда-то в пятки. В один миг мы взлетели выше статных тополей парка, крыш домов, каменных пиков костелов и тут же — прямо в пропасть. И снова рядом с солнцем, и снова — камнем к земле под вой и хрип неугомонных музыкантов. У меня неожиданно в глазах потемнело, застучало в висках, а она смехом заливается. Сесть рядом со мной не пожелала, ухвати-

лась за ручки в кабине, раскачивается, как на качелях... Для нее скорость подавай, крутись вовсю «чертовом колесе».

— Ого-го-го! Ого-го-го! — кричит она неизвестно кому. — Ого-го-го! Вы слышите меня, белые облака? Это я, Гульпача! Возьмите меня с собой! Унесите далеко-далеко!

Прислушалась, ждет ответа. Но это не горы, не отзывается эхо из ущелья. Плывут над головой равнодушные, молчаливые белые шапки облаков. Никто не услышит Гульпачу, и на грешной земле джаз заглушил ее голос. И слава аллаху! Наверняка подумали бы люди, что не все с головой в порядке у юной красавицы из горной страны...

Вечером, за ужином в ресторане отеля, где мы остановились, я спросил Гульпачу:

— Слушай, ты, случайно, не сошла с ума там, на высоте «чертова колеса»?

— Нет, — ответила она тихим, уставшим голосом. — Просто я была счастлива, Салех...

Мы сидели в полумраке, при свечах... Нежная мелодия танго, словно вода из арыка, разливалась по пустому залу. Посетителей было немного, ресторан дорогой, не всем по карману... Но я был богатым коммерсантом с Ближнего Востока. Приехал по частным торговым делам со своим личным секретарем, и для меня ужинать с дамой в менее фешенебельном ресторане было бы просто неприлично. К нашему столику подходит румяная белокурая девушка. Она одета в национальное платье времен прапрабабушки: вся накрахмаленная, пышная от обилия юбок, с вышитым передником.

— Правда, эта девушка похожа на прелестную куколку? — спросил я Гульпачу на дари.

— Что? Куколка?.. Да... да... очень, очень похожа, — подтвердила она, беззастенчиво, во все глаза рассматривая девушку. Та невольно смутилась, заморгала глазами, заторопилась с продажей цветов.

— Вот... пожалуйста... цветы для вашей дамы... Белые, желтые, красные розы... Прямо из сада!

Не торгуясь, заплатив девушке больше, чем надо, я купил все розы с плетеной корзинкой в придачу.

— Это тебе, Гульпача!

— Вот как? Значит, вместо закупки оружия ты решил деньги Бури потратить на цветы даме? — попыталась съязвить не то в шутку, не то всерьез девушка.

— А ну тебя к черту вместе с Бури! — разозлился я по-настоящему. — Дарю от чистого сердца, а она с издевкой... Да женщина ты или душман в юбке?

Отпил глоток вина, взял сигарету из пачки, потянулся к зажигалке. Она опередила, щелкнула, вспыхнул синий огонек, дала прикурить, теплые пальцы легли на мою руку.

— Не надо сердиться, Салех... Спасибо тебе... Мне никто еще не дарил розы... Понимаешь, никто! И вдруг целая корзина! Твое здоровье!

Она подняла свой бокал, мы чокнулись. Потом пододвинула к себе свечу, осторожно сняла нагар и накрыла пламя ладонью. Держит, терпит, только губу закусилась...

— Что ты делаешь, безумная? — закричал я и рывком отнял ее руку от огня.

— Прости... Это так, боюсь расслабиться... боль рассеивает иллюзии, возвращает к реальной жизни.

— Перестань чепуху молоть. Пойдем лучше потанцуем.

— Я не умею танцевать!

— Да не может такого быть! — удивился я.

— Может! — твердо сказала она. Отодвинула от себя подальше бокал с вином, плечи опустились, глаза грустные-прегрустные. — А она действительно похожа на куколку... — неожиданно вспомнила Гульпача девушку с цветами. — Очень даже, на ту самую, на первую и последнюю игрушку в моей жизни... Хочешь, расскажу тебе о моей кукле, Салех? О судьбе своей расскажу?

* * *

Опять в семье Хазри родилась дочь. Чем-то прогневили они с женой аллаха, шлет им с неба одно тяжкое наказание за другим. Пятнадцатая дочь по счету. Хазри прямо рыдает от горя. Жена молча молит аллаха, чтобы к ней скорее пришла смерть. Воистину мудра пословица на Востоке: лучше родить камень, чем родить дочь.

Старшие давно в сок вошли, а что толку, никто калым не предлагает. Лицом не удались, тело — кости да кожа, ничего привлекательного, никакого намека на красоту. А какова будет эта, последняя, что тянет настырно, изо всех сил вялую, иссохшую грудь матери? Не успела на свет родиться, а уже с характером: кряхтит, сопит, сердится, что молока мало... Оттолкнется от пустого соска и криком на весь кишлак заходится.

Недолго пришлось нянчить свою Гульпачу бедной женщине. Сжалился над ней аллах, спустя три месяца после родов призвал он ее к себе на небо, великомученицу.

С семи лет Гульпача попала в чужую семью. Отец назвал ее счастливой, сестры позавидовали такой удаче. Еще бы, эту младшенькую, с белым личиком, с ямочками на щеках, взяли в дом нянькой к самому судье. Кормить-поить бесплатно будут, и работа не особенно трудная, не то что в поле от зари до зари гнуть спину. А здесь играй себе с малым дитем. Судья хоть и был в летах, но женился недавно, за невесту большой калым заплатил. Жена из богатого купеческого рода, все перед зеркалом вертится, собой лубется, от собственного ребенка держится подальше.

Только и слышишь ее голос:

— Гульпача! Почему ребенок плачет?

— Гульпача! Что с девочкой, почему молчит?

— Принеси воды! Сбегай в лавку! Постирай пеленки! Вмой пол! — И так день и ночь.

Не знает отдыха маленькая нянька, откуда только силы берутся в этом хилом тельце. Она не ропщет и не плачет, делает все, что заставляют. Одна мечта у Гульпачи: поспать бы вдоволь.

Пришел в дом праздник. Маленькой Айшат исполнился годик. Судья раньше обычного вернулся с работы с большой коробкой в руках.

— Сейчас мы порадуем свою доченьку! А ну поднеси ее ко мне, Гульпача!

Судья загадочно подмигнул жене и торжественно открыл коробку. Гульпача ахнула от неожиданности, чуть ребенка не уронила из рук. Она впервые увидела куклу. Большую, с румяными щеками, с белокурыми локонами. В красном жилете, юбки пышные, разноцветные, одна на другую надеты. Голубые глаза то закрываются, то открываются. Точь-в-точь как та девушка с цветами в ресторане.

Взяла в руки маленькая Айшат нарядную игрушку, прижала к себе, а кукла как запищит, будто дите настоящее. Напугала девочку, заревела она громко, игрушку на пол бросила, видеть больше ее не хочет.

Набросилась хозяйка на своего мужа:

— Судья, а голова пустая! Купил игрушку, чтобы ребенка пугать. Деньги на ветер выбросил... Убери ее с глаз моих, чтобы никогда не видела!

И ногой куклу от себя отшвырнула. Судья жене не перечил, молча поднял с пола куклу, опять ее в коробку и в темный чулан.

Ночью Гульпача впервые не могла уснуть. Стоит перед глазами красавица кукла, моргает густыми ресницами, плачет. Еще бы, ее так обидели, сделали больно и бросили в темный чулан, где крысы страшные бегают. Гульпача не могла оставить ее в беде. Поднялась тихонечко с полу и в чулан, к кукле...

Теперь, как только ночь наступала и засыпали все в доме, Гульпача на цыпочках приносила из кладовки белокурую куклу. Укладывались рядом щека к щеке. Ей было с кем поговорить, кому пожаловаться на свою судьбу, рассказать про злую хозяйку.

Однажды заговорила она с куклой, уснула поздно, ребенок разревелся на весь дом, а она сладко спит, ничего не слышит.

Прибежала из соседней комнаты хозяйка, увидела спящую в обнимку с куклой Гульпачу и давай хлестать ее по щекам.

— Нет, вы полюбуйте на этого гаденыша! Девочка от крика посинела, а она и ухом не поведет! Чужую куклу из кладовки стащила! Вон, вон из моего дома! Чтоб духу твоего не было!

Вырвала куклу из рук девочки, схватила Гульпачу и за косички потащила к порогу...

Месье Репорт нашел Гульпачу у калитки своего дома. Скорчившаяся, с восковым лицом, глаза закатились, девочка казалась мертвой. Репорт по профессии был врач, нагнулся, приложил ухо к худенькому тельцу. Сердце ее продолжало жить, подавая едва уловимые сигналы. Репорт взял бережно девочку на руки и поспешил к себе домой.

Когда пришла в сознание, никак не могла вспомнить, сколько дней она не ела. Бродила по большому городу, спала, где придется, прямо на земле. Старый Репорт не отправил девочку в госпиталь, а оставил у себя дома. У него недавно умерла жена, был одиноким вдовцом, командированным Обществом Красного Креста и Полумесяца в Афганистан на борьбу с туберкулезом. Едва на ноги встав, Гульпача взялась за уборку квартиры доброго доктора. Он пришел

с работы — и не узнал своего дома... Все было перемыто, начищено, отутюжено. Черноглазая, бойкая Гульпача пришлось по сердцу месье Репорту. Когда окончилась его служба в Афганистане, с ним вместе во Францию уехала и Гульпача.

— К хорошему я попала человеку, он стал для меня лучше отца родного, — рассказывает она. — Отправил учиться в лицей, потом в университет... Если бы не эта война, уже стала бы врачом...

— Да ты-то какое отношение к войне имеешь? — спросил я ее.

Она ответила не сразу, отпила из бокала, погладила ладонью оелоснежную скатерть, подумала, сказала твердо:

— Имею... Очень даже имею!

* * *

«Пешавар... Угрюмому... Сообщаю дополнительные сведения о Гульпаче Репорт. В период обучения в Парижском университете стала близка Ходже Рахмату, племяннику Абдулы Бури. По приговору военно-революционного суда Ходжа Рахмат расстрелян как командир одного из отрядов мятежников. Гульпача Репорт считает себя невестой Ходжи Рахмата, добровольно согласилась сотрудничать с Бури. Анис».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«Администрация США может удовлетворить некоторые, если не все, военные потребности Пакистана для того, чтобы это оружие было использовано самими пакистанскими вооруженными силами или для переброски мусульманским повстанцам в Афганистане».

«Нью-Йорк таймс» (США), 14 января 1980 г.

«Интерармс» была солидной фирмой на мировом рынке оружия. Здесь, в Брюсселе, она имела отдельный офис. Но первую встречу представитель фирмы предпочел провести на нейтральной территории. Должна она была состояться поздно вечером в сомнительном заведении под вывеской «Ганс бас», что в переводе означает «Оружейный автобус».

— Ох, не нравится мне что-то этот автобус и игра с нами в «жмурки», — говорит Гульпача, провожая меня до дверей отеля. — Смотри, Салех, будь осторожен. Я буду дежурить у телефона в своем номере, в случае чего — звони...

Она предлагала даже взять с собой пистолет, но я отказался. Брюссель — город спокойный, и шел я на встречу не с бандитами, а с деловыми людьми.

Точно в назначенное время я прибыл на такси по указанному адресу. «Ганс бас» оказался ночным клубом, куда пускали не каждого. Двое здоровых парней атлетического телосложения встретили меня у входа. Я назвал свое имя, один из них пристально посмотрел мне в лицо, неожиданно улыбнулся и отвесил вежливый поклон.

— Прошу, господин Салех, вас ждут... Я провожу.

В отдельном кабинете меня встретил представитель фирмы. Мужчина средних лет, с серебром на висках, в очках с дымчатыми стеклами.

— Рудольф Брамс! — представился он и тут же, без всякой паузы, как старому знакомому: — Коньяк, вино, виски? Лично я предпочитаю русскую водку... Бодрит, голова остается ясной, полезна для желудка! Согласны? Вот и хорошо! Две порции и содовой! — сказал он официанту, почтительно стоящему за его спиной. — Желаете сигарету? — любезно предложил Брамс.

Задымили, молча, без стеснения рассматривая друг друга. Официант не заставил себя долго ждать, быстро принес все, что просили господа. Поклонился и исчез, прикрыв за собой тяжелые дубовые двери.

— Итак, перейдем к делу! — начал беседу Брамс. — Фирма проверила ваши полномочия и, простите за откровенность, кредитоспособность. Мы готовы вести конкретные переговоры. Наш президент Сэмюэль Камингс шлет привет афганским патриотам и наилучшие пожелания успехов в вашей борьбе.

— А могу я лично засвидетельствовать свое почтение мистеру Сэмюэлю Камингсу и передать ему послание от лидера нашей партии «Шамшари ислами»? — поинтересовался я.

Бури был знаком еще по студенческим годам с президентом «Интерармс».

— Ты обязательно добейся встречи с ним, — инструктировал меня перед отъездом Абдула. — Я помню его, когда он был активным сотрудником ЦРУ. Встречался с ним позже в Европе. Только не вздумай намекать ему о прежней службе в ЦРУ. Не любит... Он даже, кажется, и подданство сменил, стал гражданином Монако. Но основная штаб-квартира фирмы в США.

— Господин Камингс поручил вести ваше дело мне, господин Салех, — несколько раздраженно ответил Брамс. — Я — не рядовой агент-посредник, а один из вице-президентов «Интерармс». Надеюсь, вы теперь понимаете, какое внимание уделяет вам руководство фирмы?

— Простите меня, ради аллаха! — поспешил принести я свои извинения Брамсу. — Я не хотел вас обидеть. Польщен, что столь высокий господин, сам вице-президент всемирно известной фирмы будет вести со мной переговоры... Еще раз примите мои извинения.

— Да полно вам! — остановил он меня. — Не будем терять время на пустяки... Ближе к делу. Фирма «Интерармс» к вашим услугам. Вот каталог нашего товара и его стоимость в соответствующей валюте.

Брамс достал из портфеля объемистую кожаную папку и передал ее в мои руки.

— Выбирайте любой вид оружия и снаряжения. Отметьте нужное вам галочкой, и фирма гарантирует в любом нужном для вас количестве подготовить груз к отправке в течение 72 часов. Если пожелаете, можете использовать наши средства доставки товара, за это в зависимости от сложности пути — соответствующая плата! Насколько мы знаем, вы человек во-

енный. Не торопитесь, поработайте с каталогом, и когда будете готовы, позвоните по известному вам номеру. Что же касается послания к президенту, если доверите, я передам в собственные руки...

— Буду весьма вам обязан. Вот оно, послание нашего лидера президенту фирмы! — сказал я, вручая в запечатанном конверте послание Абдулы Бури.

— Будем считать, что первая встреча представителей партии «Шамшари ислами» и фирмы «Интерармс» прошла успешно.

* * *

...Несколько дней ушло на изучение толстого каталога «Интерармс». Только теперь я в полном объеме мог представить себе неисчерпаемые возможности этой фирмы, а точнее, могущественной мировой индустрии производства и продажи оружия.

Фирма предлагала все виды стрелкового вооружения — от пистолета до новейших видов автоматов. Пушки и минометы разных калибров, джипы с огнеметами и установками «базука», танки и броневые машины, транспортные самолеты и истребители-бомбардировщики. Можно было купить рации и локаторы, патроны и снаряды, обмундирование и походное снаряжение. По нашей просьбе, чтобы не подводить американских союзников, фирма согласилась поставлять нам оружие с клеймом других стран.

— Не удивляйтесь, господин Салех, — сказал мне при очередной встрече Брамс. — Торговым каталогом не ограничиваются возможности фирмы. Мы можем выполнять любые индивидуальные заказы, имеем свои заводы в ряде стран.

Чувствовалось, что он гордится фирмой, где имел честь занимать высокий пост. Рассказывал увлеченно о повышенном спросе на ее продукцию за последнее время. Называл страны, правительства, которые пользовались услугами «Интерармс». Рад, что все группы афганских мятежников также вооружаются этой фирмой.

— Хозяйство наше большое, разбросано по всему миру, — продолжал вице-президент. — Наш основной склад оружия в Александрии, штат Вирджиния. На Европейском континенте Центральный склад расположен в десятиэтажном здании в Манчестере. Есть у нас свои базы в Португалии, Швеции, Сингапуре, Ливане, разумеется, и здесь, в Бельгии. Господин Камингс умело направляет работу фирмы... О, это выдающийся бизнесмен нашего времени. Ему только недавно перевалило за пятьдесят. Полон сил и энергии. Жаль, что вам не довелось с ним встретиться... Отдыхает сейчас на Бермудских островах... Переутомился, еще бы, фирма буквально завалена заказами!

Странные вещи происходят на нашей бедной земле. Существует, ни от кого не таясь, охотно себя рекламируя, частная фирма смерти. Я диктую Гульпаче очередной список оружия, который принесет новое горе. Продукция «Интерармс» лишила жизни тысячи людей в десятках стран мира. Сегодня она дает свое

оружие афганцам, чтобы они убивали друг друга. И не просто существует, а процветает, наживает баснословные барыши, сумма которых известна только ее хозяевам. Она чихала на всякую там шумиху вокруг ее деятельности в мировой прессе. Это даже хорошо, когда вокруг фирмы идут постоянные скандалы. Лучшая реклама. Кто не знал раньше, где можно купить оружие, благодаря прессе получает точный адрес. А фирма надежная, клиент может в ней не сомневаться.

— Автоматические винтовки М-16 — пять тысяч штук; гранатометы — пятьсот; минометы — пятьсот; противотанковые ракеты — пятьсот...

Ловко бегает по клавишам машинки тонкие пальцы Гульпачи. Она работает автоматически, только иногда вздохнет, сделает остановку, посмотрит на меня так, словно спрашивает: «А знаешь, что значат эти буквы и цифры?» К сожалению, знаю, обязан знать, как специалист военного дела. Это разрушенные снарядами кишлаки, взорванные минами мосты и плотины, сети электропередач и трупы, трупы, трупы... Закупается новейшая техника, которая повысит плотность огня в отрядах Бури, увеличит их военный потенциал!

— А тебе не страшно, Салех?.. — неожиданно спрашивает меня Гульпача.

Я даже растерялся, не знаю, что ответить.

— А мне очень... — не дожидаясь моего ответа, продолжает девушка. — Еще новые сироты, новые вдовы, невесты без женихов.

— Как ты, бедная Гульпача, — сорвалось у меня с языка.

— Откуда ты знаешь? — вмиг красные пятна пошли по ее лицу. — А... догадываюсь, это Бури разболтал о моем горе. А клялся никому не рассказывать... Да разве можно верить этому шакалу?

Слезы навернулись на ее глаза. Она быстро встала из-за стола, отвернувшись к окну.

Я подошел к девушке, моя рука легла на ее плечо. Она не отстранилась, только вся напряглась.

— Ты его очень любила, Гульпача?

Ответила тихо, не поворачивая головы:

— Не знаю... Тогда казалось — да, сейчас кажется — нет...

«Карачи... Угрюмому... Обеспокоены вашим молчанием... Сообщите точную дату прибытия судна с оружием. Есть ли связь с Хирургом. Анис».

«Кабул... Седому... Подготовьте базы для приема важного груза. Маршрут движения транспорта, точные сроки сообщу дополнительно. Топаз».

«Кабул... Анису... Согласно сообщению Хирурга интересующее нас грузовое судно «Исламабад» под пакистанским флагом прибудет в порт Карачи 21 июля, условное время 13 часов. Жду приказа к действию. Угрюмый».

«Кабул... Седому... Срочно стяните все крупные отряды в направлении на Суккур для обеспечения приема и охраны ценного груза. Дата пересечения границы — 23 июля, условное время — 2—3 часа ночи. Топаз».

Мы должны оказывать прямую помощь националистическим и повстанческим силам в Афганистане. Нам следует оказать прямую помощь Пакистану оружием».

Из выступления в сенате США сенатора Чарльза Перси, январь 1980 г.

Военная разведка народной армии делала свои первые шаги. За плечами у нее не было никакого опыта работы, профессиональных кадров. Партия направляла сюда лучших своих людей, проверенных и закаленных подпольем, сражениями с контрреволюцией. Это были настоящие солдаты, каждый из которых, не задумываясь, если это нужно, готов был отдать жизнь за республику. Они смело действовали в открытом бою, первыми поднимались в атаки. Но здесь смелость требуется не на одно мгновение, не на один порыв, а на всю жизнь, пока ты в разведке. Смелость не показная, не для зрителей, а естественная, как постоянная черта характера человека. При этом необходимо быть дьявольски трудолюбивым днем и ночью, терпеливым, расчетливым. Уметь анализировать отдельные явления в совокупности с общими, быстро, если этого требует обстановка, брать на себя ответственные решения. К сожалению, не все товарищи, рекомендованные на работу в разведку, отвечали этим требованиям. Случались провалы, срывались, казалось бы, тщательно разработанные оперативные планы, гибли ценные люди...

Ахмад тоже не был профессионалом с солидным стажем работы. Но в отличие от других бывший авиационный техник быстро осваивал новую, необычную для него специальность. С завидным упорством, до тошноты, по деталям вникал он в порученное ему дело. Все, что не относилось к разведке, перестало существовать для Ахмада. Сейчас по приказу командования он возглавлял операцию «Икс-81». Подошел один из важнейших этапов этой операции, на подготовку которой ушло столько сил и времени. Из расшифрованной радиограммы от Топаз на имя Седого трудно было определить маршрут следования с оружием... Бури, хитрая бестия, может в самую последнюю минуту перетасовать все карты. Специально подобранный отряд под командованием подполковника Ахмада готов был выступить в любую минуту. Но куда, где именно ожидается переход границы — неизвестно. А она только с Пакистаном составляет свыше двух тысяч километров и, в основном, проходит по труднодоступным горам и глухим ущельям. Попробуй угадай, в каком месте ожидать переброску ценного груза с одной стороны на другую. Усилили охранение перевалов, но вряд ли враг выберет эту дорогу, контролируемую войсками народной армии.

— Рафик подполковник, вам срочная радиограмма от Угрюмого! — влетел в его кабинет лейтенант Хизри.

— Э... зачем так торопишься, запыхался, дышишь, как загнанный конь на скачках.

Ахмад призывал к спокойствию своего помощника,

а сам в один миг вскочил со своего места, к шифровке нетерпеливо руку тянет...

— Ну, что там, давайте!

Прочитал раз, второй, подошел к карте на стене, сделал на ней пометку красным карандашом и к телефону.

— Рафик полковник! Угрюмый сообщил точные данные движения груза... Район 5/6, координаты 8-13-25. Разрешите приступить к операции? Благодарю за добрые пожелания!

Повернулся к лейтенанту, попросил сесть поближе к столу, подвинул к нему шифровальный блокнот с ручкой:

— Пишите... «Сверхсрочно... Особой важности. Все готово, приказываю действовать, операция «Икс-81» начинается. Анис». Все. Отправить немедленно, сообщить в отряд: «Тревога! В ружье!»

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Себе подобными других людей считал когда-то я, считался с ними, все их тайны почитал когда-то я. Но жизнь единожды мой разум просветила, Увы, о людях мнение поменял тогда-то я.

Хасан Газнави Сеид Ашрафаддин Абу Мухаммад

Ахмад не волновался за своих людей. Еще до выхода на исходный рубеж проиграл с солдатами и офицерами предстоящую операцию. Каждый знал, что делать, как действовать в той или иной обстановке. А вот за Седого опасался, боялся самого худшего.

— Рафик подполковник! Седой в 10.00... с большим караваном пересек государственную границу в квадрате 5—8,— докладывает лейтенант... — Он с рацией, держит постоянную связь с пограничниками.

— Пересек-то пересек, а вот вернется ли назад? — вслух усомнился Ахмад.

Лейтенант разделял сомнение подполковника. Была бы его воля, он ни за что бы не отпустил одного Седого. Но начальство повыше лейтенанта решило по-своему. Седой шел на встречу с Бури, ему предстояло нелегкое испытание.

После окончания лицея Рахим Сарвар немало удивил своего отца. Единственный сын необычайного и полномочного посла его королевского величества собрался стать офицером. В те годы сверстники его круга особо не стремились в военные училища. Профессия эта казалась непривлекательной, хлопотной. Военная служба с ее вечным передвижением, неустроенностью быта, хлопотами постоянных учений, с застоявшимся запахом казармы и завесой походной пыли была явно не по вкусу молодым аристократам. Другое дело дипломатическое поприще, жизнь в цивилизованных странах, изысканность и обходительность в обращении, хрустальные люстры на приемах. А самое главное — материальная обеспеченность, возможность до конца своих дней пожить в свое удовольствие.

— Нет, я решил твердо... Буду офицером! — упрямо стоял на своем Рахим.

— Ну что же, — тяжело вздохнув, сдался отец, —

Насиловать не стану... Офицером так офицером... Но при одном условии... Поступать будешь не в наше училище, где учатся дети низшего сословия, а в военное заведение культурной страны — Англии!

Принимая такое решение, старый дипломат надеялся, что дожди и туманы этого острова быстро охладят воинственный пыл его сына и он, наконец, изъявит желание пойти по стопам отца... Но шло время, а сын и не думал менять свою профессию. Наоборот, военная наука, особенно тактика увлекла Рахима. Занимался с охотой, всерьез. Военные дисциплины не тяготили, а нравились ему, пришлось, как говорится, по душе. Все четко, размеренно, по разведенному распорядку. В свободное время любимым занятием стал футбол. Общевоинское училище в Англии закончил с отличием. В чине младшего лейтенанта начал он военную карьеру в королевской армии. Незаурядные способности, исполнительность быстро продвигали его по служебной лестнице. Интересы Рахима ограничивались воинской частью. Все, что было за проходной, его не волновало. Политику не любил, никогда не пытался заниматься ею. К тому же всякая политическая деятельность солдат, а тем более офицеров и генералов вплоть до Апрельской революции категорически запрещалась. Но именно военные стали активной политической силой, которая поначалу смела короля с его трона, а потом уничтожила диктатуру Дауда... Новая революционная власть пришла не по душе Рахиму. Он хотел было бежать, скрыться за рубежом, отсидеться в эмиграции, пока все не изменится к лучшему. Но не дали, Рахим опомниться не успел, как попал в умело расставленные силки ЦРУ. Теперь ему приказывали, а он исполнял, твердо веря, что приносит пользу своей родине...

Уже не один месяц подполковник был под строгим контролем разведчиков народной армии. Они не торопились с его арестом. Выясняли связи, явки, давали возможность заниматься вербовкой агентов, умело подбрасывали ему дезинформационный материал. Код, которым пользовался Рахим для связи с шефом, давно был раскрыт разведчиками... Когда взяли, сознался на первом же допросе, показания давал правдивые, исчерпывающие. Относительно своей судьбы иллюзий никаких не строил.

— Заслуживаю расстрела. Другого приговора не жду... Смерти не боюсь! — заявил он на допросе.

Ахмад верил, что смерти Седой действительно не боится. Он был одним из тех, кто становился под пули, застегивая форменный френч на все пуговицы, высоко держа голову, улыбаясь своему врагу. Это было то ли храбростью, то ли профессиональной офицерской бравадой, последней игрой на людях, обманом самого себя. Умел собраться в последнюю минуту, подавить в душе страх, унять предательскую дрожь в коленях и подчинить на одно мгновение всю свою волю, чтобы умереть красиво и благородно. А чтобы совесть перед смертью не мучила его, придумал Седой сам себе оправдание: «Я выполнял приказ! Я только солдат!»

Ахмад на одном из допросов даже не выдержал:

— Какой ты, к черту, солдат, ты убийца из-за угла, продажная шкура, американский лакей!

Рахим страшно обиделся, говорить больше не стал, попросил, чтобы скорее в камеру отвели....

Несколько дней его не приглашали на допросы. Разведчикам было не до Рахима. Рядом со столицей бандиты вырезали ножами всех жителей небольшого кишлака. Без всяких причин, так просто, от злости, ради развлечения. В поисках душманов принял участие и Ахмад. Вечером по рации он связался со своим начальством.

— Прошу прислать арестованного. Пусть увидит зверства тех, кому служил.

К утру Рахим под конвоем прибыл в сожженный, разоренный кишлак... Ахмад сам повел его показывать обезображенные трупы мертвецов, женщин, стариков. Это было настолько страшно, что зашло в сердце у Рахима, чуть сознания не лишился. Его под руки поддерживали солдаты, усадили снова в машину. Ахмад пристально посмотрел в лицо арестованного... Рахим не выдержал его взгляда, потупил глаза, отвернулся... В тюрьме на другой день стал стучать кулаками в железную дверь, требовать встречи с разведчиком.

— Хочу, если можно, помочь вам. Сделаю хоть одно доброе дело, а тогда уж стреляйте... Совесть чиста будет.

И началась нелегкая работа Ахмада с вражеским агентом, пошла большая игра Кабула с Пешаваром...

...Седой привел с собой ловких ребят. Они быстро загрузили свои караваны и, не мешкая, погнали животных в темноту ночи. Границу переходили в разных направлениях, друг от друга подальше, согласно разработанному плану. С последним караваном уходил и сам Седой. Короткое у него было свидание с Бури. Он очень торопился. Скоро придет рассвет, легко обнаружить себя. Бури передал ему рацию новейшей конструкции, шифровальные блокноты и несколько пухлых пачек денег. Прощаясь, сказал торжественно и проникновенно:

— От имени ревкома нашей партии за мужество и героизм, проявленные в борьбе с неверными, объявляю тебе благодарность и награждаю памятным боевым оружием. — Вручил последней марки бельгийский пистолет, обнял и расцеловал троекратно... — Надеюсь, с ценным грузом ничего не случится?

— Можете не сомневаться, — отвечал Седой. — Ваше оружие в надежных руках!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Разлука тяжела, но сладостна она.
Свиданье тяжелей — оно лишает сна.
Разлука нас целит, свиданье угнетает...
О, господи! Во всем рука судьбы видна.
Сана'и Абулмаджид Махмуд ибн Адам

Что-то невеселая сегодня за завтраком Гульпача. Ей бы радоваться надо, сам Бури удостоил высоким вниманием, прислал благодарственное послание в наш

адрес. Груз уже там, в горах, у мятежников. А она губы надула, молчит, машинально помешивает ложечкой давно остывший кофе. Лоб наморщила, думает о чем-то своем.

— Что такая печальная с утра? Не заболела ли, Гульпача, а? — спросил я девушку, откладывая в сторону свежий номер газеты.

— Со мной все в порядке, — ответила она. Взяла в руки кофейник, посмотрела на меня, глаза грустные, чем-то встревоженные. — Еще чашечку?

— Нет, спасибо, — отказываюсь я от кофе. — Но скажи, Гульпача, что с тобой приключилось? Почему настроение плохое?

— Ровным счетом ничего не случилось. — Она даже попыталась улыбнуться, встряхнула головой. — Просто так... Задумалась... Да, чуть не забыла сказать... Вчера вечером, когда ты был в клубе, дважды звонила какая-то женщина... Хотела видеть тебя, Салех.

— Меня? Женщина? А ты не путаешь?

— Нет, я ничего не путаю. Назвалась Джамилей!

— Джамилия! Жива! Не может быть, — закричал я во весь голос, да так, что бармен за стойкой свою гусиную шею в нашу сторону вытянул.

— Салех, потише, на нас смотрят! — пыталась остановить меня девушка.

— Пускай смотрят! Все смотрят и слушают! Она жива, жива моя Джамилия. Ты понимаешь, Гульпача?

Радость захватила всего меня, подняла на ноги. Не соображая, что делаю, притянул к себе и крепко обнял девушку за плечи.

— Понимаю... Теперь понимаю... — тихо отвечала она. — Вот ее номер телефона... Отпусти, мне больно, прошу тебя, Салех!

* * *

...Мы встретились. Сидим вдвоем за маленьким столиком в пустом кафе... Одни с Джамилей в чужом городе, далеко от своей родины. Сидим и молчим, смотрим друг на друга, улыбаемся. Прошло три года, как мы расстались. Много воды утекло за это время, есть что вспомнить и что рассказать. Но слова не идут, застряли где-то глубоко в груди, да и нужны ли они сейчас. Мягкая, теплая ладонь легла на мою руку. Я чувствую, как начинает закипать кровь в синих прожилочках вен, пошла пульсировать по всему телу. Боюсь пошевелиться, не знаю, во сне это или наяву. У Джамили все та же добрая, зовущая к себе улыбка. Крапинка родинки над пухлой, сочной губой, черные брови чуть вздернулись вверх... Я чувствую ее прерывистое дыхание, и вдруг чужая прядь седых волос, глаза без радости, бегущие, виноватые.

— Что, постарела, не узнать прежней Джамили? — нарушила она молчание. — Юность, что розы, быстро увядает. Годы меняют человека лицом и сердцем... Не так ли, Салех?

Я не хотел отвечать. У меня было так хорошо на

душе, как никогда в жизни. Зачем же она заговорила, замутила тяжелым камнем чистую воду в колодце?

* * *

Тогда она вовремя ушла из кишлака. Добрые люди укрыли ее длинной чадрой, вывели на верную тропу.

— Иди только по ней... Как бы она ни петляла, но к границе выведет... Там будешь в безопасности,— получила она последнее напутствие от своих друзей. Джамиля шла, пока ночь не наступила, быстрая, темная, хоть глаза коли, ничего не видно. Остановилась под козырьком нависшей скалы, поужинала тутовой лепешкой с сыром, котомку под голову и тут же забылась тревожным сном. Сказалась усталость, переживания последних дней, нелегкая горная дорога. Проснувшись от запаха дыма, открыла глаза и онемела от страха. В нескольких шагах от нее горел огонь, трещал хворост, летели во все стороны жаркие искры. У костра, озаренная пламенем, в одной ночной рубашке, сидела девушка, расчесывала свои по пояс длинные волосы и тихо пела протяжную, грустную песню, от которой мурашки пошли по телу Джамили: «Приди, приди, я устала тебя ждать, пересохла мои губы, напои своим поцелуем, милый...» Кончилась песня, откуда-то из темноты принесла новую охапку хвороста и в огонь. Пламяхватило выше ее головы, а она как рассмеется, раскатисто, звонко:

— Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! — отозвались сонные горы.

Повернулась лицом к Джамиле, не испугалась, не отшатнулась, улыбается у костра и к себе рукой манит.

— Проходи, проходи, добро пожаловать на свадьбу! — приглашает она окаменевшую девушку. — Присядь, погрейся у очага, подождем, когда все родственники соберутся. Жених у меня добрый и красивый... Хочешь покажу? — нагнулась, стала что-то искать вокруг себя. Кажется, нашла, обрадовалась. — Вот он! Глаза зоркие, усы жесткие. Правда, настоящий мужчина?

Высоко над собой, у самого огня, чтобы хорошо было видно Джамиле, она держала отсеченную человеческую голову. Не помня себя от ужаса, сорвалась с места и понеслась, падая и спотыкаясь о невидимые острые камни, в ночную непроглядную бездну Джамиля...

...К утру, совершенно обессиленная, она набрела на крохотный кишлак. Здесь-то и поведали Джамиле женщины о судьбе своей несчастной подруги и ее жениха.

Она очень любила своего Вали. Человек он был грамотный, уважаемый простым людям, возглавлял уездный комитет по проведению земельной реформы. Навалилась на плечи Вали нелегкая работа, о своем личном подумать некогда... Скоро свадьба намечалась, а он еще и подарка в дом невесты не заслал. Об этом позаботился его бывший помещик. Прислал в мешке кровавом свой свадебный подарок — отрубленную топором голову жениха...

* * *

— Чем ближе я шла к границе, тем беспокойнее было на душе. Безумная девушка с отрубленной головой жениха не выходила из моей памяти,— продолжала свой рассказ Джамиля. — Ощущение вины перед несчастной тяжелым камнем легло на мое сердце.

Ей нелегко было вспоминать о прошлом. Джамиля как-то сразу подурнела, осунулась, нос заострился. Под ее глазами я вдруг увидел первые тонкие ниточки морщин...

— Не мучай себя, Джамиля, забудь об этих ужасах,— прошу я ее. — Лучше расскажи, как ты смогла меня найти здесь, на чужбине, да еще в таком большом городе? Кто же тебе дал мой адрес?

— Мой муж!

— Ты замужем?

— Да, Салех... Мой муж доктор Адина Муртаза... Недавно вы обменялись с ним визитными карточками.

Ее длинные красивые пальцы потянулись к пачке моих сигарет. Для меня новость: Джамиля курит. А раньше запах табака и на курох¹ не переносила, гнала всех курильщиков от себя подальше... Кроме меня... Да мало ли что было раньше.

— Мой муж был прямо в восторге от господина Салеха. Весь вечер рассказывал о деловом и обаятельном молодом человеке, который помогает ему с покупкой оборудования для лаборатории. При упоминании твоего имени сердце подсказало, что это ты. Не вытерпела, решила проверить, позвонила по номеру телефона, что значился на визитке господина Салеха.

Она говорит без умолку, но я уже не слышу ее слов. Только вижу движение губ, больших, сочных, которые когда-то обожгли меня огнем, отправляя в опасную дорогу. Теперь они целуют другого, того самого лысого человека с горбатым носом, что неожиданно появился в моем офисе.

— Доктор Адина Муртаза! — представился он. Помолчал, внимательно посмотрел мне в лицо и добавил: — С личным посланием от господина Бури.

Поиграл мудреными замками рыжего, объемистого кейса, извлек из него запечатанный конверт и с полупоклоном положил мне на письменный стол. Оглянувшись по сторонам, приметил удобное кресло рядом с журнальным столиком, прошел к нему... Устроился поудобнее, нога на ногу, взял в руки со столика газету, читает, терпеливо ожидает, когда я расшифрую послание шефа... Письмо небольшое, а попотеть при расшифровке пришлось основательно. Сверяю с кодом раз, другой, все вроде правильно, а все сомневаюсь, никак не пойму, что требует от меня Абдула Бури.

— Вам что-нибудь непонятно, господин Салех? — увидев недоумение на моем лице, спрашивает Муртаза.

— Видите ли, несколько странное для меня пору-

¹ Курох — расстояние около трех километров.

чение. Надеюсь, вам объяснил господин Бури, чем я занимаюсь в Брюсселе?

— Да, мне знакомы ваши обязанности,— говорит Муртаза, откладывая газету в сторону. — Вы занимаетесь закупкой оружия для нашей повстанческой армии.

— Вот именно, оружия! — подчеркиваю я. — А здесь черт его знает, что от меня требуется закупить! Оборудование лаборатории, лекарственные препараты, обладающие токсическими свойствами, токсины и растительные яды, в общем, сплошная медицина. Я специалист военного дела. Нет, письмо явно не по адресу.

— Именно по адресу, господин Салех... — подымаясь с кресла, говорит доктор Адина Муртаза. — По адресу!.. — и уже тоном, не допускающим никакого возражения: — Вам надлежит оказать мне содействие в заключении контракта с двумя фирмами, указанными в письме, оплатить счета из выделенного вам фонда за поставку оборудования и продукции, обеспечить надежность и своевременность отправки грузов по известному вам адресу...

— Но, помилуйте, для чего нам вся эта отрава?! Неужто на доблестный штаб господина Бури совершили нападение бесчисленные полчища крыс? — шутя спрашиваю я своего гостя.

Но он, видно, шуток не любил, сказал строго, нахмутив брови:

— Итак, когда мы займемся конкретным делом, о котором пишет вам почтенный Абдула Бури?

И этот чопорный человек с отполированной до блеска лысиной стал мужем Джамилы. Интересно, он когда-нибудь ей улыбается или всегда надутый, как индюк. Но, черт с ним, с этим Муртазой, я снова слышу ее голос.

— Да тебе, я вижу, это совсем не интересно, Салех...

— Что ты, что ты... Очень даже интересно. Я тебя внимательно слушаю,— покривив душой, отвечаю Джамиле.

— Так вот. Своему мужу я обязана тем, что он помог мне многое понять и расстаться с детской игрой в революцию. Мы все повинны перед своим народом. И я, и ты... Не за свое взялись дело. Не так сеяли... Семена другие, не для нашей земли. Вместо добрых всходов — смерть и горе получили... И решила порвать с нашей партией.

— Что?! Да не может быть! — невольно вырвалось у меня, и тут же, спохватившись, добавил: — А впрочем, может, и правильно сделала...

— Да, я сделала верный выбор... Еще тогда, когда границу пересекала. Со всем прошлым покончено! Забыла, вычеркнула все, что было в моей мятежной юности! И ты, как я понимаю, поступил так же, отошел от борьбы, расстался с родиной? Муж говорит, что преуспеваешь в коммерции, разбогател, деньгами соришь, живешь в свое удовольствие? Не так ли?

Я должен был отвечать, смотреть в ее большие черные глаза и лгать... Рассказывать о другой жизни, не отходя ни на шаг от выдуманной и утвержденной для меня легенды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ни к другу не взывай, ни к небесам
О помощи. В себе ищи бальзам.
Крепись в беде, желая кликнуть друга.
Перестрадай свое несчастье сам.

Камаладдин Исфакхани

Мне было безразлично, куда идти. От улицы к улице, через мосты и переулки. Вокруг все та же жизнь, людная и суетливая. Со своими заботами и проблемами. Казалось, не будет конца и края этому большому городу. И вдруг, как в сказке, исчезли, растворились в воздухе громадины домов из стекла, бетона и металла, пропали прохожие и машины. Перед моими глазами зеркальная гладь небольшого пруда, окруженного развесистыми ивами. В голубоватой прозрачной воде ходят стаями юркие, красные рыбешки. Слегка покачиваются, как поплавки, раскрытые бутоны лилий. И тишина, пьянящая, таинственная... Разве что лягушки нет-нет да заквакают, посплетничают друг с дружкой. Оглянулся — ни одной живой души, забрел, кажется, далеко в безлюдье. Потянула к себе зелень раздольной лужайки... Вытянулся на траве во весь рост, руки под голову. Смотрю на белые облака. Одни сменяют другие, плывут себе вольные и легкие по синему безбрежному простору. У них своя стихия, и нет им дела до моих тревожных дум.

Лучше бы не было этой встречи с Джамилей. Не сходились бы через три года разлуки наши тропы... Только к земле прикоснулся, почувствовал в сердце щемящую боль. Такого со мной еще не бывало. Думал, что парень я из кремня, все выдюжу, все переживу. А вот не могу, занозой вошла и застряла в сердце обида. Жгучая, страшная, неизлечимая... И не потому, что не дождалась, вышла замуж за другого. Кусаю губы до крови, сжимаю кулаки, но на этом жизнь не кончается. Разумом верю, пройдет печаль, поостынет боль задетого мужского самолюбия. Может, это к лучшему, что Джамиля не стала моей женой. Значит, не судьба, значит, просто не любила. А жена без любви — змея на сердце, сколько ни согревай, все равно ужалит. Страшнее другое... Джамиля изменила не только мне, но родине, своей партии. Человек, который вводил меня в революцию, отошел в сторону, бежал на чужбину... Правда, она не взяла в руки оружия, не стала убивать соотечественников. Нашлись хитрые люди, придумали для таких, как Джамиля, мягкие, спасительные слова. Покинула пределы родины, просто захотелось сменить одну страну на другую в поисках лучшего для себя счастья. Но когда твоя земля в огне и ты не с ней — это предательство. Так учила нас в подполье, готовя к будущей борьбе, другая Джамиля... Смелая, дерзкая и верная... Стоило ей только голос подать, полетел, как на крыльях, навстречу. Спешил сломя голову к ней... Но обманулся, принял чужую женщину за свою Джамилу... предателя за друга.

Выкурив подряд несколько сигарет, побрел к себе в номер на второй этаж. Открыл дверь и в чем был, не раздеваясь, завалился на мягкую, широкую постель. Проснулся от яркого света хрустальной люстры

ры... невольно глаза ладонью закрыл, лежу молча, жду, что дальше будет.

— Это я, Гульпача! — слышу я знакомый голос.

— Ты как сюда попала? — спрашиваю свою секретаршу недовольным тоном.

— Звонила по телефону — не отвечаешь, постучала в дверь твоего номера, а она открытой оказалась. Вот я и вошла...

— Что-нибудь случилось? — насторожился я.

— Да нет, нет... Все нормально... Ничего особенного, — поспешила успокоить меня девушка.

Говорит, а сама хитрой лисой на меня поглядывает. Чувствуется, что прямо сгорает от женского любопытства, очень хочется узнать, как встреча с Джамилей прошла, с каким настроением от нее в отель вернулся. А настроение сейчас после доброго сна, прямо скажем, неплохое. Голова ясная, аппетит разыгрался волчий, шалить, как мальчишке, хочется... Легко, рывком подымаюсь с постели, повел плечами — косточки захрустели в суставах.

— Все в порядке, Гульпача! — весело заявляю девушке.

У нее глаза недоверчивые, но отвечает улыбкой.

— Все в порядке! — повторяю я... — И, пожалуйста, прикажи подать ужин с вином... Да, да. Ты поняла правильно, на две персоны в мой номер!..

— А если я не разделю с тобой этой трапезы, Салех? И не лучше ли тебе побыть одному? — спрашивает Гульпача и внимательно наблюдает за мной.

— Нет... Я очень хочу, чтобы рядом была ты... Очень... Особенно сегодня... Сейчас... Понимаешь? — и протянул к ней руки

— Душманы что чиряки на шее у народа... Пора им дать решительный отпор... Защитить свою власть, как правильно говорил здесь докладчик... Без этой власти нам нельзя... Она нас людьми сделала, новую жизнь для рабочих дала... Вот взять хотя бы меня. Жил с семьей в одиннадцать душ в пещере, а вчера моя власть квартиру мне бесплатно дала... Пять комнат в новом микрорайоне... Вот такой мне подарок преподнес наш домостроительный комбинат.

Слушая рабочего, Рахим невольно вспомнил, с какой злостью писали некоторые газеты об этом самом комбинате, когда закончилось его строительство в Кабуле. Построенный с помощью специалистов из Советского Союза, он был сдан в эксплуатацию в 1965 году. А пустили его на полную мощность совсем недавно. Собирались даже прикрыть как нерентабельное предприятие. Новые многоэтажные дома, которые стали появляться в столице, предавались проклятию. Слыханное ли дело, жить без надежного дувала, дверь против двери, ходить мужчине по одной лестнице с женой и дочерью соседа. Хотя их лица надежно прикрывает паранджа, но все равно грех, может через покрывало сглазить, совратить, дурную болельницу напустить.

Но не в этих средневековых бреднях был главный смысл протеста против строительства. Рахим сейчас

из уст худого, жилистого сварщика понял, какой смертельной угрозой является для врагов революции Кабульский домостроительный комбинат. Не для тех, кто имеет бешеные деньги в кармане, предназначались современные просторные квартиры, а в первую очередь для рабочего класса и трудовой интеллигенции. Сеид был одним из сотен, кого государство обеспечило благоустроенным, нормальным человеческим жильем... Рахим мысленно представил счастливые лица людей, которые из будок, землянок, сараев и пещер попадали отныне в свои собственные квартиры. С деревянным полом под ногами, с надежной крышей от дождя и палящего солнца, с электросветом, газом, кухней, уборной и ванной. Было ли что-нибудь хотя бы подобное при короле Махуммаде Захир-шахе или Мухаммеде Дауде? Может ли кто из лидеров современных мятежников обещать такие квартиры людям труда? А вот новая власть, вопреки бешеному сопротивлению своих недругов, без лишних трескучих фраз и призывов, строит и строит дом за домом, улицу за улицей, один микрорайон за другим. Кабульский домостроительный комбинат стал лучшим агитатором за новое правительство. Своими домами он делал настоящую революцию, менял психологию и взгляды людей... Они росли вместе с этажами своих зданий. Они теперь понимали, что несет для простого люда революция, не абстрактно, а на своей конкретной судьбе ощущали ее благотворное влияние, наслаждались пришедшим наконец человеческим счастьем. Рахим понял, что за такую власть рабочие будут стоять насмерть, своего не отдадут, хоть кожу с них сдирай, хоть огнем пали. Понял, и пот холодный выступил на его лбу... Укравкой покосился на Ахмада... Какое у него, оказывается, еще юное лицо... Красивое, мужественное лицо мужчины, который внимательно слушает рабочих.

Выступала женщина, одетая во все черное... Ее муж, рабочий комбината, в пятницу пошел в мечеть... Его убили ножом в спину прямо в святом храме, где он совершал намаз... Рахим невольно испуганно вздрогнул, когда кто-то не удержался, прервал женщину, закричал истошно, надрывно, во весь голос:

— Смерть душманам!

— Смерть! Смерть! Смерть! — как эхо в горах, отозвался зал.

— И я обращаюсь к вам, его товарищам... — продолжала женщина, когда вновь наступила тишина. — Отомстите за моего мужа, за сотни замученных мусульман, за наши вдовьи слезы и муки... Берите в руки оружие! Будьте настоящими мужчинами!

Укрыла черным платком лицо до самых глаз и, ни на кого не глядя, сошла с трибуны. Люди встали со своих мест, траурным безмолвием проводили бедную женщину за дверь... Долго еще продолжался горячий разговор. Дали высказаться всем, кто желал.

Общее собрание рабочих и служащих Кабульского домостроительного комбината единодушно поддержало решение пленума ЦК Народно-демократической партии Афганистана... Здесь же, за столом президиума, началась запись в первый добровольческий отряд рабочих по защите Апрельской революции... Ахмад

был доволен... Крепко хлопал по рукам добровольцев, смеялся, шутил, а сам нет-нет да и бросит взгляд на Рахима... Тому было не до веселья... Тревогу и смятение снова поселил в его душе разведчик...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

...Покажи жестокосердным неуступчивость свою, —
Раскаленное железо брать железом надлежит.

Бедиль Мирза Абдулкадир

З кабинете у генерала сидел незнакомый разведчикам человек с пышной копной белых, как снег, волос, в **БОЛЬШИХ РОГОВЫХ ОЧКАХ**.

— Профессор Эркен Баркалаш, заведующий отделом министерства здравоохранения страны! — представил своего гостя генерал.

— Прошу садиться поближе к нам... — пригласил генерал своих сотрудников. — Давайте вместе послушаем профессора... О делах загадочных и опасных.

— Да, вы совершенно правы, рафик генерал... Явление это для нас, медиков, пока загадочное... С весны участились случаи массового отравления населения, во многих случаях со смертельным исходом... Особенно высок процент смертности среди детей. И вы знаете, от чего происходит отравление?.. — Профессор снял очки и, близоруко шурясь, вопросительно взглянул на Ахмада и Ясана... И сам же поспешил с ответом: — От молока... Парадоксально, но факт... Коровье молоко, так необходимое для жизнедеятельности организма человека, особенно в раннем возрасте, стало причиной смерти сотен взрослых и детей... Причем смерти мучительной, — уточнил профессор, снова водрузил свои очки на широкую переносицу и начал подробно описывать страдания отравленных больных. — У них начинаются дикие боли в области живота, головные боли, судороги, нарушается дыхание и сердечная деятельность, появляется пена на губах, смерть приходит от удушья. Как показывают анализы молока, оно заражено неизвестным нам ядовитым препаратом. При этом животные, носители яда, чувствуют себя превосходно, не зарегистрировано ни одного случая падежа скота. Человек погибает, а животное остается жить! И еще хочу обратить ваше внимание на географию отравлений.

Профессор извлек из кожаной папки, что лежала перед ним на столе, школьную физическую карту страны.

— Вот здесь красными кружочками я отметил все массовые случаи отравления... Как видите, они не в одном месте... Очаги смерти разбросаны по разным местам страны... Не кажется ли вам все это странным?

Разведчики внимательно рассматривали кружочки, обведенные жирным красным фломастером... Их было много на карте. Они шагали через цепи горных вершин Восточного и Западного Гиндукуша, Хазараджата, Кохи-Баба. От Сулеймановых гор, что расположены на подступах к границе республики, красные кружочки легли на зеленые долины Газни-Кандагарского плоскогорья... Не прошли они мимо песчаной

пустыни Регистан и солончаковой Дашти-Марго. Двойными кольцами были обведены города Кабул, Джелалабад, Кундуз, Мазари-Шариф, Баглан, Герат.

— Разные стада, разные пастбища, где пасутся коровы, а молоко выходит одно — с ядом! — вслух стал размышлять генерал. — Животные продолжают здравствовать, а тот, кто попробовал молока или мяса, отправляется на тот свет... Кто же травит наших людей?

— И главное — чем травят! — дополняет профессор.

— Ну уж последнее по вашей части, уважаемый профессор. Вам предстоит исследовать неизвестный науке яд и найти средство борьбы с ним. А нам, разведчикам, обнаружить и обезвредить опасного врага. Согласны? Вот и отлично! Что ж, попробуем общими усилиями как-нибудь справиться с этой сложной задачей.

Когда закрылась за профессором дверь кабинета, генерал спросил Ясана Сахеба:

— Что вы можете сказать, полковник, по этому печальному случаю?

Ясан в ответ только пожал плечами. Молчал и подполковник Ахмад Хан. Генерал как-то неожиданно болезненно сморщился и зашагал, припадая на правую ногу, по мягкому домотканому ковру, расстеленному на полу в его просторном кабинете. Недавно полученное во время ночной операции ранение в икру давало себя знать. Генерал храбрился, не любил при подчиненных показывать, как мучает его незаживающая рана. Надо бы побыть еще в госпитале, дать покой ноге. Да разве можно позволить себе подобную роскошь, отлеживаться в мягкой постели в такое тревожное время. Враги, как тараканы, растревоженные керосином, полезли из всех щелей... Стреляют, взрывают мосты, жгут дома и — вот еще новость — детишек молоком травят. Его и так, этого молока, не найдешь днем с огнем в городах республики. Бандиты не позволяли везти молочные продукты крестьянам на базар, отбирали бидоны, сами пили в три горла, а что оставалось — выливали на землю. Пришлось усилить патрульную службу на дорогах, взять под охрану всех крестьян, везущих продовольствие для продажи в городе. Казалось, решили проблему, и вот тебе — снова беда, массовое отравление со смертельным исходом... Что это — вспышка неизвестной эпидемии среди животных или самая настоящая диверсия? Еще одна разновидность химико-бактериологического оружия, применяемого с благословения известных держав против людей на испытательном полигоне, которым стал сегодня Афганистан. Явление, кажется, новое, и в то же время что-то подобное уже было... Что и где? Нужно только вспомнить. Генерал остановился у большого сейфа. Достал ключи из кармана.

— Нашел... Все точно! — радостно произнес генерал, в руках он держал раскрытый блокнот, который только что извлек из тяжелого металлического ящика. — Память не подвела. Есть маленькая ниточка, за которую можно ухватиться и размотать весь клубок. Совсем маленькая ниточка, — повторил генерал и

улыбнулся в свои пышные ухоженные усы. — И ведет она не куда-нибудь в сторону, а прямой дорогой в лагерь известного вам господина Бури.

Ахмад и полковник удивленно переглянулись. Им хорошо было известно, казалось, все, что делается в лагере у Бури. Хотя он и был отъявленным душманом, но с другим почерком. Предпочитал действовать с кораном в одной руке и с автоматом в другой. А здесь преступления носили другой характер, кто-то действовал более тонко, со знанием дела. Наверняка это был убийца в белом халате ученого.

— Понимаю ваше удивление, — продолжал генерал. — Но преступника и его сообщника все же следует искать в логове Бури. Вспомните одну из шифровок от Хирурга. Поднимите на ноги всю нашу агентурную сеть... Хоть из-под земли, но найдите для суда не только своего народа, но народов всего мира этого отравителя. И этим займетесь лично вы, подполковник Ахмад Хан. Но при этом ни на минуту не забывать о главной операции! Пора вашей группе, дорогой Ахмад, начать действовать в тылу врага. У вас, надеюсь, все готово?

— Так точно, рафик генерал! — ответил мой друг.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Влюбленный явно чужд закону мусульман,
Иной религией он нежно обуян:
В любви ни тела нет, ни разума, ни сердца,
Кто не лишился их, тот от любви не пьян!

Джалаладдин Руми

...Она тогда осталась в моем номере на всю ночь. Мир перестал существовать для нас с Гульпачой. Мы слились телом и душой, только я и она, нежность и радость. Бесконечная, захватывающая все существо радость до самой утренней зари. Усталая, счастливая Гульпача заснула на моей груди. Я лежал не шелохнувшись, боялся разбудить девушку. А когда глаза открыл, ее уже не было рядом со мной. Один аромат тонких французских духов остался на мягкой подушке. За завтраком хотел ее поцеловать, не далась, нахмурилась, в глаза не смотрит...

— Гульпача, милая, что с тобой?

Ответила не сразу, долго гладила ладонью белоснежную скатерть.

— Со мной все в порядке... И давай договоримся раз и навсегда — вчерашнее забудь!

— Как забудь? — не понимал я. — Это невозможно!

— Возможно, Салех! — говорит она твердо, голову кверху... Смотрит на меня холодными, чужими глазами, я в полном недоумении.

— Да объясни же наконец, какая черная кошка пробежала с утра между нами? — прошу Гульпачу.

— Объяснение простое... — сказала она тихим голосом. — Я виновата... Забылась... Потеряла голову... Тебе просто нужна была женщина...

— Гульпача! Опомнись! Что ты говоришь!

— Не перебивай! — она властно остановила меня рукой. — Да... любая женщина. Я или какая другая...

Надо было отомстить Джамиле... с опозданием, но сделать назло... Усладить мужское самолюбие. Ночь прошла, сейчас утро...

— Это же не так! — перебиваю Гульпачу. — Я был искренен, поверь, ты мне стала очень дорогой...

В ответ она только горько улыбнулась, поднялась из-за стола, сказала сухо уже совсем о другом:

— В десять тебя ждут на полигоне... Испытание нового огнемета... В два часа обед в обществе помощи афганским беженцам... Вечером встреча в клубе...

Начинается мой обычный рабочий день. А может, все к лучшему, что вот так сразу топором под корень и не цвести больше яблоне в саду... Она, кажется, права. Какая там, к черту, любовь... Просто потянуло к женскому телу... Но мне так было хорошо с Гульпачой, как никогда в жизни... И слов я никаких не придумывал, просто говорил ей все, что чувствовал. Пойдем одной тропой... Мне нужен верный друг... След в след, как тогда через границу. Да будет неиссякаем колодец твоих ласк, моя единственная. Нет, ночью я любил Гульпачу... Ее щекочущие волосы, горящие глаза, припухшие от поцелуев губы... Смотрю на нее сейчас, сомнение лезет в душу... Ни искры от ночного костра и ни золы горячий... Я не мог любить эту женщину. У нее глаза с прицелом. Вот так она целилась в того парня, в моего товарища, чтобы убить его... Она не друг, а враг мой... И слова от сердца не для нее. Это я сейчас так думаю... А ночью, когда сердцем слушал ее сердце, а ночью... О, аллах, сними с моих плеч тяжкую ношу любви... Пусть нас рассудит время. Настоящая любовь из ручейка в бешеную реку разливается. Случайная — сохнет от первого луча солнца. И хватит об этом, пора собирать бумаги в свой портфель, спешить на полигон...

...Брюссель, признаться, мне изрядно надоел, но Бури и слышать не хотел о моем возвращении в Пакистан...

— Вы мне с Гульпачой нужны там!.. Оружие, оружие и еще раз оружие — вот о чем вы должны помнить днем и ночью. Многострадальная наша родина не забудет ваш патриотический труд. Ждем новых поставок, — писал он в последнем письме.

Новых поставок ждет, а вот нужную сумму денег перевести на наш счет забывает. Советует проявлять инициативу, быть изворотливыми, уметь делать коммерцию... Это сначала мне показалось, что с фирмой «Интерармс» легко договориться. Пронюхав, что наша организация обладает немалым капиталом для покупки оружия, она тут же повысила цену на оружие. Я начал искать другого продавца, товар у которого ценой подешевле, а качеством лучше. Не знаю, кто из специалистов штаба советовал Бури, но в современной военной технике они толк понимали. Запросы были профессиональные, чувствовалось, что в штабе у Бури внимательно следят за новинками. Я тоже по своему был заинтересован в покупке первоклассного оружия. Оно по назначению может быть использовано у меня на родине. Но чтобы его заполучить, надо начинать новую торговлю. Надежные люди помогли познакомиться с новой фирмой. В отличие от «Интерармс» она рекламу не любила, торговала, как гово-

рится, из-под полы, инкогнито... Никто не знал, какую страну она представляла, где был ее центр, кто стоял у руля на капитанском мостике фирмы. Связь только через представителя. Один из них сообщил телеграммой, что готов на встречу со мной.

— Собирайся в дорогу! В понедельник летим! — объявляю Гульпаче за обедом.

Она не удивилась, отнеслась спокойно к моему сообщению.

— Что же, лететь так лететь, — отвечает она. — Сейчас закажу билеты, но только куда?

— К теплому голубому морю!

— Куда, куда? — переспрашивает Гульпача.

— На берег Средиземного моря. В страну чудес — Монако!

А чудеса здесь на каждом шагу. Не успела наша машина скорость как следует набрать, как остановка, кончилась территория государства. Согласно туристскому справочнику, она составляет всего 1,5 кв. км. Страна состоит из трех городов. Это столица Монако, Монте-Карло и Ла-Кондамин... Не различить, где конец одного, а где начало другого города. Сошлись, слились улицами, образовали княжество с населением в 25 тысяч человек. Хотя карликовое, но настоящее европейское государство... С парламентом, политическими партиями... Кого только не встретишь в Монако... Бывших королей и министров, звезд кино и стриптиза, шейхов и служителей религиозных культов, деловых людей, просто жуликов без определенных занятий. А бывает и так: утром он миллионер, а сыграл в карты или рулетку — и нищий... Иные стреляются сами, иных настигают чужие пули. А так ничего, страна интересная, веселая, азартная и хмельная. Были бы денежки в ваших карманах, почтенные!

...Встреча с представителем фирмы проходит на берегу моря в маленькой курортной деревушке. Сидим под большим разноцветным зонтом. С моря сюда, на веранду, приносит прохладу свежий ветерок, беседуем не спеша, потягивая через соломинки местный коктейль со страшным названием «Зуб акулы». Представитель предпочитает вести переговоры на французском языке. Парень он еще молодой, широк в плечах, двухметрового роста, глаза серые, наглые... И говорлив не в меру. Гульпача едва поспевает его переводить на дари.

— Наша фирма поставляет товары во многие страны мира. Но при этом всегда предпочитает оставаться в тени. Да, да, само собой разумеется, я ознакомлю вас с образцом нашей продукции. Слетаем вместе на один укромный островок... Но прежде — извольте задаточек пятьдесят процентов. Такой уж у нас порядок заведен... А то знаете, как бывает... — запустил пальцы в густую, окладистую рыжую бороду, улыбается ехидно.

— Покупатели у нас разные бывают... Одни живут, слава богу, долго. Совершают государственные перевороты... А другие заказ солидный сделают, мы запускаем товар в производство, а получать его некому... Заказчика или к стенке поставили, или вздернули на виселицу... — и смехом глухим зашелся.

Предлагаю сделать перерыв в наших переговорах. Он охотно соглашается.

— Понимаю, понимаю... Вам надо посоветоваться со своими... Не имею чести знать точно с кем... Но это не важно... Я подожду... Вот моя визитная карточка... Звоните в отель... — и уже на английском, повернувшись ко мне спиной: — А у вас отличная переводчица, ножки стройные, губки пухлые и остальное что надо... Желаю хорошо провести время в Монако...

Дать бы ему сейчас по красной роже, да нельзя... Отразится на моих торговых контактах с фирмой. А она цену за оружие сходную предлагает, тут надо без эмоций, вести себя поделikatней с этим нахальным типом...

* * *

...Много дней прошло с той памятной ночи, что провели мы вместе с Гульпачой. Но она о ней не вспоминает, забыла, вычеркнула из памяти. Так, по крайней мере, мне кажется. У нас по-прежнему самые добрые отношения. Но соблюдается определенная черта, дальше которой Гульпача не идет... Она хорошо помнит, кто у нее хозяин, кому она служит, и соответственно, внимательность и корректность, улыбка и строгость. Ну что же, видно, судьба у меня такая. Рядом не цветут нежные розы. Стоит рукой прикоснуться к пышным бутонам, от них одни колючки остаются... Кажется, и я начинаю забывать, что было. Даже сейчас не волнует ее близость... Мы лежим и нежмся на золотом песке пляжа... Пятки щекочет волна, собирается с силой и вдруг как плюхнется на спину, окатит соленой водой с ног до головы... Нам весело, смеемся от души, резвимся, что малые дети... Гульпача встает, тело сбитое, бронзовое, стройная, как молодая лань. Эх, появиться тебе сейчас в таком виде где-нибудь в Афганистане на берегу реки. У правоверных от бесстыдства такого язык отвалится... Проклят и нож в гладкую спину всадят. Все согласно святому писанию. Разбежалась Гульпача и со всего размаху на волну бросилась. Заработала руками легко, размашисто. А я плавать не умею. С детства учить некому было, да и где плавать у нас? Летом река Кабул по шиколотку будет, а по весне бешеная становится. Сунься только к ней, подхватит, закрутит и понесет неведомо куда... Помнится, когда мальчиком был, решили мы с приятелем на доске покататься... О камни чуть не разбило, еле спасли... А дядя еще уши надрал, чтобы помнил, как с рекой шутить. Одна тетя Анахита и пожалела, достала из сундука длинную конфету в золотой упаковке... Милые, мои добрые старички... Красиво здесь, в чужих краях... Люди не знают, что такое коммандантский час, крови и страха не ведают. Песок на пляже чистый, стыдно окурочить обронить... Тенистые деревья аккуратно подстрижены, как головы лицейстов перед началом учебного года. А мне чертовски хочется в Кабул, в прокопченную развалюху-мастерскую, к своим людям, к своему солнцу. Хочу домой... Как живется вам там без меня, есть ли еще у тебя

силы, дядя, чтобы стучать деревянным молотком по жести, править, придавать прежний вид битым машинам лихих шоферов... Ахмад обещал помогать вам. Заходит ли он в дом, приносит ли гостинцы тебе, тетя, как бывало? А если даже и порог переступит, то вряд ли доброе слово обо мне сказать может... Я же враг, изменник родины, ушел в стан душманов за кордон своей страны... А ты, дядя, прав, глаз у тебя оказался верный...

— Для нее твоя... эта самая... революция, что кукала в новом платье... Поиграет, поиграет, надоест, бросит ее в угол. — Это ты так о Джамиле говорил и не ошибся... Опять она, пора бы забыть, а вот из памяти никак не выходит.

— О чем задумался, Салех?

Я даже не заметил, как Гульпача вышла из моря. Легла грудью на теплый песок, капли воды на плечах серебром отливают на солнце. Сняла с головы резиновую шапочку, рассыпались волосы, спутались, на глаза полезли. Отмахнулась, как от надоедливой паутины, и снова смотрит на меня внимательно.

— Да так... Ни о чем... — отвечаю неопределенно. Под руку попался гладкий камешек, швырнул его с силой, запрыгал раз, другой и на дно, одни круги на воде остались.

— А ты знаешь, я встречалась с твоей Джамилей! — неожиданно, как гром среди ясного дня, сообщает мне Гульпача. — Да... я... сама пошла к ней. Приняла, не отказала. Мы долго разговаривали с Джамилей... И ты знаешь, может, это грешно, подло с моей стороны, но мне стало легче на душе... Она тебя не любит!.. Я знаю, хотя она мне этого и не говорила!

— А если так, тебе-то откуда ведомо: любят она меня или нет? — спрашиваю я Гульпачу. Стараюсь показаться равнодушным к ее сообщению, а у самого кошки на сердце скребут... Внутри все сжалось пружиной, жду, что скажет дальше.

— Я по глазам прочла, сердцем своим почувствовала... Она тебя не любит! — сказала четко Гульпача, как приговор на суде зачитала.

...Не раз бралась она за телефон. Наберет нужный номер, услышит после гудка знакомый голос и трубку бросает на аппарат.

— Да говорите, наконец, черт бы вас побрал! — услышала она раздраженный ответ Джамили, когда вновь позвонила к ней в отель. Собралась с духом, назвала себя... К удивлению Гульпачи, она охотно согласилась встретиться со своей землячкой, пригласила к себе на чай... И вот они вдвоем в большом трехкомнатном номере...

— Ни мужа, ни прислуги! Всех прогнала, нечего им наши женские секреты знать! — Джамиля говорила с ней, как с давней знакомой. Чай решили пить не за столом, а на ковре, так удобнее, по-свойски. Полетели на пол шелковые подушки из спальни, стало мягко локтям, блаженствуют ноги, тянет ароматом из горячих фарфоровых пиалок. Побаловались чайком, и пошла болтовня без умолку и остановки. Как все афганские женщины при встрече, говорят громко, руками жестикулируют, друг друга переби-

вают. Впрочем, это все, что осталось от афганских женщин у Джамили и Гульпачи. На ковре вольно полулежали молодые, модные красавицы, так не похожие на тех, кто кочует с караваном, трясется на верблюжьем горбу вместе с голопузыми детишками, задыхается от духоты под паранджой, обжигает руки о каменные сковородки, тащит на своем горбу вязанки с хворостом. Им посчастливилось в жизни, хорошие люди с детства ввели в мир иной, где женщина считается человеком... Отсюда их сила, привлекательность, смотрят с достоинством, смело, живут без предрассудков, не как прикажут, а как хотят сами, в делах хваткие, мужчинам мало в чем уступают. Попробуй на таких снова накинь паранджу, спрячь за дувал, закрой от людей на замок — весь дом разнесут, от калитки одни щепки останутся... Джамиля не утерпела, потащила в соседнюю комнату, стала показывать свои этюды.

— Это — в горах Швейцарии, ночь в Венеции, рыбаки с Аланских островов, — перечисляет свои работы. — А это, надеюсь, знакомый тебе портрет... Человечек с розами и автоматом... Похож?

Гульпача утверждает, что я там выгляжу молодцом. Только лицо у меня почему-то красное, как у индейца на картине. Глаза хищные, и еще букет роз неестественно большой, автомат по сравнению с ним кажется детской игрушкой.

— Закат кровавый отвечает на его лице, — пояснила Джамиля. — Глаза орлиные с презрением смотрят на противника... Таким я его хотела видеть, таким я выдумала для себя Салеха. А он оказался не вонном, а простым коммерсантом, мелкой торговой букашкой на чужой земле.

Оказалось, разочаровал я свою Джамилю, герой из меня не вышел. Зря краски потратила на мой портрет. Всего лишь мелкая букашка. Это, конечно, хорошо, что приняла меня за коммерсанта, но и обидно... Неужели Джамиля никогда не узнает обо мне настоящую правду...

— А тебе он очень нравится? — спрашивает она Гульпачу и продолжает, — вообще-то Салех хороший... Страдал из-за меня. В тюрьме сидел... Но уж очень обыкновенный... Без размаха... Земной... Не по моему характеру... — говорит Джамиля и портрет мой в сторону, в раскрытую папку из крокодиловой кожи с зелеными шнуточками. В руках другой появился...

— Прошу знакомиться — муж! Гордость моя! Крылья мои!

Отодвинула портрет подальше от глаз, чтобы работу свою лучше видеть, лицом вся засветилась, смотрит, мужу улыбается...

— Вот здесь-то я и поняла, что эта женщина тебя не любит! — заканчивает свой рассказ Гульпача. Поднялась, отряхивается от песка... Я молчу, смотрю, как волны лижут песок, отходят назад тихо, а набегают на берег шумно.

Гульпача надела свою шапочку и, не спеша, пошла купаться. Осторожно зашла по пояс в воду, зажала нос пальцами, глаза закрыла и ушла, спряталась на дно от набежавшей волны...

Ты удручен враждой судьбы? Как поворот ни крут —
Уйди! На жалкий разум свой не полагайся тут!
И успокойся, не мечись, пойми: что ни случись,
А каждый шаг — еще звено твоих кандалных пут!..

Салим Техрани Мухаммад Кули

«Кабул... Анису... Вчера имел встречу с доктором Адиной Муртазой, который прибыл в Брюссель по поручению Бури. Имею приказ помочь Муртазе установить торговые контакты с рядом фирм, специализирующихся на производстве химических и медицинских товаров, организовать отправку закупленного груза в адрес Бури. Хирург».

Именно эту мою шифровку и вспомнил генерал. Ахмад тогда не обратил на нее особого внимания. Скорее всего организуется медицинская часть в лагере Бури и доктор Адина Муртаза приехал за покупками необходимых товаров. От меня он каждый раз требовал данных о закупках оружия и боеприпасов, причем точных, до каждого патрона. А вот о закупке странного груза доктором Адиной Муртазой на большую сумму денег подробного отчета от меня Кабул не требовал. Перечитывая заново мою шифровку, Ахмад ругал себя самыми последними словами. Он даже не удосужился тогда подробно изучить досье на доктора Адину Муртазу. Конечно, упущено время. Надо срочно заняться разработкой этой довольно странной личности, которая оказалась в стане Абдулы Бури. Ахмад тяжело вздохнул, поднял трубку телефона внутренней связи, соединился с лейтенантом Хизри.

— Попрошу собрать и принести мне все имеющиеся у нас материалы, связанные с доктором Адиной Муртазой.

...Был он человеком уже не молодым, известным в Афганистане как ученый-биолог и как крупный землевладелец. Поливные, плодородные земли Кабульской долины приносили Муртазе немалый доход... Но хозяйством он не занимался, для этого были управляющие. Его основное занятие — наука... В живописном ущелье, недалеко от пыльной столицы, находилась лаборатория ученого. Обнесенная высокой каменной оградой, со злыми сторожевыми собаками, она отделяла его от мира другого, от событий бурных, которые принесла с собой Апрельская революция... Адина был уверен, что его она не коснется, пройдет стороной... Чтобы не иметь хлопот с новой властью, не дожидаясь земельной реформы, отказался от своих полей в пользу государства. В Ревсовете даже усомнились в таком решении богатого человека. Нет ли здесь какой ошибки, принуждения, послали к доктору своего товарища.

— Вы что, вполне серьезно и добровольно отказываетесь от своих земель? — спрашивает представитель власти.

— Вполне серьезно и добровольно... Вам это надо, а мне нет... Только оставьте лабораторию, не трогайте. Я на пути к большому открытию...

Посланец Революционного совета республики оказался любопытным и образованным человеком. По его просьбе Адина стал показывать лабораторию, своих

подопытных пациентов. Кого же только не было в клетках у доктора! Крысы и мыши, змеи и кролики, орлы и дикие утки. Постепенно увлекся, стал рассказывать о каком-то препарате, с помощью которого он думает победить многих сельскохозяйственных вредителей.

— Последние опыты обнадежили меня... Думаю, мой препарат произведет мировую сенсацию... Хорошую рекламу Афганистану, вашему новому правительству. Не такие уж мы темные и забытые люди, — довольно самоуверенно говорил Адина. — Мы, афганцы, еще скажем свое слово в науке!

— Это все очень интересно! ~~еще раз повторю~~ гость. — Я обо всем доложу рафику Хафизулле Амину... Думаю, что вы найдете у нас полное понимание и практическую помощь в вашей научной деятельности... В случае какой необходимости, прошу звонить по телефону, — он назвал номер. Доктор тут же записал его в маленькую книжницу.

— С номером все в порядке... Записал... Остается узнать, кому звонить, доброе имя хозяина телефона, — улыбается Адина.

— Извините, забыл представиться... Личный политический советник рафика Амина Абдула Бури. Звоните, я к вашим услугам!

После первого визита Абдула стал довольно часто приезжать к ученому. Без всякого приглашения, просто так, поинтересоваться здоровьем и настроением уважаемого Адины Муртазы. Хозяин поначалу был сух и негостеприимен с незванным гостем, всячески подчеркивал, что у него нет времени для праздных разговоров.

— Понимаю, понимаю вас, доктор, — говорил без всякой обиды на холодный прием Бури. — Мы, новая власть, очень ценим ваш труд, дорожим вашим драгоценным временем, которое принадлежит только науке. Но долг обязывает меня спросить: может, нужна есть какая, помощь от правительства...

Адина решил по-своему дать от ворот поворот назойливому представителю этой новой власти.

— Если вы действительно желаете помочь в моей работе, вот вам мои просьбы, — и тут же вручил заранее приготовленный подробный список необходимых животных, препаратов для лаборатории. Просил даже то, без чего вполне можно было обойтись в работе, пусть ломает себе голову Бури, побегает, потоптеет во имя науки. Он был заранее уверен, что Абдула не справится с его поручениями. Каково же было удивление доктора, когда через неделю к воротам его лаборатории прибыл военный грузовик с солдатами, а с ними вместе Бури.

— Вот... Прибыл... Достал все, согласно вашему списку, уважаемый Адина Муртаза, — улыбается довольный собой. — Где прикажете моим людям разгрузиться?..

Адине ничего не оставалось делать, как поблагодарить его за большую помощь в научной работе и пригласить на кофе с коньяком. А через день Бури снова пожаловал с визитом к доктору... Объявил торжественно и важно:

— Имею честь по поручению рафика Амина

пригласить доктора Адину Муртазу стать его личным советником по науке.

Доктор был приятно удивлен сделанным ему предложением. Тут же стал благодарить за оказанную высокую честь, обещал подумать и дать ответ через неделю. Но случилось так, что через неделю и отвечать было уже некому... Амин был на том свете. Бури больше не появлялся в лаборатории доктора, не стеснял его своим присутствием. Адина уже и забыл о его существовании, но вдруг судьба снова свела их вместе. И не где-нибудь, а вдали от Кабула, в чужой стране, куда побежал от новой власти и доктор Муртаза.

...Первым афганцем, которого встретил Адина в Пешаварах, был Абдула Бури. Столкнулись, как говорится, лоб в лоб в вестибюле отеля, в котором только что поселился ученый. Бури бросился к нему, как к родному, расцеловал троекратно, смахнул с глаз воображаемую слезу; сказал прочувствованно, как умел, когда это было нужно:

— Слава аллаху! Он спас твою драгоценную жизнь для всемирной науки и блага отечества... Слава аллаху, ты вырвался из ада революции! Теперь будем вместе, плечом к плечу, бороться с красной чумой на нашей родине. — Услышав такие слова, Адина, кажется, проглотил собственный язык, смотрел на Бури с явным недоверием.

— Не удивляйся, дружище, — продолжал Абдула. — Я давно борюсь с так называемой народной властью. Но об этом потом, успеем еще поговорить, а сейчас в мою машину! Нас ждут!

— Да кто нас ждет? — наконец-то обрел дар речи доктор Муртаза.

— Надежные люди... Наши американские друзья.

— Наши американские друзья? — переспросил Адина.

— Вот именно — друзья! — подтверждает бывший политический советник Хафизуллы Амина. — Я знаком с ними много лет, надежные господа, в беде не оставляют, да ты в этом сможешь убедиться.

— Да нужен ли я твоим американским друзьям? — все еще сомневался доктор.

— Нужен, ты и твой новый препарат!

...Но случилось все не так, как предсказывал своему подопечному агент ЦРУ Абдула Бури.

...Адина в испуге прижал руку к сердцу. Ему казалось, что оно сейчас не выдержит, разорвется на части. Он хорошо слышал, что говорил профессор Люкс, но мозг не желал понимать смысл обидных, как удар хлыстом по лицу Адины, слов старого ученого.

— Мне жаль вас, коллега, — говорил мистер Люкс тихим, басовитым голосом, идущим из-под земли. — Вы напрасно потратили свое драгоценное время, отпущенное всевышним на этой грешной земле. Ваш препарат не интересует нас. Это пройденный этап для моего института. Давно имеется патент на подобное открытие. Прощу меня простить за откровенность, коллега, но вы изобрели велосипед, — сказал и тут же словно забыл о существовании Адины. Повернулся к нему спиной в кожаном кресле, чуть прикоснул-

ся высохшими длинными пальцами к клавишам видеотелефона.

— Я слушаю вас, мистер Люкс, — незамедлительно ответила миловидная девушка с большого экрана.

Адина вздрогнул от ее голоса, растерянно посмотрел на худую старческую спину в белом халате и медленно, не прощаясь, попятился к выходу.

Никто так еще не обижал Адину Муртазу, как это сделал американский профессор. У Адины даже сил не нашлось, чтобы разозлиться на мистера Люкса, уйти с достоинством, высоко подняв голову, как и полагает гордому афганцу. Он был раздавлен и опустошен душой. А мистеру Люксу, что остался там, за плотной, тяжелой дверью своего кабинета, было плевать на настроение Адины Муртазы. У профессора свои заботы, свои переживания...

— Есть ли сообщения с Кубы?

— Пока не поступали, мистер Люкс, — отвечала девушка, даря профессору мягкую улыбку.

— Немедленно докладывайте мне, как только наши люди выйдут на связь! Вы меня поняли?

— Да, сэр! Будет исполнено, сэр!

Погас экран видеотелефона, профессор повернулся к столу, протянул руку к деревянной резной шкапулке, взял из нее толстенную сигару и, не спеша, закурил.

По просторному кабинету поплыли легкие синие кольца дыма. Крепкий, со сладким привкусом табак гаванской сигары приятно стал дурманить голову, разгоняя тревожные мысли.

— Господи! — молил про себя профессор, не выпуская из рук сигару. — Ты всегда был благосклонен ко мне. Помогите осуществить задуманное и без всякого скандала в международной прессе.

Профессору Люксу очень хотелось, чтобы новая массированная операция ЦРУ против Народной Республики Куба считалась обычной эпидемией, которая бывает нередко в различных странах мира. Вслед за грибковым заболеванием сахарного тростника на острове должна появиться «голубая плесень», которая погубит сотни гектаров плантаций кубинского табака. А за этой операцией готовится и другая — заражение животных африканской чумой. Научно-техническую разработку нового подобного вида биологического оружия поручили институту, где директором был профессор Арнольд Люкс. Продукция его лабораторий уже не раз применялась в тайных операциях ЦРУ. Сегодня институт участвует в небывалой по размеру биологической диверсии на полях Кубы. Профессор с нетерпением ожидает первых результатов, эффективности действия «голубой плесени», воздействия ее как на растения, так и на живые организмы. Какие характерные симптомы заболевания у животных и людей, сколько со смертельным исходом... Еще не поступили ответы от агентов ЦРУ с красного острова, не известно, как сработает открытая им «голубая плесень», а тут афганец со своим препаратом под руку лезет.

ЦРУ с удивительной настойчивостью требовало ускорить заключение специалистов института относительно ценности препарата господина Адины Мурта-

зы. Профессор Люкс не покривил душой, когда сказал афганцу, что он изобрел велосипед. Согласно заключению экспертов препарат кабульского ученого по своим химико-биологическим показателям мало чем отличался от смертоносного яда, созданного в стенах института профессора Люкса. Оба препарата были похожи, как братья-близнецы.

— Такое бывает в науке, — говорил своим коллегам профессор. — Ученые идут разными дорогами, а сходятся неожиданно на одном перекрестке. Афганец, несомненно, талантливый человек, но открытие его не представляет для нас никакой ценности. К тому же препарат опробован только на животных. А между тем у него на родине созданы идеальные условия для эксперимента на живых людях... Идет война, заработала кровавая мясорубка. Ради прогресса науки какой-то сотней диких азиатов пожертвовать, право, не грешно... А господин Адина Муртаза не воспользовался такой счастливой возможностью...

Адина не был откровенным в беседах с профессором, умолчал, что еще до начала военных событий в Афганистане сумел опробовать действие своего препарата на живом человеке. Это был его молодой помощник доктор Бари. Он пригласил его к себе на городскую виллу, чтобы отпраздновать успехи нового научного открытия. Доктор Бари был очень тронут таким вниманием своего шефа. Добрая порция виски развязала ему язык, пропала скованность и робость, которая обычно бывала у него в присутствии хозяина лаборатории.

— Я пью за ваше драгоценное здоровье, доктор Муртаза! Вы создали уникальное и эффективное средство для борьбы с сельскохозяйственными вредителями. Сотни гектаров крестьянских полей, садов и виноградников будут спасены благодаря гению вашего ума!

Адина сделал все, чтобы ни одна живая душа не знала истинного назначения его препарата. Пусть все думают, как его ближайший помощник, который сам уже, не дожидаясь, когда это сделает хозяин, протягивает руку к пузатой бутылке. Пил и ел Бари с завидным аппетитом. Особенно ему понравился сочный, тающий во рту шашлык из молодого барашка. Адина страдал гепатитом, мясо жареное не ел, но страсть как любил снимать с шампуров дышащие жаром кусочки мяса и подносить ко рту уважаемого гостя... Но вот речь помощника стала сбивчивой, на лбу выступили крупные капли пота.

— Извините, кружится голова, горло словно кто сдавливает тисками, — с трудом выговаривая слова, сказал он своему шефу.

— Это пройдет! — поспешил успокоить его Адина. — Просто ты, Бари, немного хватил лишку алкоголя. Надо хорошо закусывать, чтобы не опьянеть... Съешь еще кусочек шашлыка, — и почти насильно толкает ему в рот жирный кусок бараньего мяса.

Бари умер в диких мучениях в его доме. Здесь же доктор Муртаза сам произвел вскрытие трупа и убедился, что введенный в организм овцы несколько недель назад созданный им препарат дал желанный результат. Адина вздохнул с облегчением, хватил

рюмку коньяка, выкурил не спеша сигарету и пошел открывать ворота гаража. Уже светало, пора было отправляться в дальнюю дорогу, пока не поздно, искать свое счастье в чужой стране...

Афганский ученый со своим препаратом не заинтересовал американских специалистов биологического оружия. Ему даже отказали в должности ассистента в институте профессора Люкса. Оказывается, он не имеет достаточной научной подготовки, его лаборатория была настоящей кустарной мастерской, а диплом об окончании биологического факультета Кабульского университета здесь не имеет никакой ценности и вызывает только усмешку у потянувших профессоров. Для Адины наступили тяжелые времена.

В Америке он долго не задержался. Страна, которая отвергла его, как ученого, была проклята Муртазой. Его потянуло во Францию, где он думал успокоиться сердцем, забыть о нанесенной ему обиде. Забыться, отдохнуть и душой и телом, никаких лабораторий и препаратов... Вольная жизнь богатого человека. Апрельская революция лишила его больших земельных угодий в родной стране, но не тронула его капиталы на счетах в европейских банках. А их хватит Адине до самых последних дней, чтобы жить богато и припеваючи, ни в чем себе не отказывать. Правда, жить он может только на чужбине, на родину возврата нет. Для нее Адина — государственный преступник, который по злому умыслу отправил на тот свет молодого своего помощника. Бараньи головы эти судьбы. Не дал аллах им разума познать то, что познал Адина. Совершая преступное деяние, он впервые в своей жизни понял, что такое счастье. Да, да, он был безмерно счастлив в ту самую минуту, когда корчился, ужом извивался от боли у его ног доктор Бари. Он звал, умолял о помощи своего шефа, а тот не двигался с места. Смотрел, как замороженный, во все глаза на свою жертву и улыбался. Сбылось, свершилось, препарат смерти действовал, Адина, наконец, добился своего! Дыхание чужой смерти не пугало ученого, не леденило душу. Какая-то необъяснимая истома разлилась по всему телу Муртазы. Он блаженствовал, он наслаждался еще неведомой ему радостью. Она оборвалась вместе с жизнью доктора Бари. Доведется ли еще такое испытать доктору Адине Муртазе? Надо бы продолжить свои опыты, профессор Люкс прав, сейчас в Афганистане имеются для этого широкие возможности. Препарат оказал бы немалую услугу американцам в их необъявленной войне против правительства Бабрака. Они не желали связаться с ним, уклонились от сотрудничества.

— Ну да черт с ними! Начнем новую жизнь! — решил про себя Адина. — Для начала следует податься на курорт в Ниццу, девочки, говорят, там прямо бешенные... Мертвого расшевелить могут.

Однако не суждено было сбыться заманчивым планам старого холостяка. Непредвиденные обстоятельства изменили маршрут его путешествия.

Профессор Люкс был крайне удивлен, когда высокое начальство из Центрального разведывательного управления вновь вспомнило о незадачливом афганском ученом.

— Да зачем он вам нужен? Подумаешь, нашли светило в науке. Обыкновенный авантюрист, каких на свете много,— нелестно отозвался о нем профессор.

— Авантюрист?! Так это же хорошо! Именно такой нам и нужен! — неожиданно обрадовалось высокое начальство. — Думаем назначить Адину Муртазу на должность руководителя новой секретной лаборатории вашего института в Пакистане.

— Но позвольте, неужели в моем институте нет более достойных кандидатур, чем этот азиат? — возмущился мистер Люкс.

— Не надо горячиться, старина,— услышал он в ответ. — Назначение Адины Муртазы предусмотрено планом новой операции ЦРУ в Афганистане. С территории соседнего государства начнет действовать не американская, а афганская лаборатория смерти. Не наша, а именно доктора Муртазы смертоносная продукция будет убивать сотни своих соотечественников. Давайте обговорим все детали предстоящего дела.

Мистер Люкс имел еще одну возможность убедиться в том, какие толковые ребята работают в американской разведке. Они учли международный скандал, связанный с провалом бактериологической атаки на Кубу. К сожалению, в руки Фиделя Кастро попали неопровержимые доказательства, которые вызвали волну негодования и протеста у мировой общественности. Лидер кубинских коммунистов публично обвинил правительство США в ведении биологической войны против его страны. Горы гранат, начиненных отравляющими веществами, показали недавно в своих передачах многие телекомпании мира. Они были захвачены солдатами народной армии Афганистана при разгроме отрядов мятежников. На корпусе гранат четко выбито клеймо: «Сделано в Соединенных Штатах Америки». И снова звучат гневные слова обвинения в адрес Америки. Но скандал скандалом, а бактериологическое оружие нуждается в своем дальнейшем совершенствовании. Афганистан, по мнению ЦРУ,— наиболее удачный полигон для испытания продукции института мистера Люкса. Но все будет делаться руками афганцев. Институт будет поставлять новой лаборатории готовые уже компоненты своего препарата, а мятежники будут заниматься дозировкой и расфасовкой полученной продукции. Специально обученные команды этой лаборатории забрасываются в тыл противника, где и совершают биологическую диверсию. Группа местных ученых под руководством Адины Муртазы ведет научное обобщение действия препарата на человеческий организм. Кстати, этому афганскому доктору надо внушить мысль, что испытывается именно его препарат. Пусть он даже сам придумает ему определенное название. Вся работа секретной лаборатории должна проходить под неусыпным наблюдением Абдулы Бури.

— Таким образом, мы загребаем жар чужими руками,— заключает беседу с профессором Люксом высокое начальство. — А в случае провала операции и широкой ее огласки вся ответственность ложится на плечи этого афганского авантюриста Адины Муртазы и его компании. Мы — в стороне.

— А дал ли афганец свое согласие пойти на та-

кое рискованное дело? — поинтересовался директор института.

— Наши люди в Париже уже связались с ним. Согласие получено, Адина Муртаза приступает к работе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Загнаны все мы судьбою, чей поров свиреп,
Марево нам она дарит, но жаждущий слеп.
Если таков долгожданный покой прозорливых,
Лучше для вечного сна обрести себе склеп.

Ашик Исфахани Ага-Мухаммад

Отец Джамиля с гордостью называл себя политическим эмигрантом. Он бежал из Кабула при Мухаммеде Дауде... Богатый человек, владелец нескольких хлопкоочистительных заводов, Хайрмухаммед три года назад похоронил свою жену. Сердце оказалось у нее больным, никакие знаменитые врачи помочь не смогли. Осталась одна дочка, живет под присмотром старшей сестры. Уже в опасном возрасте, красотой вся в мать, а вот характером неизвестно в кого родилась. Своенравная, что не по ней, не так, как она хочет, глаза выпарапает, душу всю вытряхнет, но добьется. О замужестве и слышать не хочет.

— Я сама себе жениха выберу, когда захочу... Вы эти феодальные пережитки, отец, забудьте... И вот что, хочу путешествовать, мир посмотреть. Надеюсь, для любимой доченьки найдутся денежки?

Нашлись. Джамиля побывала во многих странах. Целый год ее не было в Кабуле... А вернувшись, дома не застанешь, разъезжает на своей спортивной машине «Ягуар», встречается с какими-то сомнительными типами. революцией стала бредить...

— Зачем тебе эта самая революция,— спрашивает ее отец Хайрмухаммед. — Дома у нас только одного птичьего молока не хватает. Заводы, слава аллаху, работают исправно. Капитал увеличивается. Все, что ни пожелаем, к нашим услугам...

— А надо, чтобы не только нам, а всем хорошо было,— отвечает Джамиля. — Свобода, равноправие, право на труд.

Спорить с ней бесполезно. Ну да пусть вино молодое побродит, успокоится. Слаще будет. Хайрмухаммед любил дочку, баловал, ни в чем не отказывал, а вот по вечерам домой не спешил. Тянуло его в другое место. На одну из загородных вилл, где собирались такие же богатые и влиятельные люди, цвет столичного общества. Забор высокий, замки крепкие, на окнах плотные шторы. Компания надежная, можно встряхнуться душой и телом, оставив в покое на время строгости святого корана. Человека без грехов не бывает. Здесь-то, среди своих, возьми и расскажи Хайрмухаммед злой, остроумный анекдот про нового правителя Афганистана Мухаммеда Дауда. Анекдот понравился, компания смеялась долго, друзья были умными, шутки и юмор понимали. Под утро разъехались по домам, устали от веселья и забав, тянуло быстрее в постель... Но кто-то не поленился, превозмог сон, поехал в полицейский участок... Хайрмухаммеду казалось, что он только голову приложил к по-

душке, а его будят, к тому же еще не совсем любезно, тормошат за плечи...

— Вставайте, Хайрмухаммед! Вы арестованы!

Он протер глаза, думал, что еще спит, но видение не исчезало... Перед ним стоял офицер полиции в защитной форме, перетянут широким ремнем, с пистолетом и угрожающе шевелил длинными усами.

— Я?.. Да за что, побойтесь аллаха! — взмолился испуганный Хайрмухаммед.

— За политическое оскорбление главы нашего государства! Собирайтесь быстрее и следуйте за мной!

Ему грозило длительное тюремное заключение. Выручили не столько друзья, сколько деньги, промышленника выпустили под залог под солидную сумму афгани. Он дал подписку о невыезде из страны. А к вечеру второго дня Хайрмухаммед уже пил шампанское в лучшем ресторане Парижа «Максим» с милой дамой, ровесницей по годам его дочери... Что поде-лаешь, питал слабость к женскому полу этот статный, с орлиным взглядом, молодящийся мужчина. Седина легкой бороздой прошла по его курчавой легкомысленной голове. Веселый, общительный, он не чувствовал себя на чужбине сиротой. Жил легко, в свое удовольствие... За судьбу дочери особенно не тревожился. Оставил сестре все необходимое, чтобы они с Джамилей не бедствовали, теперь уже не маленькая, бойкая, себя в обиду не даст.

...Когда Джамилия неожиданно появилась в его доме, в пригороде Парижа, Хайрмухаммед не узнал ее сразу... Перед ним стояла худая, увядшая, с пустыми безразличными глазами не дочь его, а скорее старушка-попрошайка.

— Ты ли это, дочь моя! — воскликнул он. — Да что же они сделали с тобой, неверные, красоту твою девицью загубили.

Она бросилась к нему на шею и разрыдалась. Он нежно прижал ее к сердцу, стал гладить по голове, как в детстве бывало. Отозвалась, заныла больная печень...

— Папа, родной мой папочка, чего я только не натерпелась, что не пережила... Страшно рассказывать!

— И не надо, не надо, моя маленькая! Будь они прокляты, все короли, премьеры, твои революционеры! Проживем без них, и неплохо проживем!.. — успокаивал он Джамилю. — Отец твой не дурак, все предусмотрел, все предвидел...

...Он не хвастался перед дочерью... Еще при короле Мухаммаде Захир-шахе перевел капиталы жены и свои на текущий счет в швейцарский банк. Можно было бы уже жить на одни проценты. Хайрмухаммед имел давние деловые контакты с родственными фирмами по обработке хлопка в Пакистане. Одна из них охотно согласилась принять его в качестве члена учредительного совета, разумеется, с внесением определенной солидной суммы в дело.

...Своим знакомым в Париже он говорил на прощание:

— Не могу, знаете, без ветерка с родины... А там, за перевалом, и Афганистан... Буду поближе к центру борьбы...

Ему очень хотелось выглядеть в глазах окружающих таким героем, отправляющимся на войну, сказать что-нибудь громкое, трескучее, как принято в таких случаях. Но, взглянув на Джамилю, осекся... Она еле сдерживала себя, вот-вот смехом зайдется, опозорит отца перед людьми... Вдохнул, буркнул себе под нос сердито:

— В общем еду... Посмотрю, как там и что...

Конечно, не по ветерку с родины соскучился Хайрмухаммед. И центр борьбы ему был абсолютно не нужен. Пусть без него там кровь пускают, он ее видеть не может, плохо становится... А позвали в дорогу почтенного Хайрмухаммеда ~~дети~~ ~~мужчины~~ и очень важные. Неожиданно в авиационной катастрофе погиб президент компании, где членом учредительного совета был отец Джамили. Начиналась борьба за президентское кресло, чехарда в совете. Как бы не обошли, как бы не промахнуться... Внесен большой капитал, думаешь о прибылях, а может стать — одни убытки получатся. С тревожными чувствами сядешь в самолет Хайрмухаммед...

Через несколько дней позвонил Джамиле уже довольный, радостный...

— Все идет как надо!.. Соскучился... Приезжай ко мне... Приглянулся мне тут один домик... У самого моря... Хочу сделать тебе подарочек... Надо бы посоветоваться...

...Теплоход «Святая Магдалина» отошел от пристани Марселя в полночь... В открытом море стало штормить, забили волны в иллюминаторы. Теплоход, что старая, давно не смазанная арба — скрипит, стонет, того и гляди развалится на ходу. Джамиле не по себе, голова кружится, тошнота подступает к горлу. Едва дождалась рассвета и — на верхнюю палубу. Не могла больше терпеть, перегнулась через борт, тошнит так, словно душу выворачивает наизнанку... Набежала большая волна, хлестнула с силой по борту, бриллиантовая россыпь холодных капель освежила лицо... Немного пришла в себя, шатаясь, как пьяная, стала пробираться к намертво закрепленной скамейке... Уже собралась сесть и онемела в одно мгновение... На нее смотрели маленькие, злые глаза змеи! Хотелось закричать — язык присох, надо бы бежать — ноги не двигаются! Приплюснутая коричневая голова шевельнулась, змея зашипела, выбросила вперед длинный язык, готовясь к прыжку.

— Не бойтесь, она вас не тронет! — услышала Джамилиа спокойный голос. — Это моя Гуля. Она сейчас пойдет на свое место. *

Человек присел на корточки и стал тихонько свистывать. Он был в кожаной куртке, красном свитере, в руках держал плетеную соломенную корзину.

Змея скользнула на палубу и поползла к своему хозяину, не обращая уже никакого внимания на девушку.

— Вот и все! — весело сказал мужчина, захлопнув крышку корзины.

— Змея, знаете, как люди, плохо качку переносят... Все еще спят, думаю, пусть погуляет на свежем воздухе, отойдет немного... А тут вы, — стал объяснять он. Но, взглянув на бледное лицо девушки,

забеспокоился. — Вам плохо?.. Сейчас помогу... Я доктор... Одну минуту!

Когда «Святая Магдалина» бросила якорь в порту Карачи, Джамиля уже знала все о жизни Адины Муртазы... Его тоже хотели арестовать, бежал, нашел за рубежом своего друга. С его помощью создается новая лаборатория. Доктор продолжит свою исследовательскую деятельность... Ему подвластны звери и животные, но не люди... Он не интересуется политикой, живет одной наукой и для науки. Увлечен, заговорил страстно о муках поисков и экспериментов, о радости познания тайн природы и живых организмов. Научная терминология сыпалась как из рога изобилия. Джамиля ничего не понимала в его хитрой науке, но слушала доктора с открытым ртом, его волнение, как биотоки, передавалось девушке... Сомнений быть не могло — она встретила на своем пути с человеком необыкновенным, у которого в глазах огонь дьявола... А через месяц этот необыкновенный человек пришел свататься к отцу Джамили.

* * *

Хайрмухаммед считал себя человеком современным, в мечеть ходил ради приличия, дочери дал светское образование, а вот от калыма не отказался.

— Нельзя... Надо уважительно относиться к народным традициям. Нас земляки не поймут, отвернутся, посчитают неверными, — говорил он будущему зятю. — Возьму с тебя немного за такую умную и красивую девушку... Всего пятьсот тысяч афгани... Ты не из бедных, хоть и ученый человек... За землю, которую ты добровольно отдал, получил от государства неплохой выкуп. Знаю точно, не спорь... И давай договоримся твердо, по-мужски... Пусть Джамиля о калыме ничего не знает. У нее при одном упоминании о парандже или калыме, как тебе лучше объяснить, политическая аллергия начинается. Пусть думает, что вас соединила одна чистая любовь! Ну, давай обмоем нашу сделку! — и поднял хрустальный бокал с любимым шампанским.

Сразу же после свадьбы молодые отправились путешествовать по Европе. Джамиля с увлечением посещала выставки художников и музеев. Доктор Адина Муртаза использовал эту поездку для покупки нужного оборудования для будущей лаборатории. В Брюсселе его работу значительно облегчил расторопный представитель штаба Бури господин Салех.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Осведомленные источники сообщили, что Пакистан предоставляет широкие возможности для подготовки афганских акций. За последние 18 месяцев около 35 тысяч наемников были обучены обращению с оружием, в том числе с противотанковым. В среднем от 4000 до 5000 наемников ежемесячно обучаются в Пакистане».

«Патриот» (Индия), 18 апреля 1980 г.

В ЦРУ были довольны своим агентом. Абдула Бури оказался не только активным лидером новой партии «Шамшари ислами», но и незаурядным орга-

низатором военной подготовки мятежников. Будучи сугубо штатским человеком, он неожиданно проявил повышенный интерес к системам боевой подготовки в ряде армий капиталистических стран. С этой целью совершает краткосрочные поездки в Египет и Америку. Его внимание привлекают войска особого назначения. Воспитание в этих частях будущего солдата привело Абдулу прямо в восторг. Специально разработанная система позволяла в короткий срок делать из человека послушный автомат, подчиненный воле командира. Именно об этом и мечтал Бури. С помощью иностранных специалистов была разработана новая программа военного обучения мятежников, которая во многом копировала подготовку новобранцев в войсках особого назначения США. Здесь, в расщелине, среди высоких молчаливых гор, с рассвета до поздней ночи шла нелегкая учеба сотен молодых парней, которым предстояло в совершенстве овладеть профессией убийц собственного народа. Программа была жестокой и разнообразной. Она предусматривала обучение мятежников владению всеми видами легкого стрелкового оружия. Учила мастерству подрывного дела и поджогов, убийству в открытом бою и удару ножом в спину, отравлению водоемов и распространению ложных слухов. Особое внимание уделялось методу допросов захваченного противника. Роль пленных здесь никому не приходилось играть. Они были настоящие, связанные по рукам и ногам, привезенные из-за перевала, с родной афганской стороны. Среди них нередко оказывались земляки и даже родственники тех, кто вел допрос по всем правилам бандитского изуверства. С душераздирающими криками несчастных, с тошнотворным запахом горелой человеческой кожи, со вспоротыми животами и выколотыми глазами. Те, у кого не хватало сил для таких пыток, расстреливались на месте.

«Слюняя мне не нужны. Мои люди должны забыть навсегда чувства жалости и сострадания. Никакой пощады неверным. Убивать, убивать и еще раз убивать! Чистоту нашей веры можно оградить только огнем и мечом!» — заявил как-то на пресс-конференции иностранным журналистам лидер партии «Шамшари ислами». За такую обнаженность мышления Абдула Бури получил хороший нагоняй от своих хозяев. Действительно, нашел с кем откровенничать. Тигру следует ходить мягко, прежде чем вонзить острые когти в спину лани. С журналистами Бури больше не встречался, а вот от своих близких сподвижников планы кровавого террора не таит.

— Я приведу с собой на родину не просто вооруженных людей, а отряды смерти... Мои воины наведут порядок в отбившемся от рук диком стаде, именуемом афганским народом. А сейчас выжимать из каждого три пота, гнуть в дугу, чтоб злыми, как цепные псы, стали.

К большому походу за кордон готовился тщательно, без всякой спешки. По его приказу был увеличен срок обучения мятежников до пяти месяцев. Соответственно следовало нести и финансовые рас-

ходы по обучению на каждую душу его воинства. Абдула был жаден, как и его отец, не любил выпустить деньги из своих рук. Но здесь, скрепя сердце, вынужден был идти на уступки военным советникам. Уже больно сложна оказалась программа обучения, взятая у «зеленых беретов», для безграмотных афганских парней. Многие из них в глаза не видели букварь или учебник арифметики, а тут военная техника с электронными приборами, химическое оружие, разные топографические карты. И еще — гордость Абдулы — уроки ислама, изучение его собственной брошюры. Но Бури верил, что все финансовые расходы вскоре окупятся, только бы перейти на ту сторону, дать волю разгуляться молодцам, хорошенько потрясти припрятанные кубышки с драгоценностями, пошарить в чужих сундуках и карманах. Конечно, ему трудно осилить регулярные части народной армии. Но зато, пройдя специальную подготовку, его люди нагонят страх на население, устроят шум на весь мир, создадут впечатление всенародного сопротивления режиму Кармалы. А за это хозяева хорошо платят, доллары, как река в половодье, потекут на специальный счет Абдулы Бури в одном из надежных банков Европы. Бури хорошо понимал, что успех будущей операции во многом зависит от регулярных поставок оружия и боеприпасов для отрядов мятежников, создания уже сейчас на пути их следования соответствующих баз снабжения. Одну из таких уже удалось основать на территории Афганистана, куда был доставлен караван оружия, купленного мною у фирмы «Интерармс». Абдула дважды посылал своих эмиссаров для проверки ее существования. И каждый раз получал самые утешительные сведения: база хорошо укрыта, надежно охраняется, оружие и боеприпасы в идеальном техническом состоянии, ждут молодцов Абдулы Бури. Но для задуманной операции нужна была не одна такая база. Удалось для переброски оружия и боеприпасов найти, кажется, безопасный путь по мало кому известным тропам... Создание новых баз требовало и новых поставок из-за рубежа необходимых военных грузов. Бури решил провести со мной срочные консультации по этому важному для него вопросу. Согласно присланной шифровке от Абдулы я оставил все дела своей торговой конторы на попечение Гульпачи и вылетел в Исламабад.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Кто не знает верной дружбы, всех несчастней в мире тот, — Тяжело прожить без друга, понапрасну жизнь пройдет. Быстротечно наше время, мы не вечны на земле, Обездоленное сердце в одиночестве умрет.

Ильяс, сын Юсуфа, сына Заки Муайяда Низами

..В аэропорту пакистанской столицы из телефона-автомата я позвонил по известному мне телефону. Ответил мягкий вкрадчивый баритон. После обмена паролями мне сообщили, что встреча с Бури состоится завтра, о месте и времени уведомят дополнитель-

но, а пока любезно приглашали отдохнуть с дороги. Меня уже ждал заказанный предварительно номер в одном из дорогих отелей города. Выходя из телефонной будки, я как-то нечаянно задел стеклянной дверцей женщину, которая выросла передо мной словно из-под земли. С головы до ног ее укрывала зеленая чадра.

— Прошу прощения, ханум, — начал было извиняться перед ней, как вдруг меня прервал далеко не женский голос, от которого я застыл на месте.

— В полночь в твоём номере отеля жди встречи с Анисом и не стой, как столб, на моей дороге, грех тяжкий глазеть на чужих жен... Да хранит тебя аллах! — сказала негромко и пошла не спеша подальше от меня, покачивая кокетливо бедрами, как это делают местные красавицы. Но я готов был поклясться всеми святыми, что под чадрой была не женщина. И голос, который услышал, хорошо был знаком мне... Надо было догнать, остановить, удостовериться, да нельзя, могу подвести своего товарища, которому для встречи со мной понадобилось облачиться в женское одеяние.

Я не мог ошибиться — это был несчастный мулла... Но откуда ему знать Аниса, как могли перекреститься их дороги? Верить или не верить всему тому, что услышал: «в полночь в твоём номере отеля...» А может, задумана провокация, очередная перепроверка?.. С тревожным чувством сидел я в такси, чтобы ехать на встречу с неизвестностью.

Казалось, что стрелки электронных часов просто издеваются надо мной. Я уже успел принять ванну, сходить поужинать в ресторан, перечитать несколько вечерних местных газет, а мои часы все еще не показывали полночь. Проверил, плотно ли зашторены окна в номере, сел в кресло, закурил и стал терпеливо ожидать ночного гостя. Ровно в двенадцать мягко пошла книзу массивная медная ручка, легко подавалась в сторону дверь, и на пороге я увидел действительно Аниса, а точнее подполковника службы безопасности Ахмада, моего непосредственного начальника и друга. Взволнованный и радостный, он, словно клещами, прижал меня к своей груди, и я почувствовал, какие колючие усы у Ахмада. Это был рискованный шаг — непосредственно Ахмаду выйти на связь со мной, но он сумел убедить генерала в необходимости такой встречи. Ведь именно он долго и кропотливо готовил меня для работы в тылу противника.

— Главное — ничего не выдумывать, идти непосредственно от жизни, на все случаи иметь необходимое алиби, — учил он меня.

По четко разработанному плану я становился врагом своей родины. Вспомните антиправительственные листовки в казарме училища, организацию покушения на одного из руководителей службы безопасности. Кстати, им был сам Ахмад... Накануне, в ночной операции при взятии главара одной из террористических групп, действующих в Кабуле, Ахмад получил пулевое ранение в плечо. Его хотели немедленно отправить в военный госпиталь, но он приказал другое:

— Немедленно везите на явочную квартиру... Вызывайте туда Салеха... О моем ранении никому ни слова! Это очень важно, очень!

Меня сонного подняли с постели и срочно доставили туда, куда просил Ахмад. Лежал он на чужой кровати без кровинки в лице, лоб в испарине, но бодрился, пытался еще шутить.

— Понимаешь, дружище, нам с тобой дьявольски повезло. Не надо ломать голову, как совершить покушение на мою высокую голову. Считаю, что теракт состоялся, лишь бы не проболтался кто-либо из наших... о моей дырке в плече... — попросил воды, сделал небольшой глоток, собрался с силами и, морщась от боли, начал инструктаж. — Стрелять будешь сегодня с утра, в час пик, когда люди спешат на работу; надо, чтобы осталось побольше свидетелей твоего злодеяния. Стреляй боевыми, наверняка проверят обойму. Я упаду на третьем выстреле, да смотри не задень кого-либо из прохожих! — предостерегал он меня...

— Да сумеешь ли ты к утру с постели встать? — глядя на него, усомнился я.

— Сумею... Надо, чтоб тебе поверили... Нет, я обязан встать. Обязан! Ничего. Я выдюжу, я крепкий!

В назначенное время его машина остановилась рядом со входом в государственный универмаг. Он легко, словно не было в плече никакой раны, поднялся с сиденья, вышел на тротуар, огляделся и с силой, чтобы обратить на себя внимание, хлопнул дверцей машины... Это был сигнал для моих выстрелов из пистолета. Уже потом, лежа в госпитале, признался мне один на один.

— Чуть тебя не подвел... Ноги неожиданно подкосились, еле дождался первого выстрела, других уже не слышал.

— Зато упал красиво. Физиономией прямо об асфальт, как настоящий герой из детективного фильма... вон как себя разукрасил. Мама родная не узнает, — говорю я ему, показывая рукой на ссадины по всему лицу Ахмада. А он доволен, лежит, улыбается.

— Да, ладно получилось. Провели врага вокруг пальца, заставили его поверить, что ради денег ты способен и близкого друга ухлопать... Сколько же они отвалили тебе денег за мою кровь?

— Десять тысяч афгани.

— Не густо... А я-то думал, что моя голова в цене у душманов, а они всего десять тысяч.

— Если бы напавал, дали бы все пятьдесят.

— Не может быть! Когда следующий раз в меня стрелять будешь, смотри не промахнись!.. Богатым человеком сразу станешь, — смеется Ахмад...

Ему бы еще в госпитале полежать, рана едва затянулась. Он удрал из госпиталя ночью, через окно. Врачи пожаловались генералу, думали, что он даст ему нахлобучку и вернет беглеца на госпитальную койку. А тот и не подумал этого делать. Наоборот, рад был появлению на службе подполковника... Он вернулся вовремя. Настало время мне уходить за кордон, а Ахмаду дирижировать сложной игрой с контрреволюцией.

Трудно поверить, но это не сон. Стоит только протянуть вперед руку, и вот плечо моего друга. Мы сидим рядом в моем богатом номере, смотрим друг на друга, улыбаемся и молчим. Ахмад почти не изменился за время нашей разлуки. Разве скулы обозначились резче, да под глазами легла кругляком темнота. Чувствуется, устал, ему бы голову сейчас прислонить к подушке, выспаться за все дни всласть. А вот глаза его отдыха не просят, смотрят весело, лукаво.

— Что, не ожидал такой встречи, свалился ночной гость, как снег на голову? — первым нарушает молчание Ахмад.

— Не ожидал, честно признаюсь. Здесь каждый мой шаг под микроскопом, а ты спокойно переступаешь порог моего номера. Разве можно рисковать так, Ахмад? Сам учил меня осторожности...

— Можно, можно! — смеется разведчик, разглаживая свои усы-колючки, — и риску здесь никакого нет... Все продумано, мы находимся под охраной друзей, место для встречи прямо идеальное. И перестань говорить полупшепотом, не бросай косых взглядов на телефон и стены... Здесь нет подслушивающих аппаратов...

Судьба отпускала мне на встречу со старым другом всего несколько часов. Ох, как я мечтал тогда, чтобы утро задержалось в пути, чтобы первый луч солнца не спешил будить город. О многом мне нужно было переговорить с Ахмадом и не только по делам служебным. Хотелось вывернуть свою душу наизнанку, поведать о незаживающей ране сердца, оставшейся от встречи с Джамилей, рассказать о нежных губах Гульпачи... И тут же самому стало стыдно, почувствовал даже, как щеки запылали, словно у девушки, от грешных мыслей. Не за тем, рискуя жизнью, пришел ко мне подполковник Ахмад Хан. Идет война, в огне земля и горы родного Афганистана, а я со своим сугубо личным хочу, чтобы меня по голове погладили, слезки вытерли из глаз. Нет, для личного срок не пришел. Не пробило еще то время на наших часах дружбы. Сейчас главное — борьба, кто кого, борьба не на жизнь, а на смерть с силами империализма и контрреволюции.

Стараюсь докладывать кратко, по существу и только то, что неизвестно моему командиру, что, по моему мнению, представляет определенный интерес для центра. Количество и наименование новых закупок оружия и вооружения, каналы транспортировок, предполагаемые места складирования как на территории Пакистана, так и на нашей земле, предстоящая встреча с Абдулой Бури и многое другое, что относится к работе разведчика в тылу врага. Давно слетела с его лица улыбка. Ахмад сидит, поджав под себя ноги, слушает внимательно, забыв о своей сигарете, что давно погасла между пальцами.

Когда я кончил свой доклад, Ахмад руку пожал.

— От имени командования благодарю за службу. Ты много уже сделал, Салех, для безопасности республики, но это только начало. Впереди нелегкая схватка с душманами. Близится к завершению операция. Давай уточним все то, что тебе предстоит сделать для выполнения задания центра, пройдемся

по деталям и мелочам, от которых зависит успех всей операции.

Он остался верен себе и здесь, на чужой территории. Со скрупулезной точностью стал анализировать предстоящий план моей работы в логове душманов, давать советы, как лучше его выполнить, с кем необходимо установить контакты. И еще о явках и паролях, о времени выхода на связь в эфире, о подчинении эмоций разведчика одному только разуму. Одним словом, поговорили всласть о своих профессиональных делах. Взглянул на часы, неодобрительно покачал головой, поднял все еще нетронутую рюмку с подноса.

— Увлечлись делами, забыли о коньяке, а выпить надо, за успех предстоящего дела, за нашу победу! — предложил он тост...

Потом уже, морщась от ломтика лимона, вытянув поудобней ноги на ковре, спросил:

— Ну что, надоело на чужбине, Салех, домой хочется?

— Спрашиваешь, с закрытыми глазами побежал бы в Кабул, готов опять молотком стучать вместе с дядюшкой Фатехом. Как он там без меня, не знаю?

— Заглядывал к твоему дядюшке в мастерскую перед отъездом... Крепитя старик, о тебе, злодее, и слышать не хочет. Только глаза в сторону отводит, начинает сморкаться, когда имя Салеха кто вспомнит, — рассказывает разведчик. — Предложил было ему деньги, а чтоб не обиделся, попросил принять в долг, до возвращения племянника. А он как пошлет меня вместе с тобой куда подальше.

— Узнаю характер дядюшки... А как поживает тетушка Анахита?

— Здорова, занята по дому. Фатех говорит, что сносу нет его старухе... Скрипит, как немазаная арба, а на своем горбу все тащит к себе в гору — и воду, и дрова, и продукты.

С замиранием сердца закрываю глаза и вижу усталое, раньше времени состарившееся лицо тетушки Анахиты, все в глубоких морщинах. Ей непонятно, почему я ушел из дома, бежал от добра к чужим людям, на край неведомой пропасти. Попробуй, разберись темный, неграмотный человек в этом запутанном, беспокойном мире, за что убивают друг друга, почему люди стали хуже хищных зверей. Война отняла Салеха. Потеряла покой, не спит по ночам Анахита, душою мается... Значит, снова чем-то не угодила аллаху, если послал ей новые муки и испытания... Она не ропщет на всевышнего, все снесет и вытерпит безропотно, с покорностью. Лишь бы жив был ее Салех, грозные тучи проходили мимо его головы, седина не липла пухом к копне черных волос. Я вижу ее глаза, полные слез, они подняты к небу с надеждой и мольбой...

— Э, да ты, я вижу, дружище, никак задремал? — говорит мне Ахмад, слегка задев меня своим плечом.

— Да нет... Просто дом вспомнил, тетушку Анахиту... Для меня она мать родная... Как думаешь, скоро я ее увижу?

— Не знаю, — отвечает мой старый товарищ. —

Наверное, когда покончим со всей контрой, как с шайкой Али Шаха.

— Али Шах разгромлен?

— А разве ты об этом ничего не знаешь? — искренне удивился Ахмад, — неужели о разгроме этого матерого зверя не сообщалось в зарубежных газетах?

— Ты же знаешь нашу «свободную» прессу... Она пишет только то, что угодно хозяину... А он здесь один — ЦРУ.

— Да, такому хозяину успехи народной армии явно не по вкусу, — соглашается со мной Ахмад, закуривая новую сигарету. — А знаешь кто нам поможет справиться с Али Шахом? Твой приятель по несчастью мулла Хабибула.

— Так, значит, я не ошибся... Его голос... женщина в чадре на аэродроме! Он с нами?

— С нами! — подтверждает разведчик. — Остался в рядах солдат народной армии до полной победы. Мы тут с ним сделаем одно дельце, а потом уже мулла в Мекку направится к святому храму Кааба, — улыбается Ахмад. И снова на часы свои поглядывает.

— Не торопись... Побудь еще со мной немного, — прошу я друга. — До рассвета еще целый час... Расскажи, как удалось покончить с Али Шахом.

— Что ж, время у нас действительно еще есть... Можно и рассказать, — соглашается он со мной...

И я услышал страшную историю последнего преступления одного из сподвижников лидера «Шамшари ислами» — Али Шаха.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Насилье в мире, как и мир, старо.
При нем не может расцвести добро.
И даже ветвь, зеленая от страха,
Цветов не извлекает серебро.

Камаладдин Исфохани

А было это так. Три дня гонялся я за бандой Али Шаха, а он все уходил от моего отряда, ловко умел следы свои замечать. Люди устали, решил сделать привал подольше, дать возможность отдохнуть солдатам, привести себя в порядок. Только палатки поставили, обед стали в котле варить, привели задержанного человека с опаленным огнем лицом, на которое смотреть страшно.

— Я мулла Хабибула... Нашел своего палача Али Шаха. Скорее спешите в горный кишлак, помогите свершить правосудие во имя господа нашего!

Тут же поднял своих бойцов по тревоге — и в погоню.

Но мы опять опоздали... А всему виной эта проклятая снежная пурга. Налетела нежданно-негаданно, замела все тропы, с ног валит... Сколько живу, а такого января еще не помню. Солдаты проваливались по пояс в снег, ругались, подталкивали друг друга, ползли на карачках, выбивались из сил... Замерз цепочка, поостынет на ветру и снова вперед. Туда, где почти под облаками, птичьими гнездами прилепились ханы к вершине белесой горы. Кишлак

небольшой, всего несколько семей. Сейчас они все тут, рядом, в конце кривой улочки, недалеко от старой, развесистой чинары. Лежат посемейно: старики, дети, отцы, матери. Снежная пороша стала их смертным саваном. Надрывно, выворачивая душу, воют собаки. Поджав хвосты, задрав морды к небу, они не уходят от своих хозяев. Ждут, когда их окликнут, погладят по жесткой шерсти, и воют, воют, проклятые, раздирая душу. Из всех жителей кишлака в живых остался один майсафа¹. Белобородый, лицо землистое, с глубокими морщинами, замусоленный халат на худых плечах. Говорит не спеша, каждое слово как через сито просеивает.

— Не знаю, почему не упал. Видно, так было угодно аллаху. Промажнулся душман, который целился в меня. А другие нет... Все здесь полегли. И стар, и мал. По приказу главного начальника Али Шаха.

Опять он... Хабибула правильно вывел наш отряд на его след, да пурга сойтись в бою с Али Шахом помешала. Сын крупного помещика, он бежал в Пакистан сразу же после Апрельской революции... Прошел хорошую подготовку в учебном лагере афганских контрреволюционеров под Пешаваром. Вернулся на родину не один, привел банду душманов. Группа небольшая, мобильная. И страшная. Главная задача ее — запугать местное население. Убивать всех тех, кто поддерживает народное правительство Бабрака Кармая. Убивать, но не просто вешать или расстреливать. В каждую казнь, как известно, он вносит элемент садистской «романтики».

В этом маленьком кишлаке Али Шах задумал новую казнь. В программе лагеря под Пешаваром она значилась, как «своеобразный психологический этюд»...

— Не по душе пришлось нам люди Али Шаха. Нагрянули они в кишлак как снег на голову. Говорят об аллахе, а поступают по-дьявольски. Овец наших без спроса режут, афгани требуют, греха не бояться... — рассказывает чудом уцелевший майсафа. — Земля слухом полнится... Знали мы, что недалеко от нас охотятся за Али Шахом... Староста Рахновар, с согласия старейших, послал своего младшего, Махаммада, к вам навстречу... Да беда с ним приключилась... Не дошел...

Он глубоко вздохнул, закашлялся. С Махаммадом действительно приключилась беда. Недалеко от кишлака мальчик встретил трех вооруженных людей. Они были в форме солдат народной армии. Обрадовался, бросился к ним.

— Скорее, скорее, дяденьки! Там банда Али Шаха! Меня к вам отец послал!

А дяденьки эти оказались душманами.

...Их поставили рядом — отца и сына — лицом к толпе. Пригнали силой взрослых и детей, всех до одного человека. Через крепкий сук чинары перекинута веревка с петлей у земли. Али Шах уже успел принять солидную дозу спиртного... Глаза с прищуром стали хищными, как у коршуна, лицо раздумани-

лось — сытое, молодое. Подался вперед и начал свой страшный спектакль.

— Уважаемые мусульмане! Этот гаденыш спешил сообщить неверным о нашем прибытии к вам в гости... Думаю, что будет справедливо, если за тяжкий грех мальчика перед аллахом его покарает рука самого отца... Верно я говорю? — спросил он толпу. Ответа не последовало, только плотнее к матерям прижимались дети, опустили в землю глаза мужчины.

— Молчите?.. Ну, ну... Ваш староста клялся, что он не безбожник, а настоящий правоверный мусульманин... А ну, староста, докажи это нам, надевай петлю на шею своему щенку!

Ахнула толпа, попятилась назад, староста упал в ноги...

— О могучий начальник! Пощади мальчонку! Повесь меня! Будь милосердным!

— Э нет! Ты будешь жить!.. А мальчонку на сук. Не тяни время, староста. Мы спешим, берись за веревку, подведите к нему его гаденыша!

Двое душманов схватили Махаммада, легко, как пушинку, бросили к отцу... Он не кричал, не плакал... Просто онемел от страха.

И вдруг сухой, раскатистый выстрел. Али Шах испуганно присел на корточки, судорожно стал расстегивать кобуру... Пальцы не слушались хозяина. Звериный страх вошел в его душу, сковал все тело. Пуля только обожгла висок Али Шаха и пронеслась мимо. Сетка паранджи помешала быть глазу метким. Огненная лихорадка от материнской муки ослабила, сделала неустойчивой руку, державшую пистолет. Надо стрелять еще, толпа расступилась, но у женщины не было уже сил нажать на спусковой крючок...

Наконец расстегнулась кобура... И он закричал истошно, хрипло...

— Огоны! Огонь! Всех! Всех! Огоны!

Душманы не пощадили никого. От теплой крови растаял снег, где лежали убитые. Мы опоздали. Банда ушла, растворилась в вихре пурги.

— Рафик командир! Он жив!

Это кричит санитар нашего отряда Нарзула. Ему поручено осмотреть убитых, составить обвинительный акт злодеяний душманов.

Пуля застряла где-то глубоко в желудке у Махаммада. Едва уловимо биение сердца, но жизнь не покидает его маленькое, худое, скрюченное калачиком тельце. Солдаты бережно перенесли мальчика в одну из осиротевших хан, уложили на шинели.

Он был без сознания. Нарзула перебинтовал Махаммада, нащупал пульс и с тревогой покачал головой.

— Ну как, Нарзула? Будет жить? — спрашиваю я санитара.

— Совсем плох. Нужна срочная операция. Я ничего сделать не могу... Понимаете, не могу, рафик командир, — расстроенный от своего бессилия, с горечью как бы оправдывался Нарзула.

Я понимаю его. Он недавно окончил всего-навсего трехмесячные курсы санинструкторов. Умел крепко раны перевязывать, ногу при вывихе вправить, укол

¹ Майсафа — старик.

сделать. Но здесь нужен был опытный врач-хирург. А где его найдешь в этом высокогорном кишлаке?

В соседней комнате радист, подобрав под себя ноги, пытается установить связь со штабом полка. Надо сообщить сведения о противнике, не знаю как, но попытаться спасти мальчика. Не то пурга мешает, не то сели батареи, в эфире один треск, никто не выходит с нами на связь. А мальчику все хуже и хуже. И вдруг радист поднял руку, просит тишины. Слушает внимательно, что-то записывает в блокнот. Плотнее прижал наушники, сам заработал на ключе, заговорил на своем языке в эфире. Значит, с радистом все в порядке. Связист повеселел, докладывает с улыбкой:

— На связи советские товарищи! Запрашивают, нужна ли какая помощь? Что прикажете отвечать?

А я, признаться, и не знаю, что отвечать советским товарищам. Попросить, чтобы прислали вертолет с врачом для Махаммада. Но вправе ли я рисковать жизнью советских воинов, чтобы попытаться спасти жизнь одному мальчику. Кто может летать в такую погоду, вон как завывает ветер за забором ханы. А радист, словно мысли мои читает, говорит с уверенностью, как само собой разумеющееся:

— Они могут... Я видел... Летают в такую погоду... Они же русские!..

Собираясь закурить, передумал, прячу пачку в карман. Еще несколько шагов от стены ханы до стены. И решаюсь!

— Выходите на связь с советскими товарищами! Передайте: «Нуждаюсь в помощи!»

* * *

Не знаю как, но в эту дьявольскую непогоду, когда в двух шагах ничего не видно, он нашел наш отряд. Завис над кишлаком, надрывно ревет мотор, а самого вертолета не видно из-за снежной завесы.

Это было похлеще опасного аттракциона под куполом цирка. С двадцатиметровой высоты, раскачиваясь на ветру, как маятники старых стенных часов, с неба, по трапу спускались две человеческие фигурки. Чем ближе к земле, тем они становились выше ростом. Не дожидаясь последних ступенек, русские прыгают в глубокий снег. Вертолет сделал свое дело. Уплывает с ним и шум мотора. Мы спешим к своим друзьям. За плечами у каждого рюкзак, одеты в белые бараньи полушубки. Представляются, как положено настоящим солдатам, чеканно по уставу, лихо вскинув руку к шапке-ушанке.

— Лейтенант медицинской службы Петров!

— Сержант Ниточкин!

Я по старому нашему обычаю троекратно обнимаю гостей.

...Нам не нужен был переводчик. Лейтенант Петров свободно говорил на фарси. Увидев удивление на моем лице, пояснил:

— Отец — специалист по восточной истории, привил любовь к фарси с детства. Ну, а что мальчик, еще жив? Да идемте скорее, что мы стоим!

Навстречу короткому дню пришли сумерки. Я ждал доктора во дворе ханы, по которому расхаживали, кудахтая, голодные куры. Лейтенант вместе с Ниточкиным долго осматривали мальчика. Вышел один, без полушубка, тревожный, взволнованный. Охотно взял сигарету из моей пачки, молча закурили. Петров хоть и в медицинском халате, а на доктора не похож. Нет у него этакой солидности, докторской важности. У нас в Афганистане на доктора молятся, как на святого. Еще бы! На 15 миллионов жителей Афганистана врачей приходилось до Апрельской революции чуть более тысячи. И лечили они только богатых и знатных людей. Многие бойцы моего отряда врачей и в глаза никогда не видели, где их найдешь вот в таких кишлаках, как этот.

Мне повезло... Мой дядя по матери был доктором. Ходил он как индюк надутый, в глаза никому не глядел, слово молвил, что жвачку жевал. А этот в движениях быстр, глаза внимательные, голубые-преголубые, как небо в ясный день. Белобрысый, губы девичьи, пухлые, курит жадно, глубоко затягиваясь...

— Ну что, лейтенант, плохи дела у мальчика? — спрашиваю я его.

— Плохи, — говорит он тихо. — Две пули в брюшине. Надо срочно оперировать!

— Как, прямо здесь, в хане? — Искренне удивляюсь я.

— Здесь... Ниточкин уже готовит раненого к операции.

— А ты не боишься ее делать?

— Откровенно? Очень боюсь. Это же моя первая операция в полевых условиях.

Не докурив, вмял с силой носком сапога окурки в снег.

— А может, не стоит... Зачем такого маленького перед смертью мучить... — неожиданно сорвалось с моего языка.

Лейтенант так посмотрел на меня, что я отшатнулся. А он повернулся через левое плечо, одернул халат и твердой походкой пошел в хану.

...Быстро смеркалось. В комнату, где предстояло делать операцию, солдаты внесли сбитый топчан, покрыли его клеенкой. Это будет операционный стол. Другого не найти. Пусты крестьянские дома, нет здесь ни стола, ни стула. Привыкли люди сидеть на полу, поджав под себя ноги. Мы собрали все керосиновые лампы, какие нашли в кишлаке. Заправили керосином, поправили фитили, чтобы не коптили, отдраили стекла от коюти... Зажгли. Светло как днем, а он все недоволен.

— Это не свет, а черт знает что... Неужели больше ничего нельзя придумать? Думайте, думайте, командир!

Придумал. У нас в отряде было несколько больших и ярких японских электрофонарей. Дал команду, принесли. Несколько солдат будут светить во время операции.

— Мне нужны такие, чтоб хорошо светили, не дергались, крови не боялись во время операции. Смышленных и расторопных!

А сам над тазом медным нагнулся, стал мыть

лицо и руки, готовиться к операции. Ассистировать будет сержант Ниточкин. Он же будет выполнять обязанности операционной сестры. Ниточкин по образованию фельдшер. Тесен операционный халат в плечах коренастому сержанту, руки сильные с бугорками пухлых вен. Он готов, ждет только приказа лейтенанта. Вспыхнули яркие лучи, хирург склонился над мальчиком. Операция началась, и вдруг полоснула далекая, глухая автоматная очередь. Ей ответила встречная, уже громкая и длинная. Застучал, захлебываясь, пулемет. Это совсем рядом огнь ведет первый пост. Влетел, как вихрь, связной:

— Душманы! Спустились с перевала, выходят к околице!..

— Гаси свет! В ружье! — приказываю я.

— Отставить! — Неожиданно резко и громко на фарси командует лейтенант.

Солдаты в растерянности: кого слушать, браться ли за автоматы или светить фонарями. А он снова громко и повелительно:

— Свет! Давай на меня! Свети лучше... Да не дрожите вы, как зайцы!

Совсем рядом ахнула мина, посыпалась глина с потолка. Дальше рисковать было невозможно.

— Прекратить операцию! Слушай мою команду!

Петров даже головы не повернул. Молча работают с сержантом.

— Лейтенант, вы с ума сошли! Бой начался. Надо гасить свет, если не желаете стать мишенью для душманов!

— Да полно вам, прекратить истерику! — осядает он меня чужим незнакомым голосом. Оторвался на миг от стола, повернулся ко мне, лицо закрыто, видно только глаза... Они смотрят на меня строго и холодно...

— Не мешайте работать... Ваше место в отряде... Идите, принимайте командование, занимайте круговую оборону, бейте в хвост и в гриву этих мерзавцев!

— А вы?

— Не беспокойтесь. Мы знаем свой долг, на крайний случай оружие с нами...

И уже мягко, как уговаривают врачи больного проглотить горькую пилюлю, просит:

— Постарайтесь, пожалуйста, не подпускать бандитов. По крайней мере пока не закончу операцию. Идите. Не волнуйте меня, командир. Помогите спасти мальчика! Договорились? Вот и хорошо... Займемся каждый своим делом.

Банда Али Шаха, как оказалось потом, не могла пройти через перевал. Высланная вперед разведка душманов натолкнулась на прочный заслон солдат армейской части и отряда добровольцев защиты революции. Без единого выстрела, осторожно, как кошка с взъерошенной шерстью перед собакой, попятился назад Али Шах со своими головорезами. Голод и холод погнал их по старым следам. Расчет был прост. На пургу и неожиданный ночной удар. Враг не застал нас врасплох. Похоронив до захода солнца погибших сельчан по всем мусульманским обычаям, я удвоил караулы. Али Шах нарвался на плотный прицельный огонь. Освещая место боя ракетами, мы с

хороших позиций расстреливали душманов в упор, не пропуская их в кривую улочку, где ярко горел свет в одной-единственной хане в эту темную, тревожную ночь.

Понеся большие потери, Али Шах отступил. Мы сделали свое дело, как и полагается солдатам народной армии. Справился со своей операцией и русский доктор, лейтенант Петров... Весь мокрый от пота, сорвал с себя маску, стащил с рук операционные перчатки, сказал устало, негромко:

— Вот и все!..

Прислонился спиной к оконцу, чтобы остудиться, взвешивает на вытянутой ладони две ставшие бурными от застывшей крови свинцовые пули, извлеченные из тела мальчика.

— Это ему на память. От русского доктора дяди Вани...

И заулыбался своими пухлыми губами, довольный собой, что сумел-таки осилить, успешно провести эту сложнейшую операцию в необычных полевых, а точнее фронтовых условиях...

И вдруг шальная пуля, продырявив стекло оконца, впилась ему в спину. Доктор вздрогнул, с удивлением оглянулся, посмотрел в темноту ночи и медленно, цепляясь руками за стенку, стал валиться, как подкошенная сосна от острой пилы лесоруба.

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! — закричал не своим голосом Ниточкин и бросился к доктору, не дал упасть ему на земляной пол, принял на свои руки.

...Он лежал на мягкой соломе, укрытый своим полушубком. Лицо сразу осунулось, потускнела голубизна глаз. А рядом — Ниточкин. Растерялся сержант, не знает, что и говорить в таких случаях надо.

— Рана пустяковая... Я вот укольчик сделаю...

— Не суетись и не хитри, Саша, — отвечает Петров тихим голосом. — Укольчик твой не поможет... Я врач... Все понимаю...

Попытался чуть пошевелиться, боль по всему телу. Застонал тяжело.

— А вы потерпите, товарищ лейтенант... Скоро наш вертолет прилетит... По радиации сообщили... В один миг в госпитале будем... — успокаивает Ниточкин.

Петров знал, что свои в беде не оставят. Интересно, кого пошлют. Вопрос только один: не поздно ли будет?

В части все пилоты классные и отчаянные. Особенно, когда надо спасти человека... Вот и сейчас можно не сомневаться, прилетит в любую погоду.

— А может, попить желаете? — Ниточкин никак не уgomонится. — Чай черный, как деготь.

— Иди лучше к мальчику... Там ты больше нужен. Я здесь с командиром... поговорю. Иди же, Саша, иди!

Ниточкин бурчит что-то невнятное себе под нос, но слушается лейтенанта, идет в соседнюю комнату, где еще не отошел от наркоза Махаммад. Я ближе подсаживаюсь к Петрову.

— Что, прибавил я тебе хлопот, командир, — улыбается он через силу.

— Ничего... Все обойдется, — говорю я ему.

— Обойдется,— думая о своем, соглашается он со мной.— Махаммад будет жить! Это точно... Это главное... А остальное несущественно... Главное — мальчик!

— Мы все не знаем, как благодарить тебя, доктор.

— Свои люди — сочтемся,— пытается он шутить.

Помолчав немного, лизнул языком шершавые губы и с вопросом, довольно неожиданным, обратился ко мне:

— А ты женат, командир?

— Не успел еще, все воюем...

— Я тоже не успел... В отпуск собрался... Свадьбу играть дома. А ночью подняли по тревоге... По вашей просьбе... На помощь... — Рассказывал с придыханием лейтенант. — Невесту Таней зовут. Она у меня добрая. Лицо смешливое, в веснушках... А глаза синие с отливом... Глянешь в них — на душе радость...

Веки прикрыл, устал, лежит тихо, Таню свою вспоминает.

Я хотел встать потихонечку, огонь убавить в керосиновой лампе... А он снова заговорил.

— Не уходи, посиди рядом,— просит лейтенант. — Скоро снег растает, потеплеет... Сеять надо... Вы, пожалуйста, быстрее кончайте свою контру. А тогда ко мне в Орел, в гости... Испечет мама пирог. Угостит молочком топленым с пеночкой зажаристой... Только адрес запомни. Обязательно...

...Я запомнил твой адрес, Ваня. На всю жизнь. Не раз брался за ручку, чтобы написать письмо родным, и не мог. Мы все же поймали Али Шаха, разгромили его банду. Скоро очистим всю нашу землю от этой нечисти... Скоро! И тогда я обязательно приеду в Орел, Московская улица, дом 114.

Приеду, чтобы низко поклониться твоим степным полям, отцу с матерью, твоей Тане...

А в кишлак этот, что под небесами, я еще вернусь, не один, с воспитанником нашего отряда, со смелым разведчиком Махаммадом... Мы придем, чтобы помочь построить новым жителям кишлака для детишек школу... Школу имени советского лейтенанта Ивана Петрова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Доколе нам к этому миру стремиться, от страсти дрожа? Доколь раздвигать нашу душу и тело он будет, как ржа? Коль долю твою увеличить не могут усилья твои, Не лучше ль избрать своей долей сидение руки сложа?

Сана'и Абулмаджид Махмуд ибн Адам

В ту ночь я так и не осмелился рассказать Ахмаду о встрече с Джамилей. По сей день не могу объяснить причину, почему я скрыл от самого близкого друга все, что произошло у меня с Джамилей. Может, потому, что сам Ахмад был не совсем равнодушным к девушке. По крайней мере мне так казалось. А может, последовал древней афганской пословице: лучше отрезать собственный язык, чем поведать третьему об измене любимой женщины. Я умолчал о

Джамиле, а он, оказывается, знал о нашей встрече... но мне ни слова... Не в характере Ахмада было заглядывать через дувал на чужой двор. Любил не раз повторять, что для ран сердечных есть одно доброе лекарство — время. Но не этой мудростью руководствовался он при нашем свидании тогда в отеле.

Он знал о Джамиле такое, что боялся произнести вслух. Наверное, в душе был очень благодарен мне, что я не вспомнил ее имя... Иначе надо было рассказать всю правду... А он шадил меня, берег как друга и боевого товарища перед заключительной операцией «Икс-81»... Лучше сказать все сразу потом, когда сладится дело, когда будет выполнена поставленная перед нами задача.

* * *

Она не удивилась звонку Ахмада. Такое нынче время, афганцы в эмиграции быстро вспоминают всех своих знакомых, ближних и дальних родственников, кто может помочь бедному человеку на чужбине.

— Приятно слышать твой голос, Ахмад,— отвечала Джамиля по телефону. — Хотел бы повидаться со мной? Я буду рада встрече со старым другом. Где?.. — Она призадумалась только на одно мгновение и тут же дала ответ. — Прокатимся на моем катере... Жду у причала номер пять.

Несется по голубой глади залива легкий, как птица, быстроходный катер. За рулем Джамиля... Ахмад смотрит на нее и не узнает бывлой красавицы. Джамиля поблекла, и никакие модные кремы и маски не могут вернуть ее лицу прежнюю свежесть юности. Глаза спокойные, без единой искры жизни, ко всему равнодушные. И к бешеной скорости, и к россыпи серебристых брызг от разрезаемой волны стальным носом белого катера. Она старалась казаться веселой, но улыбка у нее получалась натянутой и неестественной.

— Ну как ты живешь, Джамиля? — спрашивает ее Ахмад.

— Живу... — неопределенно отвечает она.

— Ну, а все же?

— Лучше расскажи о себе, Ахмад,— просит она.

— Что ж, я не жалею о своей судьбе. Живу хорошо, честно служу партии.

— Это как прикажешь тебя понимать? Какой же ты служишь партии, если ты сейчас в Пакистане? — допытывалась Джамиля.

— У меня была и остается одна партия — Народно-демократическая партия Афганистана. И от ее имени я пришел к тебе за помощью.

Джамиля руль катера из рук выпустила, смотрит на разведчика с удивлением, пытается понять, шутит он или нет.

— А ты не боишься, что я заявлю о тебе местным властям?

— Ты этого не сделаешь,— уверенно заявляет Ахмад.

— Да почему же? — удивляется Джамиля. — Я же вышла из НДПА.

— Совесть тебе не позволит... Да, ты оставила ряды нашей партии. Сошла в сторону с трудной тропы. Это слабость, но не предательство. Ты не подняла руки на свою родину. Мы продолжаем верить тебе, Джамилия.

— Кто это мы?

— Твои друзья, твой народ...

Рука ее машинально потянулась к щитку управления. Она слегка повернула ключ, выключила зажигание, откинулась на спинку кресла, запрокинула голову к синему небу и замерла, как замороженная. Катер какое-то время все еще двигался по инерции, но вот кончились его силы, стал беспомощным, неуправляемым, подставляя свои борта легкой волне.

Ахмад старался не смотреть на Джамилию, перегнувшись через борт, курит молчаливо. Ахмад ждет, что скажет она в ответ на его слова. Внешне, со стороны, он казался абсолютно спокойным человеком, которого сейчас больше интересуют водоросли в светлой воде, чем ответ Джамили. Только частое машинальное разглаживание усов выдавало его волнение... Ахмад ждал, Ахмад надеялся. Он вопреки очевидным фактам продолжал верить Джамиле, как товарищу по борьбе. А вот его друзья по разведке о ней были другого мнения.

— Женщина эта коварная и опасная. Ради личного благополучия она порывает с партией, меняет революционную борьбу на сытость и роскошь в семейном кругу. От нее помощи ждать, что от козла молока, — утверждал на оперативном совещании у генерала полковник Ясан Сахед.

— Она предатель в большом и малом, в общественном и личном, — дополняет нелестную характеристику бедной женщины другой коллега. — Из-за нее Салех попадает в тюрьму. Он верит, что Джамилия его любит, Джамилия его ждет... А ее след простыл, не стала ждать, когда его выпустят на свободу, бросилась, бесстыжая, на шею другому. Нет, доверия не внушает, может завалить всю операцию.

У подполковника свое, особое мнение... Он лучше всех из присутствующих знает Джамилию.

— Это была смелая подпольщица, страстный пропагандист, — говорит Ахмад вопреки мнению своих товарищей. — А вспомните, как сломя голову в апрельские дни она первая, вместе с солдатами, бросилась на штурм президентского дворца и схлопотала ранение... Не успели повязку с руки снять, добровольцем поехала в горы проводить ликбез... Там она столкнулась с жестокой реальностью жизни и не выдержала, надломилась, как хрупкая ветка на сильном ветре. Но на Джамиле нельзя ставить крест. Ей можно, ей нужно верить!

У Ахмада Хана нашлось много и других доводов и аргументов, чтобы убедить генерала дать согласие на прямой контакт с Джамилей...

— С ней не надо хитрить... Разговор должен быть прямой и честный, — напутствовал его в дорогу генерал.

Конечно, разведчики шли на определенный риск, но другого, более безопасного пути в этой операции

не было. Лишь бы только не ошибиться в Джамиле, найдутся ли у нее силы для такого нелегкого, но святого дела.

...Она вздохнула, подала свой голос:

— Что я должна сделать?

— Помочь обезвредить одного матерого убийцу.

— Кто он, как его имя?

— Профессор Адина Муртаза.

— Кто, кто? — не веря еще словам Ахмада, переспросила Джамилия.

— Профессор Адина Муртаза. Убийца сотен людей, среди которых дети и женщины.

Она, как кошка в испуге, метнулась от Ахмада к противоположному борту, замахала руками, будто при встрече с дьяволом, закричала истошно, надрывно:

— Нет, нет, нет, это не правда! Не верю!

Испугались ее крика чайки, сорвались, бросили свою охоту за рыбой, вспорхнули в небо и загалдели на все лады, кружась над одиноким катером в море.

* * *

Он оставил номер телефона, где ждали звонка от Джамили и днем и ночью... Прошла неделя после их встречи, а она не давала о себе знать. Затянулся их разговор тогда на быстроходном катере... Когда она пришла в себя, Ахмад вручил ей в руки объемистую папку с документами расследования одного страшного преступления...

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

И света я, и темноты боюсь,
И зла боюсь, и доброты боюсь,
Боюсь я тени собственной, не верю
Я сам себе, своей мечты боюсь...

Камалабдин Исфохани

С тех пор как у Адины появилась собственная лаборатория, он редко стал бывать дома. Поначалу они не виделись с Джамилей неделями, а теперь уже и месяцами. Она не роптала, была терпелива, ожидая мужа. Так уж у них было заведено с первого дня супружества — жена не вмешивалась в дела Адины, не задавала, как говорится, лишних вопросов. А профессор не считал необходимым вводить жену в курс своих научных проблем. Для этого ему следовало бы прочитать целый университетский курс, чтобы жена хоть какое-нибудь понятие имела, чем занимается профессор. А он не располагал свободным временем. Работал днем и ночью, как одержимый, не давал ни себе, ни своим сотрудникам передохнуть, останавливаться на полпути в эксперименте. Существование лаборатории держалось в строгом секрете. Ее постарались надежно укрыть в глухих горах, недалеко от границы с Афганистаном. Лаборатория — настоящий королевский подарок Абдулы Бури своему ученому другу. Трудно сказать, на какие бешеные деньги он создал эту лабораторию, оснатив ее всем необходимым обо-

рудованием для исследовательской работы. Абдула, как и при Амине, был щедрым меценатом профессора, его неотступным ангелом-хранителем от дурного глаза и случайной пули. Лидер партии «Шамшари ислами» выделил надежных людей для охраны лаборатории, постоянно был в курсе всей работы над новым препаратом.

— Я жду его, как дар всевышнего... О нем постоянно спрашивают наши друзья из известных тебе посольств, — говорил Абдула профессору. Несмотря на свою занятость, он находил время побывать в лаборатории, подстегнуть, как он любил выражаться, научную мысль плеткой умелого наездника. И вот, наконец, свершилось: препарат был готов. Профессор Адина Муртаза совершил крупное научное открытие, о котором скоро заговорит весь мир...

...Джамиля никогда не видела его таким возбужденным и таким смешным. Адина приехал к себе на виллу среди ночи, поднял ее сонную с постели, закружил по комнате, потребовал шампанского и фруктов.

— Ура! Я добился своего! Препарат создан! Препарат действует!

Включил на всю мощь магнитофон и стал под бешеный барабанный ритм прыгать, как кенгуру, перед Джамилей, рычать зверем, сбрасывать на ходу пиджак и галстук, рубашку и ботинки. Она смеялась до слез, глядя на этот танец дикаря, а потом и сама пошла в пляс, завертелась, закружилась в водовороте с оглушающей мелодией. С распущенными волосами, босоногая, с обнаженной грудью, гибкая и быстрая, она звала к себе, красивая и нетерпеливая. Потом, когда поостыли, Адина поднял бокал ледяного шампанского...

— Я долго искал название своему новому препарату. Сейчас оно найдено: препарат «Джамиля»! Я пью за это чудесное имя, о котором завтра узнает весь мир! За мою «Джамилю»!

Одним духом осушил бокал и тут же, не глядя, бросил его через плечо. Надо бы ему разбиться на счастье в этом доме, да мягкая шкура бадахшанского медведя на полу сберегла дорогой хрусталь. Тогда, лежа уже с ней в постели, у него вдруг появилось желание рассказать ей всю правду. Он опоздал. Препарат давно открыли американцы. Но ему оказана высокая честь: профессор Люкс принял его предложение, и новый препарат получил имя «Джамиля». Ему поручено массовое его производство... Разве это не праздник?! Но она, хмельная от ласк и шампанского, уже уснула, крепко прижавшись к его груди...

И только теперь Джамиля узнала, что в действительности представляет собой препарат, носящий ее имя, для каких целей он предназначен.

Перед ней объемистая кожаная папка, которую, прощаясь, вручил ей Ахмад.

— Здесь в копиях все факты и документы... ознакомься с ними и реши сама, как тебе жить и действовать дальше, Джамиля!

Давно служанка принесла ей в комнату ужин, но она даже не притронулась к нему... Страх и ужас запали в душу Джамили. Она сгорбилась в кресле, но-

ги под себя поджала. А тут еще налетел ветер, забарабанил дождевой крупой в стекла, растревожил свирепого сторожевого пса на дворе, воет, окаянный, словно беду чувствует в доме. Закрывает глаза, хотелось заснуть, забыться в мягком кресле под верблужьим пледом, да не может... Кожаная папка Ахмада что раскаленные угли на ее коленях... И снова она читает и леденеет душой.

Из допроса арестованного диверсанта Шейха Вели:

«Специальную подготовку проходил в секретной лаборатории профессора Адины Муртазы. Нас было двадцать человек, которых лично отобрал в учебном лагере Абдула Бури и направил в распоряжение профессора. Переходили границу мелкими группами, а затем каждый действовал самостоятельно. Я работал под Джелалабадом, опрыскивал виноградники и сады новым препаратом профессора, получившим наименование «Джамиля». Кроме этого, я должен был точно знать количество жертв, характер и продолжительность мучения отравленных, место их захоронения. Затем мне предстояло похитить один из трупов умерших и доставить в условленное место для переправки в секретную лабораторию. Это было необходимо, как объяснял профессор, для продолжения научного эксперимента, уточнения действия «Джамили» на человеческий организм от младенческого возраста до глубокой старости».

Из сообщения газеты «Хакикати инкилаби саур»:

«Вчера в кабульской школе-интернате для сирот скоропостижно скончалось двадцать человек из младшей группы. Причина смерти — отравленное молоко, которое они пили во время завтрака. Ведется следствие».

Из сообщения газеты «Тулуйи афган»:

«На ковровой фабрике Кандагара произошло массовое отравление работниц, несколько человек из которых, несмотря на принятые энергичные медицинские меры, вскоре скончались на месте. Остальные были доставлены в госпиталь и находятся в тяжелом состоянии. Как стало известно нашему корреспонденту от представителей следственных органов, несчастие произошло в результате употребления в пищу отравленного неизвестным ядом мяса баранины в общем котле столовой».

Выдержка из заключения судебно-медицинской специальной правительственной комиссии:

«Установлено, что за последний месяц на территории ДРА зарегистрировано свыше тысячи тяжелых отравлений. Четыреста десять человек спасти не удалось. Проведенные медико-патологические исследования трупов подтвердили идентичность во всех случаях отравления новым, еще неизвестным в нашей стране, препаратом, который действует только на организм человека и не оказывает смертельного действия на животных. Захваченные на месте преступления диверсанты из-за рубежа показали на следствии, что препарат изготовлен в секретной лаборатории профессора Адины Муртазы и носит имя «Джамиля».

Из резолюции общего собрания ученых Академии наук Демократической Республики Афганистан:

«Мы, ученые революционного Афганистана, клеймим позором тех, кто создал препарат «Джамия», препарат смерти. Мы решительно требуем сурового суда над душманами в белых халатах. Пусть на их головы обрушится гнев всех народов нашей горячо любимой родины и да свершится как можно скорее справедливое возмездие над преступниками человечества!»

Документы сменяют фотографии. На Джамию смотрят сведенные мукой и болью мертвые лица сотен людей разного возраста и пола. А вот и лицо ее мужа. Оно радостное, живое. Развешаются на ветру полы профессорского шелкового халата, сбился немного в сторону модный узкий галстук. Он пожимает крепко руку какому-то человеку, который на голову его выше, заросший от самых глаз жесткой бородой, с засученными рукавами рубашки, сверху которой расстегнутый жилет... За широким поясом торчит увесистая ручка полицейского кольта. Чуть в стороне, на брезенте, труп мальчика лет пяти. Ему не успели закрыть глаза... Большие, стеклянные, они удивленно смотрят на кусочек далекого неба. К фотокарточке есть и пояснение. Печатные арабские буквы сообщают, что на снимке профессор Адина, который благодарит одного из диверсантов, доставившего в лабораторию первое доказательство действия препарата «Джамия».

Она не стала смотреть дальше, с нее хватит. Иначе, чувствует, сойдет с ума. Захлопнула страшную папку, отодвинула ее подальше от себя на журнальный столик. Рывком сбросив плед на пол, поднялась с кресла и медленно пошла к телефону. Долго смотрела она на вишневую пластмассовую коробку аппарата. Наконец, решилась, стала набирать нужный ей номер. Сказала сразу осевшим, чужим голосом:

— Алло! Говорит Джамия! Передайте Ахмаду — я согласна!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Я умру, что останется? Лучик во мгле,
От опавших цветов лепестки на земле.
Свиток жизни исписан, вздох сделан последний,
Искра поздняя гаснет в холодной золе.

Фахраддин Ираки

...Мулла легонько толкает Джамию локтем. Она вздрогнула, удивилась, что темно вокруг, не заметила, как ночь подкралась.

— Подъезжаем!.. Сейчас за поворотом караульный пост... Может, остановимся. передохнем немного перед трудным делом, соберешься с мыслями? — предлагает ей мулла.

— Нет, останавливаться не надо... Со мной все в порядке, — говорит Джамия, поправляя растрепавшуюся прическу.

— Ну, держись, Джамия, смотри, не оплошай, на тебя все сироты и вдовы смотрят... Да не даст аллах остыть твоей злости, пусть на время сердце твое станет каменным при встрече с убийцей! — как заклинание, произнес мулла.

* * *

Лучи фар уперлись в полосатый шлагбаум. Раздался нечеловеческий, гортанный крик. Это часовой, напуская страх на неизвестных, подал свой строгий голос, потребовал остановиться и для остротки еще шелкнул затвором автомата. Мулла выключил мотор, оставил светить одни подфарники, положил руки на «баранку» и замер в ожидании. Джамия отчетливо слышит, как пульсирует кровь в висках, выпрямилась, спиной не касается сиденья. Минуты ожидания кажутся вечностью. Вот и началась операция. Удалось ли Ахмаду обеспечить «зеленую улицу» для въезда на территорию лаборатории или надежда только на пропуск? Яркий свет больно ударил по глазам Джамии.

— Аллах послал нам великую радость! Яркая звезда осветила мрак нашей ночи! — услышала она несколько необычное приветствие из темноты. И незамедлительно поспешила с достойным ответом:

— Звезда, слепленная из лести, не радость, а беду приносит!.. — И тут же деловым тоном: — Надеюсь, вам сообщили из штаба господина Бури о нашем намерении посетить мужа?

— О да, почтенная госпожа. Адъютант господина Бури уважаемый Махаммад лично сообщил только сейчас по радию о вашем ожидаемом прибытии. Разрешите представиться, начальник караула Надыр. Добро пожаловать в зону «А»!

У Джамии отлегло от сердца, Ахмад сделал свое дело, караульная служба уведомлена о госпоже профессорше.

— Вам нужен мой пропуск? — спрашивает она Надыра и, не дав ему ответить, тянет через открытое окно машины свою руку... — Вот, пожалуйста, смотрите... Я понимаю, во всем должен быть порядок... Служба есть служба.

Снова вспыхнул яркий луч фонаря, она не видела лица караульного начальника, только губы, отвислые, шевелятся медленно, читая серьезную казенную бумагу... Джамия только догадываться могла, как нелегко достался Ахмаду этот форменный пропуск в закрытую зону, без всякой подделки, новенький, на хрустящей плотной бумаге. Он разрешал почтенной ханум Джамиле вместе со своим шофером — слугой Абдуразаком пребывать в закрытой зоне «А» в течение трех дней. Документ скреплен печатью и личной подписью самого Бури...

— Желаете позвонить с нашей проходной господину профессору? — любезно предлагает начальник караула.

— Нет, нет — поспешно отвечает Джамия... — Без всяких звонков. Хочу преподнести сюрприз мужу, явиться в его дом неожиданно-негаданно. Вы меня понимаете?

— Понимаю, понимаю! Именно об этом просил и господин адъютант Махаммад, — говорит Надыр. — Он так и сказал: надо преподнести господину профессору неожиданную радость, дверь открывается — и на пороге очаровательное создание.

— Вы опять мне льстите, молодой человек... А я, между прочим, очень устала с дороги...

— О, извините, извините... Вам нужен сопровождающий?

— Буду признательна! — отвечает Джамиля.

— Эй, Нур! Давай в машину! Покажешь дом профессора!.. Да не перепутай, самый крайний, у обрыва! — командует начальник караула. — Желаю приятно провести время в нашей зоне, ханум, — говорит он на прощание и исчезает в темноте.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Нет сердца у меня, души и тела нет,
Лишь призрачная плоть — из всех живых примет.
Лишен свободы я, лишен я даже тени —
Отбрасывает тень лишь то, во что одет.

Сана'и Абулмаджид Махмуд ибн Адам

Высоко в горах, где за высоким каменным забором расположились строения лаборатории, по вечерам было дьявольски холодно и сыро. А здесь, в небольшом кабинете, потрескивали сосновые смолистые поленья в камине, было тепло и уютно. Глоток доброго коньяка и чашечка крепкого кофе по-турецки постепенно снимали усталость рабочего дня, который длился у профессора от зари до зари. Он вытянул ближе к огню босые пятки, удобно уперся блестящей лысиной в спинку мягкого кресла и закурил, наслаждаясь ароматом дорогой гаванской сигары. Можно, наконец, легко вздохнуть, побыть наедине со своими сокровенными мыслями, забыть о суматохе прошедших дней. Сегодня завершилась вся подготовка к массовому производству препарата «Джамиля». Через подставные фирмы афганский ученый получил от института профессора Люкса необходимые компоненты, которые в результате определенных химических реакций превращаются в препарат смерти. Секретом такой технологии химических процессов в лаборатории владел только один человек — доктор Адина Муртаза. И держал он этот секрет в бронированном сейфе своего рабочего кабинета.

Вот и добился Адина своего. На его счет в одном из надежных европейских банков была перечислена такая сумма, о которой он и мечтать не мог. Абдула Бури с разрешения своих заокеанских хозяев щедро оплатил успех действия препарата «Джамиля».

— Наши друзья довольны твоей работой. Ценят твои научные усилия, — говорил Бури при очередной встрече. — Сейчас от нас требуют повторения опытов воздействия «Джамиля» на живые организмы в более массовых масштабах. И если мы серьезно возьмемся за дело, заработаем миллионы!

— А за что, собственно, этот шарлатан собирает получать мои миллионы? — сам с собой рассуждает профессор. — Прилип, как репейник к штанам, все норовит от чужого пирога кусок себе отхватить побольше. Нельзя ли обойтись без него?

Адина давно собирался избавиться от опеки Бу-

ри, выйти на прямую связь с хозяевами, повести собственное дело так, как ему заблагорассудится. Но Абдула держал ученого в цепких руках. Якобы в целях безопасности Абдула лишил профессора связи с внешним миром, посадил его под надежную охрану в далеких горах... Правда, здесь есть все условия для работы и отдыха. Но практически ученый и шага сделать не может без согласия лидера. Даже на встречу с женой он должен запрашивать по рации разрешение от Бури. Приезд же ее сюда, в лабораторию, категорически запрещен. Никаких посторонних людей, строгая секретность задуманного предприятия. Нет, он больше не потерпит такого унижения, насилия над собой. Много лет своим умом и горбом пробивал он себе путь в науке... И вот приходят слава и деньги, он не нуждается больше в помощи Бури, готов с ним рассчитаться за лабораторию. Впрочем, без него сейчас нельзя, без него небезопасно жить профессору на белом свете. Бури сообщил, что правительство нового режима объявило профессора Адину государственным преступником. Ученый, который изобрел препарат «Джамиля», привлекался к суду как уголовный элемент. Ох, не дошли бы эти слухи до Джамили. Она у него настоящая святоша, хочет жить, отгородившись от всех своим дувалом, подальше от зла и насилия. Интересно, что скажет Джамиля, узнав истинное назначение препарата, которому он присвоил ее имя. Устроит скандал, будут слезы, хлопнет дверью и навсегда покинет дом? Ну и черт с ней, найдется другая, вроде молодой лаборантки Айшет. Послушная, что козочка ручная. Стоит только позвонить ей по местному коммутатору, прибежит. Не девка, а чертенок из преисподней. Хотел было протянуть руку к телефону, позвать, встряхнуться, но остановился... Неожиданно вспомнил, что говорил ему, прощаясь, Бури:

— По моим данным, за тобой началась охота... Тебя собираются выкрасть или ликвидировать на месте.

— То есть как, ликвидировать на месте? — холодея спиной, переспросил он тогда Абдулу.

— Очень просто, — ехидно улыбаясь, отвечал Абдула своему другу. — Выстрел из-за угла, случайная автомобильная катастрофа на дороге или нож в спину. Так что сиди лучше здесь и нигде носа не показывай! Береги свою жизнь и сейф! Они нынче в большой цене! — и расхохотался, глядя на испуганное лицо профессора...

Адине и сейчас невдомек, шутил тогда Бури или говорил правду... Он невольно покосился на дверь, что вела в спальную комнату. Там, как и в кабинете, решетки на окнах, металлические ставни, через которые солнце не заглядывает. Бронированный сейф незаметно вмонтирован в каменную стену. Документацию технологического процесса изготовления препарата «Джамиля» охраняла сложная японская электронная система. Здесь, на холодных металлических полках сейфа, покоилось самое дорогое, что имел в жизни Адина Муртаза, — секрет изготовления нового бактериологического оружия. Неожиданно ему пока-

залось, что кто-то в упор смотрит ему в затылок... Надо бы повернуться, посмотреть, не может... Мурашки пошли по телу, явно нервы сдают, надо бы выпить еще рюмку коньяка... Но кто все же упорно сверлит ему своим взглядом макушку... Рывком встал с кресла, повернул голову и окаменел. На него не мигая смотрел человек с обезображенным лицом, держа в руках пистолет. А рядом с ним, сурово сдвинув брови, стояла Джамия. Нет, он явно начал сходить с ума, переутомился, галлюцинация, чертовщина какая-то. Чудовищный головорез с большой дороги и его жена! Как они могли появиться в его кабинете, кто пустил, кто посмел? Неожиданно возникла тупая боль в груди, подкосились ноги, и он медленно стал оседать на пол. Его подхватили сильные мужские руки, трянули за шиворот раз, другой, да так, что Адина пришел в себя...

— Ключи от сейфа! — услышал он команду от страшного человека, в широкий профессорский лоб устави́лся тупой нос вороненого ствола пистолета.

Адина готов подчиниться ему, да руки от страха трясутся, никак до ключа добраться не могут.

— Давай, давай, шевелись, профессор! — подгоняет его незнакомец и, видя, что Адина никак не справится с приказом, сам запускает руку во внутренний карман его мягкой замшевой куртки.

— Вот он, держи! — ключ от сейфа летит в руки Джамии. — Приступай к работе в спальне, а я покараулю этого дьявола здесь, в кабинете. А ну ложись на пол, лицом, лицом на ковер и чтобы тихо, — предупреждает мулла профессора.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Розу спросил я: «Что с этой тучей? Плачет. Что за печали? Слезою горючей плачет». Слышу: «О краткости жизни твоей горюет И о кончине моей неминуемой плачет».

Фарьяби Захираддин Тахир ибн Мухаммад

Ахмад понимал, что не все может быть так гладко в операции на деле, как предусматривалось планом диверсии, утвержденным центром. Возможны всякие случайности, непредвиденные обстоятельства. Разведчики, как и саперы, ошибаются один раз в жизни. Но здесь не было ошибки. Джамия недаром прошла выучку у хороших специалистов. Легко и быстро справилась с электронной техникой сейфа, и заветный кейс с секретной документацией технологического изготовления препарата Муртазы был в ее руках... И вдруг...

Чуткое ухо муллы уловило слабый, мучительный стон, а потом и ее шепот:

— Мулла... помоги... скорее... — Одним прыжком, забыв о своем пленнике, он бросился к Джамии в спальню. Она лежала на мягком цветном ковре без единой кровинки в лице и стонала от боли... Цепкие руки прижимали к груди злополучный кейс...

— Что с тобой, Джамия? — спросил он с тревогой, наклонясь над женщиной.

— Мне больно... Тошнит... Возьми документы... голова кружится, нет сил... Я умираю!

Она закрыла глаза, испарина появилась на ее лбу. Мулла, еще не понимая, что случилось с Джамией, бросился было тормозить ее, растирать виски, поднял голову повыше и тут же бережно стал опускать на ковер. Слева, на шее Джамии, ближе к золотым ссрезкам, он увидел две красные точки, которые начали расширяться буквально на глазах. С детства он знал, кто мог оставить такие метки на теле человека, и невольно повернул голову к раскрытому сейфу... Здесь, вдоль стены, вытянувшись пятнистым толстым метровым жгутом, высунув длинный, черный язык, разделенный на две половинки, лежала дохлая гюрза... Та самая, с ласковым именем Гуля, что напугала на теплоходе когда-то Джамию. Такого никто не мог предвидеть. Не доверяя хваленной японской электронике, профессор рядом с сейфом держал самого надежного сторожа — ядовитую змею, свою Гулю. Она дала возможность вскрыть сейф и завладеть секретами профессора, но выйти из спальни чужому человеку оказалось невозможно. Гюрза спрыгнула со шкафа прямо на голову Джамии, повалила ее на пол и вонзила свои два ядовитых зуба в мягкую белую шею... Она знала только одного хозяина и верно служила только ему. Жизнь покидала Джамию. Она погружалась в белую, мягкую пелену, на смену мучительным страданиям пришли облегчение, спокойствие и тишина. И вдруг боль снова судорогой пробежала по всему телу, широко открылись глаза, и она увидела лицо своего мужа... Адина стоял за спиной муллы и внимательно смотрел на секундную стрелку своих ручных часов. Кто-то, а профессор Муртаза хорошо знал, через сколько времени придет конец человеку от укуса гюрзы. Знал и сверял свои часы со смертью, а сам хохотал надрывно, безумно и жутко.

— Заткнись, дьявол! — закричал вне себя Хабибулла, наставляя на профессора пистолет.

Смех словно застрял в горле у Адны, лицо от страха стало блее потолка, а сам все рукой на бедную Джамию показывает.

— Есть, есть твой праведный суд на земле, о всемогущий аллах! — изрекает Адина. — Он знает, кого судить, кому уготовить смертную кару.

— Да, есть на земле суд всевышнего! — подтверждает мулла. — Есть и суд моего афганского народа. Да свершится их справедливый приговор, да не дрогнет моя рука выполнить их волю! — Сказал и нажал на спусковой крючок бесшумного пистолета. Стрелял до тех пор, пока не кончились патроны в обойме.

* * *

«Кабул... Сверхсрочно... Майвану...

Высылаю надежным человеком секретную документацию технологического процесса производства известного вам препарата. Лаборатория смерти взорвана. Адину Муртазу взять живым не удалось, лик-

видирован Меченым. В проводимой операции смертью героя погибла товарищ Джамия. Анис».

«Пешавар... Сверхсрочно. Анису...

Благодарю за успешное выполнение задания. Приступайте к завершению операции «Икс-81»... Майван».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Когда мы в суете проводим день за днем,
Мы жизнью эти дни ошибочно зовем.
Лишь истинная жизнь останется от жизни,
Когда в конце концов итог мы подведем.

Камаладдин Исфакхани

С нелегким сердцем я покидал виллу Бури. Вроде не было никаких причин для волнений, а тревога не прошла, осталась со мной и за порогом богатого городского дома лидера партии «Шамшари ислами». Принял он меня радушно, как старого друга. Отчет слушал внимательно, вопросами не перебивал, изредка делая какие-то пометки в своем маленьком карманном блокноте.

— Я доволен твоей работой, Салех,— сказал он, когда окончилось мое сообщение. — Мы получили первоклассное оружие и нужное количество боеприпасов. Только вот беда — быстро они в руки врага переходят. Много из того, что ты поставил, на что потрачены бешеные деньги, досталось противнику.

Лицом погрузился, налил себе рюмку водки, выпил до дна, не морщась. С тех пор как мы расстались с ним, Абдула заметно сдал, обрюзг лицом, под мышинными глазками отвислые мешки. Начиная свою карьеру лидер партии в походной палатке учебного лагеря повстанцев, а теперь уже обзавелся виллой, уютеньким домиком в два этажа с тихим садом и плавательным бассейном. Здесь у чистой, голубой воды в тени и прохладе сидим мы с Абдулой в плетеных креслах. Стоит протянуть руку в сторону — маленький никелированный столик на колесиках с батареей бутылок и фруктами.

— За последние месяцы наши отряды понесли неслыханные потери. Погиб Али Шах, разбит и попал в плен Мустафа Вали, добровольно сдался властям Гулям Нарбегали... Случайность это или не случайность? Как ты думаешь, Салех? — Маленьких его глаз почти не видно, ушли, спрятались в укрытие, смотрят осторожно, выжидающе.

— А наша главная база, она-то, надеюсь, цела? — вместо ответа задаю вопрос Абдуле.

— Слава аллаху, цела... На нее теперь вся надежда... Но ты не ответил на мой вопрос...

— Извини великодушно... У кого что болит, тот о том и говорит. А на твой вопрос скажу откровенно, что думаю: никакой здесь случайности нет, почтенный Бури. — От моих слов он вздрогнул, подвинулся на краешек своего кресла, чтоб быть поближе ко мне, смотрит так, словно в первый раз видит. — Да, да, случайность исключается, — продолжаю я. — Плохо подбираешь командные кадры. Многие твои командиры отрядов — дерьмо. Простой боевой операции провести не могут. Мастаки только грабить да баб

насиловать, восстановили против повстанческого движения все население страны... И еще — предательство!

— Предательство?! — Абдула так и подскочил на своем месте. — Предательство?! Это интересно, очень даже интересно, продолжай, продолжай, Салех.

— Да продолжать, собственно, нечего. Надо надежных людей послать за линию фронта, разобраться, что к чему. Кто в штабе твоём секреты продает, кто там, на месте, людей за афгани покупает...

Задумался Бури. Молчу и я, покуривая сигарету. В саду где-то неожиданно подала звонкий голос неведомая мне птица. Поначалу тихо и робко, а потом разошлась, залилась лихо и весело. Услышал ее и Абдула, рукой махнул, как бы отгоняя тяжелые мысли, и улыбнулся.

— Ишь, какая у меня певунья в саду живет... Не дает хозяину печалиться... Давай выпьем по маленькой, Салех... Выпьем и вернемся к твоим делам, где, надеюсь, нет предательства.

— Но есть зло похлеще, чем предательство. Купля и продажа! — отвечаю я Абдуле.

— Мне это знакомо с детства. Как-никак, я сын известного кабульского купца Бури, что в переводе с дари означает: волк! — и засмеялся, довольный собою.

Мы долго еще говорили с Абдулой о новых торговых сделках, на крохотных счетно-вычислительных машинках японского производства вели совместно подсчеты предстоящих расходов, мудрили, как изловчиться, оплатить по счетам поменьше, а оружия заполучить побольше. Уже прощаясь, пожимая руку, он задал вопрос, которого, признаться, я не ожидал от него:

— А не засиделся ли ты в Брюсселе, с теплой девкой, Салех? Нет ли желания прогуляться со мной на родину, испытать купленное тобой оружие? Торговля подождет, от нас не убежит...

— С вами, уважаемый Бури, хоть к дьяволу в пасть!.. — не задумываясь, лихо ответил я.

Он усмехнулся, протянул руку на прощанье и вдруг, пристально глядя мне в лицо, заговорил стихами: «В этом мире враждебном не будь дураком. Полагаться не вздумай на тех, кто кругом. Трезвым оком взгляни на ближайшего друга. Друг, возможно, окажется злейшим врагом...» И захохотал, зашелся веселым смехом, показывая мне крепкие, как у настоящего волка, зубы...

Хотя было и далековато от дома Бури до отеля, где я остановился, решил идти пешком, чтобы спокойно, не торопясь, во всех деталях припомнить разговор с Абдулой. Начал было анализировать нашу беседу и невольно заулыбался, поймал себя на том, что мысленно я повторяю слова Бури: случайность это или не случайность? Разговор о понесенных его отрядами потерях, предложение прогуляться на родину и, наконец, Омар Хайям: «Друг, возможно, окажется злейшим врагом». Как это все понимать, какие делать выводы, к чему готовить себя?..

«Не торопись с выводами, хорошенько подумай, разберись, как в хитрой шахматной партии, предложенной опытным игроком», — сам себе подаю я команду.

Но думать не пришлось. Неожиданно рядом со мной остановился «фиат», быстро открылась дверца, и знакомый мне голос сказал громко и повелительно:

— Скорей в машину! Да не стой же ты, как истукан! Скорей, умоляю, скорей, Салех!

Я смотрю и не верю своим глазам. За рулем автомобиля сидит Гульпача. Лицо серьезное, на меня даже не взглянула, только вперед, гонит машину со страшной скоростью, на поворотах лихо закладывает такие виражи, что вот-вот вместе с машиной перевернемся кверху ногами.

— Здравствуй, Гульпача! — приветствую я ее. — Ты откуда, с неба свалилась?

— Именно с неба! — довольно нелюбезно отвечает Гульпача. — Меня вызвали сюда на допрос!

— На допрос?! — удивился я.

— Да, на допрос... У меня мало времени... Слушай меня внимательно. Адъютант Бури Махаммад, человек мрачный и жестокий, подробно интересовался тобой: с кем связан, кто ходит, характер личной переписки, телефонные разговоры.

— Однако же широкий круг обязанностей моего личного секретаря. И дорого ли...

— Замолчи! — перебивает она. — Презирать меня будешь потом, а сейчас слушай и не перебивай! Погибла Джамиля! Она замешана в убийстве собственного мужа и в хищении каких-то секретных документов из его лаборатории. А ты был близок с ней. Стало известно о вашей встрече в Брюсселе...

Она что-то еще говорит и говорит торопливо, я вижу, как шевелятся ее пересохшие губы, но ничего не слышу, ничего не понимаю. Только одно запало в душу: «Погибла Джамиля, погибла Джамиля, погибла...»

— Да очнись же ты, не будь бабой, горе ты мое! — кричит она мне в самое ухо. И тут же рулем крутанула так, что я не успел удержаться, ударился лбом о смотровое стекло. Машина остановилась. — Выходи, приехали! — командует Гульпача.

Не знаю, как это получилось, но я даже руку не успел протянуть Гульпаче, сказать ей доброе слово. Она буквально вытолкнула меня в спину из кабины, хлопнула с силой дверцей и исчезла вместе с машиной за поворотом узкой убогой улочки чужого города.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Коль человек ты — опасайся лжи
Коль ты не волк — вокруг стада не кружи.
Доколе будешь славы помогать
И беззаконий несть ярмо, скажи?

Аухади Мараги

Более тысячи повстанцев в холодную февральскую ночь мелкими группами на разных участках пересекли пакистано-афганскую границу. Бури боялся верить в удачу, но донесения от каждой группы подтверждали первый успех. Мятежникам удалось скрыться, в обход пограничных постов просочиться на родную территорию без единого выстрела.

— Вот что значит настоящая военная выучка!

Вот что значит новый метод обучения моих парней! — ликовал Абдула и тут же стучал кулаком по дереву. — Только бы не сглазить, только бы пронесло!

Настал и наш час выступать в поход. Небольшая штабная группа во главе с Бури, с надежным охранением тоже без особых происшествий пересекла границу. В глубь страны стали двигаться только ночью, соблюдая все предосторожности, обходя стороной оживленные караванные тропы и населенные пункты. Отдыхали днем в пещерах или в теснинах ущелий, укрывшись за огромными валунами, с бдительными часовыми. Огня старались не разводить, черствые лепешки и соленую брынзу запивали холодной водой из горных рек и ручейков. На пятые сутки пути мы встретились с отрядом Седого. Он шел навстречу начальнику, ведя под своим командованием добрую сотню молодых. Абдула принял Седого с распростертыми объятиями, наговорил ему всяких комплиментов, назвав его национальным героем страны. Седой не остался в долгу, решил не ударить лицом в грязь, подал команду отряду: «Отряд, стойте! Знамя вперед! Для встречи почетного гостя — на караул!»

Сто душманов, одетые кто во что, с чалмами, папахами, вязаными шапочками на голове, небритые и грязные, к нашему удивлению, взяли на караул, как настоящие заправские солдаты. Проплыло перед строем зеленое знамя и опустилось к ногам растроганного лидера партии «Шамшари ислами». Он преклонил колено, поцеловал зеленое полотно, сказал страстно и проникновенно:

— Спасибо тебе, родина, за теплую встречу! Я пришел, чтобы освободить твои горы и долины от скверны, карающим мечом господним уничтожить всех неверных. Счастлив, что на своем праведном пути встретился с такими славными орлами! Хвала аллаху, господу миров!

— Хвала! Хвала! Хвала! — троекратно громко отозвались орлы из отряда Седого. Слеза накатила на глаза Бури, которую он тут же смахнул рукавом. Но еще в больший восторг пришел Абдула, когда, наконец, мы добрались после мучительного перехода через снеговые вершины на центральную базу повстанческих отрядов. Седой, а точнее подполковник Рахим, потрудился со своими ребятами здесь на славу. В глухом ущелье были вырублены глубокие пещеры для размещения не одной тысячи людей. Здесь нашлось место и для штаба, и для госпиталя, и для походной радиостанции. Сарвар, кажется, перестарался. Одну из пещер приспособил для будущей тюрьмы с настоящими решетками и крепкими замками. Но Бури эта затея пришлась по душе.

— Молодец, Седой! Масштабно мыслишь, далеко вперед смотришь, — похвалил он подполковника.

Склады с оружием и боеприпасами находились в идеальном порядке... Купленные мною за рубежом автоматы и винтовки, пулеметы и гранатометы были по-хозяйски густо смазаны оружейным маслом, расставлены по всем правилам складского хранения огнестрельного оружия. Увидев горы ящиков с боеприпасами, Бури окончательно поверил в звезду своей удачи. Поманил повелительно рукой к себе послуш-

ного адъютанта Махаммада, громко, чтобы слышали все штабные, отдал приказ:

— Передать по рации: с сего дня принимаю командование объединенными отрядами на себя. Приказываю всем группам стянуться в ущелье Кара-Чар, чтобы слиться в один кулак и всеми имеющимися в нашем распоряжении силами нанести сокрушительный удар по войскам неверных!

Махаммад отдал честь, шелкнул каблуками и поспешил на радиостанцию выполнять приказание своего начальника.

* * *

Генерал Толхани был терпелив, ждал долго этой минуты и, наконец, дождался. Последняя группа из отряда Бури втянулась в ущелье. Враг был в сборе, пора начинать хорошо продуманную операцию. Разведчикам удалось выманить врага из-за кордона, помочь попасть в расставленный на родной земле капкан, из которого нет выхода. Они сделали свое дело, теперь слово за солдатами народной армии. Ущелье окружено плотным кольцом войск, готовых нанести сокрушительный удар по группировке противника. Ждут приказа генерала артиллеристы и танкисты, пехотинцы и вертолетчики. По рации Толхани связался с Кабулом.

— Все готово! Прошу разрешения открыть огонь.

— Рано, генерал,— отвечает Кабул.— Рано, еще не кончили своей работы разведчики. Возможно, обойдемся без кровопролития. Пока действует подполковник Ахмад.

* * *

...По предложению своего адъютанта Махаммада он решил провести митинг сводного отряда, сказать горячие, вдохновенные слова мятежникам, напомнить о заповедях аллаха в борьбе с неверными. Отоспались, отмылись в баньке здоровые, молодые ребята. С утра после намаза командиры групп повели своих бойцов на общий сбор к пещере, где размещался штаб. Сходились, шумели, перекидывались шутками, устраивались поудобнее на холодных камнях, между ног автоматы и винтовки. Из пустых ящиков от патронов сколотили наспех что-то вроде помоста, чтобы человека с него видно было всей почтенной публике. Вход в штаб плотно прикрывал брезентовый чехол с грузовой машины, несколько рослых парней из отряда Седого с оружием на изготовку выстроились полукругом, оставляя коридор для прохода начальства. Первым из-за брезентовой занавески появился Махаммад. Лицо у адъютанта было, как всегда, мрачное, без тени улыбки, глаза жестокие, серые, как у рыси. Поднял руку, сразу тишина наступила. Голоса вперед подались, шеи вытянулись.

— Все группы в сборе? — спросил толпу суровый адъютант.

— Все, все,— сразу отвечало несколько голосов.

— Вот и отлично... — заключил Махаммад. — Время подошло, поговорим по душам. И, пожалуйста,

без всякого шума, чтобы тихо у меня было. Все вы окружены войсками народной армии, сопротивление бесполезно! — Кашлянул в кулак, сказал громко, как только мог. — Слово имеет представитель Революционного совета республики рафик Ахмад!

Это была та минута, которой больше всего опасались разведчики, минута, за которой грянет гром, обрушится шквал смертельного огня, схватятся друг с другом люди, кровь, стоны, в действие вступят регулярные части генерала Толхани. Или скажется большая политическая работа, которую несколько месяцев вели разведчики еще там, в учебном лагере под Пешаваром? Настал час, на одну чашу весов положен обнаженный меч врага, на другую — слово революции. Всю ночь он думал об этом слове. Подполковнику Ахмаду Хану поручили сказать, не таясь, во весь голос правду. Курил одну папиросу за другой, пытался писать на бумаге и тут же рвал на мелкие куски... Где найти это слово, чтобы остановить братоубийственную войну, оправдание которой, кощунствуя, враги пытаются найти в коране.

— А ты скажи им слова из святой книги, о которых умалчивают наши недруги,— это советует мулла Хабибула. Он тоже волнуется, не спит, просит на коленях аллаха, чтобы день грядущий завершился не боем, а миром, не пролилась понапрасну мусульманская кровь.

— Скажи, они поверят, они поймут настоящие слова аллаха. Вот, послушай!

И сложив молитвенно руки на груди, торжественно провозглашает:

— «О люди! Пришла к вам истина от вашего господя: и кто идет прямым путем, тот идет прямо для своей души, а кто заблудился, тот заблудился во вред ей; и я не поручитель за вас» Ну как, нашел я для тебя верное слово? — спрашивает он у Ахмада.

— Слово аллаха больше подходит мулле. Мне нужно другое, свое, простое и понятное всем...

И нашел его, когда увидел тысячи испуганных, любопытных, злых и добрых глаз крестьянских парней, что судорожно уцепились за стволы автоматов и винтовок, но не подняли их, не направили в сторону Ахмада.

— Я так скажу... Довольно, уважаемые, убивать друг друга. Весна идет... Земля по вашим рукам истосковалась... Пора сеять. Амнистия будет для всех, кто сам, добровольно сложит оружие...

Неожиданно полоснули короткие две-три автоматные очереди. Толпа ахнула. Кто наземь свалился, кто, пригибая головы, за камнями прячется, и все затворы дергают.

— Прекратить панику! — гаркнул строго, покомандирски Махаммад. — Не дурить с оружием! Что там у вас в задних рядах произошло?

— Да ничего особенного, — отвечает Мургаб, белая чалма съехала набок, в больших руках автомат, словно детская игрушка. — Так... Кое-кого успокоили, чтоб нам не мешали к своим домой вернуться... Уж извините, так вот у нас получилось... успокоили...

— И правильно сделали! — сказал Ахмад.

Стащил с головы каракулеву шапочку, вытер

тыльной стороной ладони вспотевший лоб, как бы извиняясь:

— Ну и жара нынче, парня... Солнце припекает... Скоро миндаль с яблонями цвести начнут. А чуте, как травами в воздухе пахнет,— и стал принюхиваться, да так комично, что не удержалась толпа, приснула от смеха, заготовала во все глотки, оттаяла, сняла грех с души.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вчера я не существовал, но из небытия
Явился нынче я на свет — и снова бремен я.
Назавтра и следы мои исчезнут на земле.
Но из вчера в грядущий день уходит колея.

Ишрак Асафи

Самолет совершил мягкую посадку, подрулил к аэровокзалу, утихли мощные турбины. Сейчас подадут трап, и я дома. Брошусь на раскаленный от летнего пекла бетон, прижмусь сердцем и обниму тебя, моя родная земля... Не надо мне никаких пышных встреч, цветов и машин. Пешком, босиком хочу идти в свой город навстречу людям, вечно занятым, суетливым, спешащим неизвестно куда. Возьму вот и крикну во весь голос:

— Остановитесь, люди! Не торопитесь, не мельтешите попусту на белом свете. Смотрите, какое огромное солнце над вашими головами. А там, где я был, на краю обрыва, одна темнота. Ловите в руки золотые лучи, радуйтесь встрече друг с другом, наслаждайтесь жизнью на земле! Люди! Я вас очень прошу, будьте людьми!

Но все, что может позволить себе афганский гражданин на своей родине, не дозволено иностранному гостю. Господин Салех, представитель известной фирмы соседнего государства, прибыл для переговоров с местными деловыми кругами, и ему надлежит вести себя строго по установленному протоколу.

— Ну разреши хотя бы домой заглянуть. Ведь я так давно не виделся со своими стариками! — прошу я Ахмада.

— Да пойми же ты, не могу я этого сделать. Не имею права. Борьба продолжается, надо еще потерпеть. — Он сказал и тогда то же самое при нашей встрече в этом чертовом ущелье Кара-Чар:

— Надо еще потерпеть.

Центр не счел нужным выводить меня из игры с окончанием операции «Икс-81». Ахмад позаботился, чтобы я имел абсолютно надежное алиби, и дал по этому поводу соответствующие указания своим помощникам. Каково же было мое удивление, когда одним из них оказался не кто иной, как сам адъютант Бури — Махаммад. Именно ему и было поручено арестовать нас вместе с Абдулой перед началом операции. Указав кивком головы в нашу сторону, Махаммад сказал отрывисто и грозно:

— Взять мерзавцев!

В один миг, на глазах растерявшихся и ничего еще толком не понимающих членов штаба, нас с Бури схватили быстрые ребята из отряда Рахима и

крепко повязали веревками. Для меня это было полной неожиданностью, что Махаммад наш человек, такой же разведчик, как и я, выполняющий определенную роль в операции «Икс-81». Это был тот самый Угрюмый, который держал постоянную связь в эфире с центром в Кабуле, сообщал ценные сведения и, в меру своих возможностей, оберегал меня от различных неожиданностей. Махаммад рассеял все подозрения Бури, которые у него возникли по отношению к господину Салеху в связи с участием Джамили в операции против лаборатории профессора Адины Муртазы... По приказу своего шефа Махаммад тайно от меня вызвал из Брюсселя Гульпачу и учинил допрос с пристрастием. С легким сердцем доложил потом Бури, что личный секретарь полностью подтверждает непричастность ее хозяина к событиям, разыгравшимся вокруг лаборатории профессора Муртазы. Господин Салех давно порвал всякие интимные связи с Джамилями, и поэтому возникшие подозрения можно считать просто недоразумением.

— А все же возьму я его в поход. Там и учиним еще одну проверочку. Подумаем, как это лучше все организовать на родной земле.

А организовывать Абдуле ничего не пришлось. Лучшее проверки не бывает. Мы лежим рядом друг с другом, связанные по рукам и ногам. Бури попытался что-то крикнуть, подать голос, да не может. Напала икота, лицо посинело, глаза из орбит лезут. Еще бы, самый верный человек, адъютант, которому доверял все тайны, оказался злейшим врагом Бури. В его штабе работал опытный разведчик, который держал под контролем каждый шаг Абдулы и его окружения. Здесь, в ущелье Кара-Чар, ему было поручено разоружить без кровопролития все стянутые в кулак банды Абдулы Бури, общей численностью более тысячи человек. Созданная им разветвленная сеть агитаторов в каждом отряде мятежников сработала четко и без осечки. Люди Бури сдавали оружие, у тех же, кто пытался оказывать сопротивление, оружие отбирали силой. Их так же, как и нас с Бури, вязали и бросали в тюремную пещеру, подготовленную заранее предусмотрительным подполковником Сарваром. У меня оказалось очень много свидетелей, что в трудные минуты для лидера партии «Шамшари ислами» господина Абдулы Бури я был с ним рядом, как верный соратник и преданный друг. А бежал из Пули-Чархи я уже потом с группой заключенных. Так было надо, так было предусмотрено планом новой операции в тылу врага.

— Ахмад, ну будь же другом, разреши хоть одним глазком взглянуть на своих,— снова прошу я своего начальника, теперь уже полковника Ахмада Хана. Он на меня не смотрит, рассматривает что-то на ветке чинары, которая заглядывает к нему в окно. Потом не спеша гасит свою сигарету в пепельнице, встает из-за рабочего стола.

— Ну что ж, если только одним глазком... Только одним глазком,— наконец разрешает Ахмад.

...И вот я вижу своего дядюшку Фатеха. Он сидит на пустом ящике у входа в нашу мастерскую. Поко-

силась набок, выцвела красками некогда солидная вывеска «Лучшие мастера-жестянщики Кабула Фатех и Салех. Ремонт машин с гарантией!!!». Мимо старого жестянщика проносятся автомашины, не сигналият, не просят выпрямить согнутое крыло или запаять разбитый радиатор. С машинами все в порядке, а вот дядюшке Фатеху не везет, обошла его, видать, сегодня удача, выдался безденежный день, как у нас с ним часто бывало. Еще больше сгорбили годы его спину, сидит, отрешенный от всего мира. Подойти бы сейчас к нему, броситься в объятия, рассказать о себе все, как есть. Не с позором, а с радостью я пришел к тебе, дядя Фатех, могу честно смотреть в глаза людям. И, если уж так хочется, не прячя в темный угол мастерской мою фотографию, прилепи ее на самом видном месте, пусть все знают, что это портрет не преступника, не предателя своего народа, а уважаемого в стране человека. Только повремени немного, дождись моего возвращения на родину. Не один

переступлю я порог нашего дома. У тебя и у тетушки Анахиты есть теперь дорогой, шаловливый человечек на земле, маленькое чудо по имени Джамиля. Вас мы не обидим, свадьбу с Гульпачой еще не играли, отложили до возвращения в Кабул. Так что быть еще пиру горой, веселой песне и музыке.

— Пора ехать... Нельзя больше стоять у обочины дороги, привлекаем к себе внимание прохожих,— трогает меня за плечо Ахмад.

Машина тут же срывается с места, и я прощаюсь с тобой, мой дядюшка Фатех. Хочу верить, что скоро, очень скоро состоится наша настоящая встреча. Не будешь ты сидеть так одиноко у двери мастерской со своими нелегкими думами. А пока я спешу в аэропорт. Ахмад нетерпеливо посматривает на часы, подгоняет шофера. Надо не опоздать, успеть на самолет, который унесет меня снова в края далекие и чужие.

Москва — Кабул — Джелалабад — Москва
1980—1983

ВЕСНА РЕВОЛЮЦИИ

Нескончаемые цепи гор ослепительная на солнце синева ледника, серебристые ленты буйных рек, зеленые острова горных долин. «Это моя родина», — с гордостью и болью думал, возвращаясь домой после долгой разлуки, молодой афганец жестянщик Салех.

Из-под крыла самолета видны четырехэтажные бараки за бетонным забором, сторожевые вышки, чугунные ворота шахского лагеря особого режима Пули-Чархи. Жестокие страдания пережиты Салехом, политическим заключенным номер 513, долгое время томившимся в каменном тюремном мешке лагеря. В одной камере с ним делили неволю и муки разные люди, и взгляды у них на многое разные, но крепко объединяла и сближала их любовь к своему многострадальному народу и родине.

Глазами и сердцем Салеха показывает писатель новое, необычайное, что принесла Апрельская революция 1978 года афганскому народу.

Декреты революции № 1, 2, 3, 4... 8...

Отныне страна объявляется и становится демократической республикой.

Отныне земля принадлежит не помещикам, а безземельным дехканам, сельской бедноте.

Отныне закабаленные жестокими предрассудками деспотического феодального Востока женщины равноправны с мужчинами.

Богатства родной земли революция отдает трудящемуся народу.

Но тяжело рождается новое. Трудными, подчас трагическими путями развивалась революция. Писатель Ким Селихов не раз бывал в Афганистане. В республике у него есть друзья. Он много видел, постиг, перечувствовал. Потому так убедительно раскрыта им в повести борьба нового со старым, так гневно описано беженое сопротивление контрреволюции новому.

Бдительность. Принципиальность. Твердость. Вот те качества, которые необходимы всем нам, всем честным людям земли, чтобы выстоять в борьбе с хитроумным, жестоким врагом, не выбирающим средств. Читаешь повесть и невольно припоминаешь строки недавно принятого у нас закона о границе...

Контрреволюция мобилизует союзников: бандиты, душманы пытаются терроризировать народ, бесчинствовать на земле, не осмеливаясь назвать ее родиной.

Есть и еще опасный враг у Демократической Республики Афганистан. Один из первых декретов революции сказал: земля — тем, кто ее обрабатывает, дехканам. Но дехкане-бедняки почти сплошь неграмотны, не всем понятен смысл революционных решений, писанных смертными людьми. А коран написан святой рукой: «Частная собственность неприкосновенна».

Афганское революционное правительство с помощью советских инженеров и рабочих воздвигает многоэтажные современные дома для трудящихся. И что же? Слышанное ли дело — жить без надеж-

ного дувала, дверь против двери, ходить мужчине по одной лестнице вместе с женой и дочерью соседа, — клянут враги революции, зовя на помощь коран и вековые мусульманские обычаи и традиции.

Писатель показывает гуманизм и разумность действий революционного правительства Афганской республики. И как ни старается ЦРУ взрастить в афганском народе под знаменем ислама ненависть к тем, кто осмелился совершить революцию, поднять руку на частную собственность, даже иныи служители аллаха начинают исповедовать революционную веру.

Интересный образ муллы Хабибулы создан писателем. Вначале странными кажутся мулле новые порядки на родине, но постепенно, наблюдая жизнь и созидание нового, Хабибула понимает, что революция — для народа, и становится ее добрым союзником.

Восхищение вызывает совершенная умным мужественным Салехом, ставшим бойцом революции, блестящая операция. Разведке удалось выманить врага из-за кордона: тысячная вражеская армия и ее огромные склады оружия попались в капкан на афганской земле. Написанная в стремительном темпе, повесть рисует напряженную, полную драматизма, но пока мирную встречу бойцов народной армии с армией контрреволюционеров и вооруженных мятежников, еще не знающих, что они в западне.

В повести немало сильных, даже трагических эпизодов. Повесть населена многими персонажами. Большинство из них — прежде всего Салех, Ахмад, Махаммад, женщина сложной судьбы и больших чувств Джамиля, вырастающий на наших глазах в человека мулла Хабибула, благородный и мудрый, очень живой кузнец дядя Фатех — написаны сильно и ярко.

Писатель знает Афганистан, его непростую обстановку, людей, народный быт и традиции, улавливает стиль речи, живет в его повести своеобразная природа страны. О Демократической Республике Афганистан рассказано правдиво и увлекательно.

К читателю пришла содержательная, политическая, остросюжетная книга.

МАРИЯ ПРИЛЕЖАЕВА

Ким Николаевич Селихов

Необъявленная война

(Записки афганского разведчика)

Редактор З. Радишевская

Художественный редактор А. Максимов. Технический редактор Л. Изгаршева

Корректоры Т. Сидорова, С. Колганова

© Фото Н. Кочнева

Сдано в набор 17.09.85. Подписано в печать 31.10.85. А 13587. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 9,16. Тираж 2 000 000 экз. (2-й завод 500 001—2 000 000 экз.). Заказ 1666. Цена 80 к.

Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература»

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате ВО Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли г. Чехов Московской обл. Зак. 2599

Рукописи ранее не опубликованных произведений
редакцией не принимаются и не рассматриваются.